

РАЗНЫЕ ЗАМЕТКИ

P. J.

<http://unism.pjwb.org>

<http://unism.pjwb.net>

<http://unism.narod.ru>

Здесь собраны заметки, написанные по разным поводам, показывающие отношение унизма к явлениям повседневной жизни. Эти страницы — лишь нечто предварительное, повод для дальнейшего знакомства. Позже эти вопросы должны рассматриваться более основательно, в универсальном контексте.

Тьма просвещения

Вероятно, на свете много талантов, и гениальности — хоть пруд пруди. Кто-то понимает все с первого намека, кто-то со второго — а кому-то и намекать не нужно, им заранее все ясно. Такие, вот, у разума столпы и ступени... Время от времени кто-то из гигантов мысли снисходит до того, чтобы просветить беспородных недоумков, кои сами никуда не дойдут, и в голове у которых — лишь подобие идей, жалкие потуги приобщиться к играм великих мира сего. Выдающейся личности ничего не стоит написать что-нибудь эдакое, на несколько сотен страниц. Берите, сограждане, пользуйтесь! Цените великую доброту.

Но несчастные создания, вроде меня, оказывается, неспособны даже толком принять дары на все способных; у рядового человекообразного не хватает мозгов прочесть и понять — и читают они как-то медленно и неэффективно, спотыкаясь на каждой формуле. Каждый день я натываюсь на десяток книг, которые мне, по всей видимости, было бы полезно прочесть. За год набегают три с половиной тысячи, если не больше. Освоить такую бездну премудрости лично мне совершенно не дано. Даже поверхностно пробежаться по страницам — никакого времени не хватит. Даже просто расставить новенькое по полочкам в библиотеке — весь день уйдет. Я же не могу так сразу сообразить, на какую полочку ставить, — это же надо хоть немного понимать, о чем речь идет.

Иногда тянет чем-то заняться, и кажется, что мог бы сказать нечто небезынтересное. Но при одном взгляде на необъятное море специальной литературы по любому вопросу становится не по себе. Как ни старайся — ничего оригинального не изобразить. Народ уже давно все придумал и все описал в необозримых глубинах толстых томов. А начинаешь читать — как-то странно. С одной стороны, действительно, все уже есть. Каждая мысль у кого-то уже проскальзывала, каждая красавица кем-то где-то изобретена. Вроде, и трепыхаться незачем. С другой стороны, сколько ни читай — нет душе удовлетворения. Говорит народ много и правильно — но как-то не так. Чего-то у них постоянно не хватает для совершенной убедительности.

Ну, а если самому попробовать? Не претендуя на открытия, просто прибраться малость в собственных мозгах. Но стоит начать — сплошное разочарование. Получается совсем не лучше, и криво с любого боку. Даже иногда закрадывается крамольная мысль: а что если никакого порядка в мире вовсе нет? Так, переливание из пустого в порожнее, из одной книги в другую... И не надо головой напрягаться, и отвечать за свои слова совершенно ни к чему. А

что? Все равно никто не увидит, а увидит — не поймет, а поймет — не оценит, а оценит — на помойку выбросит. При нынешнем изобилии проще сляпать что-нибудь самому, нежели отыскивать в бездне чужой просвещенности. Быть может, творчество — это всегда великое невежество и великая наглость? Поленился найти у других — стал мэтром нового направления. Не постеснялся выставить напоказ шитое гнилыми нитками — попал в струю идейной моды. Сырой продукт стимулирует всеобщую рефлексию и толкает куда-то прогресс.

Да нет. Это я по своей духовной немощности не могу увидеть всей прелести происходящего, и предложить мне другим нечего. И остается сидеть в стороне, да посапывать в тряпочку. Перелистывать умные книжки — и еще больше расстраиваться. А глупые писания свои держать подальше от народных взоров, на безвестном сайте, который посещают разве что роботы — и то лишь по долгу службы.

Так что не обессудьте. Как говорится, чем бедны, тем и не нужны. А качестве домашнего упражнения — дурацкий вопрос: а нет ли и от бесполезности какой-то пользы? Быть может, нежелание (и неумение) понимать — в чем-то не уступает цепкой понятливости? Быть может, не оставляющие следов — чем-то ценнее любителей наследить? Быть может, гениальность — это не только свершения, но иногда и отказ от свершений? Быть может...

Но может и не быть.

О спорте

Вы любите спорт? Лично я — нет. И у меня есть причины.

Я утверждаю, что *всякое соревнование вообще* несовместимо с самой идеей разума. Соревнование, конкуренция — это явления животного мира, а сознание — как раз то, что отличает людей от животных.

До сих пор людям приходится воевать за место под солнцем. Уровень производства не настолько высок, чтобы удовлетворить потребности всех, а система распределения далека от совершенства. Это приводит к тому, что животное в людях все еще преобладает. Тем ценнее каждый случай намеренного отказа от конкуренции, от животной борьбы за существование. Именно это делает человека человеком, а не самцом или самкой биологического вида.

Спорт в этом плане — полная противоположность. Он подпитывает животные инстинкты, вытесняет собственно человеческие мотивы и чувства, подменяя их набором суррогатных деятельностей, вредных почти во всех отношениях.

Для спортсмена — это вредно для здоровья, телесного, или душевного. Тело подвергается чрезмерным нагрузкам и накачивается медикаментами, ломающими естественный метаболизм. Душа отравлена необходимостью служить телу. Некоторые спортсмены могли бы проявить незаурядные творческие способности, если бы они не посвятили себя спорту, — весь этот человеческий потенциал безвозвратно утрачен!

Для человечества в целом — последствия просто ужасны.

Спорт ослабляет человечество физически, поскольку спортивные соревнования давно превратились в состязания химикатов, а не людей. Кроме того спорт побуждает массу людей вырабатывать совершенно бесполезные навыки, в ущерб выработке полезных.

Спорт отвлекает людей от общественно полезной деятельности, приводит к разбазариванию времени и сил. Истинные ценности подменяются ложными ориентирами. Внимание приковано к глупым рекордам, к иллюзорным достижениям — вместо насущных социальных проблем.

Спорт подрывает экономику. Он поглощает материальные и творческие ресурсы в огромных количествах. Но это совершенно непродуктивное их использование, а значит, дополнительное бремя как для общества в целом, так и для индивидуального благосостояния. К тому же спорт

становится кормушкой для целой армии манипуляторов, которые не умеют ничего кроме выкачивания денег из спорта, — это отбросы человечества.

Спорт — это чисто коммерческое явление. Бизнес и спорт вырастают из общей идеи соревновательности. Им нет дела до улучшения условий жизни людей, они заняты исключительно деланием денег или погоней за прочими выгодами. Любительский спорт в этом плане мало отличается от профессионального.

Спорт искажает систему общественной оценки, предполагая, что спортсмен (или спортивный менеджер), «зарабатывающий» миллионы долларов в год, более важен для общества, нежели, скажем, ученый, садовник, шахтер или чистильщик обуви. На деле же все как раз наоборот, ибо от спортсмена людям нет никакого проку.

Спорт уродует нравы, насаждая идею вседозволенности. Добивайтесь победы любой ценой, нет никаких ограничений. Эта психология легко проникает и в другие области деятельности.

Спорт порождает одно из уродливейших явлений современной культуры — болельщиков, фанатов. Тупые наблюдатели, которые сами не занимаются спортом, но претендуют на глубокую осведомленность и понимание. Обожатели, которым все равно, кого или что они обожают. Защитники, которым все равно, что защищать. Плесень. Пыль. Но эта пыль опасна, ибо готова удушить малейший проблеск свободной мысли. Фанаты не умеют любить, они могут только ненавидеть. Это другая сторона всякого соревнования. Спорт воспитывает жестокость, подстрекает к агрессии. Есть победители, и есть побежденные. Отсюда идея социального неравенства и угнетения.

Можно перечислять еще и еще. В конечном итоге, спорт устанавливает образцы поведения, которые воспроизводятся в любой сфере деятельности, превращая ее в сферу животной конкуренции. Соревнование убивает творчество. Ученый, пытающийся обойти других и получить грант, начинает думать о выгоде, а не об истине. Танцовщица, участвующая в конкурсе, танцует для жюри, а не для того, чтобы дать пример совершенной красоты. Рабочий в высокодоходном производстве вынужден работать на продажу, а не ради удовлетворения человеческих потребностей.

Чтобы замаскировать разрушительную природу спорта, официальная пропаганда муссирует идею физической культуры как способа восстановления и тренировки. Замазывается принципиальное различие между, например, спортивными лыжами и лыжной прогулкой ради удовольствия. Первое — вредно, как любое соревнование. Второе — способ освежиться, вроде прогулки по лесу; это полезно, пока не вызывает напряжения. С другой стороны, внешне одинаковые деятельности могут нести противоположный заряд, в зависимости от их мотивов. Так, можно играть в шахматы (или в футбол) вместе с кем-то (сотворчество) — а можно играть против кого-то (соревнование); соответственно, это занятие станет либо сознательной деятельностью, либо животным поведением.

Что же касается тренировки, существует много методов поддержания физической формы и жизненного тонуса без многократного повторения искусственных телодвижений, до полного одурения. В правильно организованном обществе каждодневная активность любого его члена будет достаточно нагружать его организм. Есть специальные приемы, позволяющие соединять мышечную тренировку с любой деятельностью вообще, включая покой; овладение ими — дело общественного воспитания. Однако широкое распространение подобных навыков не в интересах правящих кругов.

Спорт нельзя даже рассматривать как своего рода эксперимент, направленный на выяснение биологических пределов человеческого организма. Подобный эксперимент совершенно не нуждался бы в присущей спорту коммерческой шелухе, и тем более в ордах болельщиков.

Разговоры об активном отдыхе преследуют еще одну цель — формирование такого механизма контроля как социальные стандарты, мода, корпоративный дух и т. п. Те, кто подчиняется формальным требованиям, — действуют правильно, а те, кто не хочет им соответствовать,

становятся предметом всеобщего презрения и вытесняются из жизни. Одна часть общества тем самым настраивается против другой, в духе животной (и спортивной) соревновательности. Многим приходится заниматься спортом только потому, что иначе они рисковали бы все потерять.

Можно сказать, что само существование спорта есть индикатор недоразвитости общества. Когда-нибудь, через много лет или тысячелетий, человечество избавится от этого наследия животного прошлого, открывая тем самым новые горизонты для человеческого разума.

Мудрость во времени

Люди часто полагают (или им внушают), что народы, населявшие Землю за многие века до нас, могли быть причастны какому-то высшему знанию, или обладать высшей мудростью; все это было со временем утеряно или забыто.

Тем самым развитие отрицают по крайней мере дважды. Во-первых, предполагается, что культурные достижения вечны и неизменны. Во-вторых, способность людей мыслить и действовать считают одинаковой на всем протяжении человеческой истории.

Оба эти утверждения ошибочны.

Ничто в культуре не приходит раз и навсегда. Материальная культура меняется так же, как и духовная. Предметы потребления далеких предков не смогут удовлетворить нынешние потребности. Точно так же и эстетика одной эпохи отличается от другой, и большинство образцов старинного или первобытного искусства могут представлять для современного человека разве что исторический интерес. Аналогично, ранненаучные понятия едва ли приемлемы в науке сегодняшнего дня. То же самое философия, мудрость. А поскольку философия существенно связана с практикой, с сознательным построением будущего, следование доисторическим предписаниям является полной противоположностью мудрости, которая неизбежно ломает любые установления в поисках новых путей, отвечающих задачам текущего этапа развития.

Конечно, что-то из наследия прошлого сохраняет свое значение и теперь. Это означает, что культура все еще не преодолела какие-то элементы прежней экономико-социальной организации, и что люди живут и действуют в условиях, чем-то похожих на то, что было раньше. То есть, приемлемость старых форм связана главным образом с низким темпом развития, а не с особенной мудростью каких-то установлений, завещанных нам предками, — иначе говоря, с недостатком, а не с избытком мудрости.

Далее, человеческие способности развиваются в процессе экономического развития, так что набор навыков (в том числе мыслительных) среднего человека все время расширяется. Более широкий взгляд на мир значительно повышает уровень духовности современного человека по сравнению с большинством людей прошлых эпох. Поэтому современная мудрость в любом случае будет более утонченной и возвышенной, нежели все виденное до того. И если вдруг современный философ увлекся некоторой старинной «истиной», это указывает, скорее, на его духовную недоразвитость, а не на какие-либо исключительные качества старой идеи. В частности, выживание — несмотря на развитие искусства, науки и философии — всяческих религий есть следствие медленного развития культуры и недостатков системы образования, что, в свою очередь, связано с несовершенством социально-экономической организации.

Не зря!

В целостности мира каждая отдельная вещь занимает свое объективно необходимое место, и нет ничего, что не вносило бы вклада в единство мира. В частности, жизнедеятельность

каждого человека по-своему необходима, и человечество в целом нуждается во всех и каждом из его членов. И все же индивидуальные вклады могут различаться и принадлежать разным уровням организации мира. Просто существовать — это не то же самое, что быть биологическим организмом, а животное поведение отличается от сознательной деятельности. В качестве органического тела или неодушевленной вещи человек является лишь частью материальной основы сознания и разума; с развитием субъективности как универсального опосредования влияние человека на мир в целом неизмеримо возрастает.

Всякий сознательный акт предполагает некоторое изменение в мире, которое не может не распространяться до бесконечности, никогда полностью не исчезая, хотя, возможно, принимая разные формы и сливаясь со следами других дел. В большинстве случаев не удастся отделить одни влияния от других и приписать конкретный результат тому или иному лицу; однако это вовсе не означает, что индивидуальные вклады пренебрежимо малы. В крайнем случае, существование и жизнь одного человека могут поддерживать субъективность другого, тем самым вливаясь в единство мира опосредованным образом.

Все сознательные деятельности одинаково универсальны, даже если бывает трудно сказать, что, собственно, в результате получается. Во всяком случае, сознание — это всегда творчество, а значит, развитие мира по направлению к большей целостности. Чем бы человек ни занимался, достаточно относиться к этому занятию творчески, чтобы превратить его в нечто универсальное, становясь тем самым представителем мира в целом.

О рекламе

Наглая, настырная, бессмысленная, тупая, назойливая, агрессивная, разрушительная, бесчеловечная...

Это она, реклама.

Само существование подобного вздора указывает на ущербность современного общественного устройства. Разумный человек никогда не будет встречать в жизнь других без весьма веского повода. Нарушая покой людей, реклама абсолютно несовместима с разумностью.

Реклама дорого обходится. Она поглощает всевозможные ресурсы без малейшей экономической или культурной отдачи, подрывая тем самым общественное благосостояние. Растроченные впустую материальные богатства и духовные силы можно было бы направить на улучшение жизни людей, на решение насущных проблем современности — или хотя бы просто снизить цены.

Реклама не несет никакой информации; в ее основе — намеренная ложь. Технические ухищрения ради привлечения внимания обывателя обращены к его примитивным физиологическим реакциям; они подавляют разумную мысль и доводят головы до полного одурения. Большинство людей ненавидят рекламу и стараются ее избегать. Однако появились и такие, кто уже себя без рекламы не представляет, для кого она становится способом мышления и единственно возможной формой восприятия.

В разумно устроенном обществе всякая реклама должна быть исключена, включая скрытую рекламу и саморекламу. Что действительно требуется — это информация. Сотой части того, что тратится на рекламу, хватило бы, чтобы организовать всемирную информационную сеть, в которой данные не забивал бы информационный шум, и где не нужна была бы избыточность. Коммерческое использование Интернета убило саму идею публичной сети для свободного обмена данными. Поисковики и сетевые каталоги забиты рекламной чужью и эффективность их практически упала до ниже нуля. Искусство, наука, философия — поставлены в зависимость от рекламы, а это препятствует развитию человеческой духовности и в конечном итоге — экономическому прогрессу.

При всей абсурдности рекламы как таковой, реклама еще и портит предметы потребления, или, по крайней мере, снижает их ценность. Производитель (или продавец) старается посадить логотип компании на любое сколько-нибудь заметное место. Но почему я должен носить одежду, обувь и что угодно — с дурацкими надписями? А если я вообще не хочу, чтобы на мне было что-то написано? Здесь тоже извращенная логика. Фирмы платят бешеные деньги за рекламу на телевидении и на улицах — но почему-то никто не платит мне за афиширование их логотипов на моих вещах.

Гордыня и собственность

В человеческом обществе ничто не может быть сделано одним единственным человеком, или отдельной группой людей. Каждый зависит от всех, даже если обычно это далеко не напрямую. Никто не может обоснованно утверждать, будто он добился чего-то сам, без всякой помощи. Сам факт его существования уже опосредован жизнями миллиардов людей. В повседневной жизни мы не можем обойтись без разного рода удобств и предметов; нам нужны пища и одежда, крыша над головой и защита, обучение и воспитание, орудия и инструменты. Наше свободное время и возможность побыть наедине с собой — приходят только от других. Наши мысли и чувства зависят от человеческой культуры, наши идеи отражают общественные потребности.

То есть, чтобы мы ни делали, мы никогда не делаем это в одиночку, и любое наше достижение — свершение всего человечества. Формирование сознательного индивида предполагает тысячелетия совместного опыта. Личность — лишь коллективный эффект, гребень волны.

Не бывает людей, которые «сделали себя сами»; всех нас делает та культурная среда, в которой нам довелось жить. Все, что нам доступно, — следствие определенных экономических и общественных отношений, каждый поступок — опосредован историей и нынешним днем человечества.

Поэтому идея собственности *логически* ошибочна. Нет ни малейшего основания для того, чтобы нечто принадлежало той или иной персоне. Всякая вещь произведена всем обществом для решения общественных задач. Вклад одного человека ничем не значительнее вклада кого-то другого. Концентрация богатства и власти в руках ограниченной группы лиц есть поэтому ничто иное как узурпация, которая становится возможной из-за неразвитости общественно-экономического строя.

Но абсолютная социальность не означает абсолютной идентичности. Наоборот, универсальность общественной поддержки позволяет сформироваться по-настоящему уникальным личностям, и недостаток своеобразия всегда связан с недостаточной социализацией, с неразвитостью разума. Сознательная деятельность открывает бесконечность возможностей, каждая из которых реализуется в единичном человеке, и его единичность безусловно необходима для воспроизводства мира в целом.

О множественности миров

В самом широком смысле, мир только один, и никаких «других» миров быть не может, ибо сама идея «быть другим» есть уже некоторая связь, и отличаться друг от друга могут лишь вещи, у которых есть нечто общее, — например, само их различие.

При этом мир проявляет себя как вселенная (универсум) для многочисленных отдельных вещей. Это разнообразие — неотъемлемое свойство мира, уровень его целостности. Любая частичка мира связана так или иначе с любой другой, тем самым отражая в себе весь мир,

представляя его в данном конкретном отношении.

А значит, существует бесконечное число миров, каждый из которых представляет один и тот же мир; эти многочисленные миры — *обращения* одной и той же иерархии, иерархические структуры, развернутые из единичного элемента (вершина иерархии). Все эти миры идентичны, поскольку каждый из них содержит всю Вселенную. Однако внешне они могут выглядеть совершенно по-разному, вплоть до полной противоположности.

Например, мир, вырастающий из меня, — совсем не то же самое, что мир кого-либо другого, эти два мира могут быть просто несовместимы. И тем не менее, мой мир неизбежно будет включать эту чужую картину — иначе он был бы неполон. Способность «моделировать» другие миры внутри моего мира — одна из основных черт разума, следствие его определения как универсального опосредования. Если я обладаю сознанием — я могу временно становиться чем угодно, сохраняя при этом мою самость, единство всех этих частных моделей. Чем более человек разумен, тем глубже он постигает другого.

Разумеется, подобная универсальность не может быть достигнута сразу, в конечной системе. Поэтому следует с осторожностью говорить о «человеческих» и «нечеловеческих», «сознательных» и «лишенных сознания» способах существования; субъектность может принимать много неожиданных форм, и, очевидно, никто не в состоянии стать полностью духовным, чтобы соединить все вообще уровни движения в своей индивидуальности.

Авторство и плагиат

Могут ли идеи кому-то *принадлежать*? Единственно разумный ответ: «Конечно же, нет!» Идеи не приходят к людям из ниоткуда — они возникают как коллективный эффект, результат многочисленных актов общения с другими. Неважно, как тот или иной человек сформулировал идею — она все равно может существовать лишь благодаря свободному перемещению от одного сознания к другому, многообразию проявлений в индивидуальной деятельности.

Когда кто-то что-то создает, можно быть уверенным, что при этом использован — напрямую или косвенно — труд множества других людей. Всякое действие культурно опосредовано, оно обильно черпает из сокровищницы форм, умений, склонностей и стремлений. Судиться с кем-либо за использование чужой идеи было бы столь же абсурдно, как подавать в суд на кого-то за разговор на иностранном языке!

Что же так разочаровывает и раздражает в том, что один «крадет» идею у другого? Почему это считается аморальным и неприемлемым? Источник такого отношения — в природе капитализма, который все превращает в стоимости, абстрагируясь от реального содержания. В результате любой продукт становится лишь представителем определенной суммы денег, а не тем, чем он на самом деле должен быть. Когда автор книги возмущается по поводу публикации того же самого другим (или другими), его не заботит распространение выраженных в ней идей или полученных результатов — речь идет исключительно о том, как делить барыши. Материальная выгода становится основным мотивом всякой деятельности, и обмен идеями деградирует до товарного обмена.

При капитализме принцип распределения общественного богатства — по сути своей абстрактен, и все зависит от количества уже накопленной собственности, а не от вклада собственника в экономический и культурный прогресс. Например, если два человека пришли к одной и той же идее, у того, кто богаче, всегда больше возможностей для ее реализации, тогда как бедняк вынужден отставать, растрачивая время и силы на тупое выживание, вместо творческих исканий. Первый может и не знать о достижениях второго, не задумываясь о том, что его привилегированное положение — общественный дар. Зажиточные люди не склонны упоминать тех, кто создал их благосостояние, и у тем более делиться с ними. Пусть кто-то имеет связи с издателями и пользуется этим, чтобы опубликовать то, что другой только

собирается публиковать, — что это меняет? Они оба обязаны своим существованием всему остальному человечеству, явно или скрыто используя недооплаченный труд миллионов других людей, для которых оба «автора» — в одинаковой мере «воры», безотносительно к тому, как они «грабят» друг друга.

Понятие авторского права рождается вместе с капитализмом — более разумно организованное общество никогда не будет интересоваться происхождением чего-либо. Если вы что-то делаете — делайте это без оглядки на возможные выгоды. Если кто-то намерен воспроизвести результаты других людей (вероятно, даже не зная о них) — полученный в итоге рост общественного богатства пойдет на благо всему обществу, повышая доступность продуктов производства. С другой стороны, отбрасывание заботы о приоритетах приведет к улучшению самих продуктов, устраняя искусственные ограничения и балласт обязательных ссылок.

Жизнь в грабительском обществе заставляет людей подчиняться его воровским законам и в свою очередь грабить других; иначе есть риск лишиться средств к существованию и потерять возможность продолжать свое дело. Здесь всегда компромисс со своей совестью, и разные люди по-разному проводят грань. Единственно приемлемое оправдание — когда чьи-то действия способствуют выходу человечества из дикого состояния. Но это не делает личный выбор легче, ибо трудно сказать заранее, какие поступки (или какие стороны поступка) отвечают этому объективному критерию, а какие нет. Тут серьезная психологическая проблема.

Можно было бы возразить, что в любых экономических условиях простая порядочность не позволяет людям красть чужие идеи и лгать. Возможно. Однако весь смысл лжи в том, что она выгодна. А значит, идея порядочности и честности применима по преимуществу к тем, кто уже достиг определенного общественного положения; в этих условиях воровство могло бы трактоваться как своего рода извращение. В реальной жизни требование порядочности зачастую становится оружием против чужаков. Так, соискатель ученой степени обязан упомянуть в диссертации своего научного руководителя и его коллег, даже если те не смыслят равным счетом ничего в предмете исследования; иначе путь вверх закрыт.

Воровство и ложь могут исчезнуть лишь тогда, когда для них не станет социальных и экономических оснований. Но в таком обществе никому и голову не придет увязывать суть дела с историческими экскурсами. Всякое упоминание чужих достижений может тогда быть лишь частью обзора, выражение личного уважения или просто оборотом речи.

Если идея по-настоящему нова — проблема не в том, чтобы опубликовать ее первым, а в том, чтобы вообще решиться на публикацию. Когда некто с положением достаточно храбр, чтобы рискнуть своей репутацией и поставить свою подпись под словами тех, у кого нет другого способа продвигать радикальную мысль, — такой плагиат можно только уважать и всячески приветствовать. Идея, которая требует решительного изменения самого способа мышления, почти не имеет шансов сразу привлечь к себе внимание. Обычно она лишь постепенно проникает в умы, всплывая в очень разных контекстах у разных людей из разных стран — либо независимо, либо как отдаленное эхо прямых и опосредованных контактов. Идеи передаются от одного человека к другому на бессознательном уровне, через поле общественных склонностей и предпочтений. Появление сходных идей у разных людей — хороший знак, свидетельство как истинности самой идеи, так и повышении восприимчивости общества к новому.

Иерархичность транспорта

Существует соответствие между шкалой расстояний и скоростью коммуникаций с одной стороны — и транспортными средствами с другой. Вообще говоря, технологический прогресс позволяет достичь все больших скоростей. Однако высокие скорости зачастую неэффективны на обычных бытовых расстояниях, и традиционный транспорт продолжает занимать

значительное место в культуре. Например, мы пересекаем океан на самолете — но предпочтем, скорее всего, наземный транспорт, чтобы добраться до соседнего города, а пройти из комнаты в комнату внутри квартиры лучше просто пешком. Важен также характер перевозки: так, морской транспорт пока преобладает над авиационным, когда речь идет о значительных грузопотоках.

Аналогично, исследование космоса связано с возникновением соответствующих уровней скорости. Для межпланетных перелетов требуются скорости много меньше типичной скорости межзвездного перелета, а эта последняя, в свою очередь, много меньше скоростей, требуемых для преодоления расстояний между галактиками (для чего нужны, разумеется, скорости больше скорости света). Но даже овладев такими скоростями, мы, скорее всего, еще долго будем пользоваться обычными земными средствами перемещения. В частности, широкое применение телепортации (любимая игрушка научной фантастики) на короткие расстояния вряд ли разумно (хотя и не невозможно, в далекой перспективе).

Можно выдвинуть предположение, что существует нижний предел характерного времени коммуникации: для данного диапазона расстояний, материальное тело не может потратить на перемещение время, меньшее некоторой фундаментальной величины. Например, самолет покрывает расстояние в 100 километров гораздо быстрее поезда — однако учитывая время, необходимое чтобы добраться в аэропорт и обратно, плюс необходимые формальности, мы вряд ли получим величину, меньшую типичного времени поездки на автомобиле.

Похожий эффект (хотя и вызванный другими причинами) наблюдается на компьютерном рынке: цены постоянно снижаются с развитием технологий — однако при этом дешевые модели вымываются с рынка, и минимальная цена компьютера не падает ниже нескольких сот долларов.

Любовь, во веки веков

Некоторые полагают, что любовь приходит и уходит, следуя переменчивости человеческих отношений и внешних обстоятельств. Считают, что любовь зависит от человеческих качеств партнера, и любое проявление несовершенства (увядание красоты, вредная привычка, недостаточная образованность...) ослабляет любовь, особенно если рядом есть другой, по видимости лишенный недостатков. Утверждается, что любовь может угаснуть совсем, или даже превратиться в свою противоположность, провоцируя тем самым разного рода межперсональные и внутривлические конфликты.

Я утверждаю, что такие мнения путают любовь с чем-то совершенно другим. Настоящая любовь носит на себе печать вечности — она не может измениться или умерить свою силу. Это можно проиллюстрировать примером из математики: уменьшая очень большое число на единицу, мы практически не заметим изменения — но повторяя эту операцию много раз, мы сведем исходное число к нулю, или даже к отрицательной величине; уменьшая же на единицу бесконечность, мы не меняем вообще ничего, ибо бесконечность нельзя исчерпать никакими конечными величинами.

Раз найденная любовь неизбежно будет длиться всегда, выходя за рамки человеческой жизни. Не следует принимать за любовь простую влюбленность, симпатию, интерес или склонность — все это может сопровождать любовь, придавая ее неповторимый оттенок. Однако мы узнаем одну и ту же мелодию в исполнении самых разных инструментов — точно так же любовь может принимать многообразные формы, оставаясь сама собой.

Любви нет дела до экономического или общественного положения, ей безразличны физические и душевные достоинства. Трудности жизни и общественное мнение не оказывают на нее никакого влияния. Любовь — самое прочное в человеческой душе, и это единственно надежный фундамент для формирования личности.

Но если человеку приходится искать свою любовь, если она существует не всегда, — как можно надеяться, что она переживет века? Мы, разумеется, знаем, что в математике рассматривают интервалы, ограниченные с одной стороны и уходящие на бесконечность с другой. Однако не думаю, что любовь могла бы быть ограничена подобным образом. Любовь не возникает из ничего, она не имеет ни начала, ни конца. Именно поэтому обыкновенно говорят: «*узнать* свою любовь», «*встретить* любовь» или «*найти* любовь»... То есть, любовь уже есть, она принадлежит этому миру задолго до того, как ее осознают. Любовь каждого предопределена всем мировым устройством, здесь нет места простым совпадениям. Из-за этого любовь часто воспринимается как судьба, как внешняя сила, неподвластная человеческому контролю; по этой же причине любовь может вспыхнуть внезапно, в одно мгновение, с первого взгляда, из малейшего намека на духовное родство.

При этом никто не может стать ее рабом, поскольку сама идея любви предполагает свободу и сознательное стремление. Любовь открывает людям их бесконечность, способность объять всю Вселенную. Подобная универсальность несовместима ни с каким принуждением, она не признает никаких ограничений кроме свободной преданности. Неудивительно, что любовь на протяжении многих веков служила универсальным источником творческого вдохновения. Само существование человеческой культуры, сознания и разума, — плод любви.

Журналистика

Ремесло журналиста, вероятно, не моложе ремесла проститутки — но, пожалуй, еще презреннее. Журналист — это человек, лишенный совести и уважения к себе, человек, способный пойти на что угодно ради привлечения внимания обывателя к любому вздору. Журналисты не брезгают никакими средствами ради очередной сенсационной стряпни, их совершенно не заботит правда и справедливость, и работа их не имеет ни малейшего отношения к распространению информации.

Единственное назначение журналиста, промывание мозгов, ставит перед ним две взаимодополняющие задачи — массовую пропаганду и оболванивание. Журналист не может позволить себе иметь какие-либо собственные идеи или принципы; в противном случае он моментально вылетит с работы. Все, что требуется от журналиста, — служить интересам правящих кругов, и его доход напрямую зависит от его услужливости и угодливости. В средствах массовой информации не работают те, кто способен задумываться над указаниями начальства; однако журналистов набирают из уже облваненных масс, и плетка обычно не требуется, ибо крамольные мысли просто не приходят в им в головы.

Технологии группового внушения, используемые журналистами, полностью основаны на низменных инстинктах и примитивных потребностях, не поднимаясь выше физиологического уровня. Журналисты пытаются убедить людей, что те — всего лишь стадные животные, и ничего другого нет и быть не может. В дополнение к этому используется метод отчуждения, когда любая серьезная мысль и любое глубокое чувство объявляются достоянием интеллектуальной элиты — и тем самым уничтожаются как таковые. Само существование журналистики — противно всеобщей природе субъектности и разума.

Журналисты в основной массе глубоко невежественны, независимо от количества дипломов. Все, что им требуется для работы, — запас поверхностной осведомленности, в основном для украшения, для придания аппетитного вида ядовитым блюдам, которыми они потчуют публику. Если журналистика берется за популяризацию искусства, науки или философии — тут явно имеется идеологическая подоплека, искажение исходного смысла идей.

После откровенной лжи, второй по значимости метод журналистики — манипуляция. Всегда можно преподнести факты так, что они будут предполагать вполне определенные выводы. Можно довести это умение до совершенства, превратить его в искусство, или в науку, —

достойнее оно от этого не станет.

История человечества знает примеры, когда хорошие ученые и глубокие философы теряли мудрость и компетентность, пытаясь обратиться к журналистике. Ее вульгарный стиль вытолкнул многие замечательные по сути работы за рамки сегодняшнего восприятия, поскольку их положительное содержание слишком перемешано с несущественными деталями и размыто реалиями далекого прошлого. В качестве примера можно привести работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина, чьи философские взгляды настолько сложно извлечь из-под политических завалов, что само существование марксистской философии ставится иногда под сомнение.

О званиях

Многие испытывают почтение ко всяческим званиям и титулам (доктор, профессор, академик, обладатель премии, входящий в первую десятку и т. д.) присуждаемыми многочисленными местными и международными комиссиями. Общепринято, что наличие сертификата или лицензии возвышает человека над теми, кто не может предъявить каких-либо наград. Есть ли в этом хоть капля смысла? Так ли уж значительно отличие?

Допустим на мгновение, что звания присуждаются в соответствии с достоинствами отмеченного ими лица. Возьмем этого человека за секунду до присуждения звания — и через секунду после. Что изменилось? Неужели его достоинства значительно возросли на протяжении двух секунд? Вздор. Но рыночная стоимость подскочила. Не является ли это свидетельством абсурдности самого понятия рыночной стоимости?

Но есть на самом деле что-либо серьезное в официальном признании? — что-то такое, на что можно было бы опереться при оценке чьих-то личных качеств?

Обычно официальные органы, призванные присуждать награды и выдавать сертификаты, недостаточно компетентны, чтобы правильно оценить чьи-либо достижения. Они вынуждены полагаться на тех, кто представил соискателя к отличию, — а эти люди редко бывают незаинтересованными. Вся затея сводится таким образом к политической игре.

В качестве общеизвестного примера, возьмем нобелевскую премию. Нобелевский комитет весьма щепетилен по поводу национальности номинантов; тут важно соблюсти деликатное равновесие между обеспечением безусловного приоритета США и Европы с одной стороны — и улаживанием общественности показной демократией с другой. Недостаточно, чтобы марионетки, вытасенные с задворков западной цивилизации, исповедовали традиционные принципы западной буржуазии, — они еще и обязаны всячески насаждать их в своих странах, подрывая неугодные высоким благодетелям режимы. Так, редкие лауреаты российского происхождения (Бунин, Солженицын, Сахаров и др.) были награждены исключительно за их ярый антикоммунизм, а отнюдь не за эстетические или научные достоинства их работ. Тематические области работ, представленных на соискание нобелевской премии, также подвергаются тщательной фильтрации. Здесь нет места ни малейшим намекам на противоречие официальной идеологии.

Но допустим, что кто-то действительно награжден по заслугам. Как правило это означает, что у человека были значительные свершения в прошлом, но ничего не говорит о его нынешних делах или о его будущем. А то, чем кто-то был раньше, может сильно отличаться от того, чем он является теперь, и чем он собирается стать. Например, академическое признание зачастую приходит слишком поздно, когда научная карьера человека уже завершена. Присуждение премии ничего не говорит о творческом потенциале лауреата и его способности что-то еще добавить в копилку мировой культуры.

Наконец, успехи в одной сфере не подразумевают компетентности в другой. Хороший физик

может быть убогим философом, а хороший программист — никудашным учителем. Даже внутри узкой профессиональной области есть свои уровни специализации, и, скажем, умения хорошо считать сечения фотоионизации не особенно помогает при расчете сечений ионизации ионным ударом. Отличия не повод для благоговения.

Единственно разумный подход — судить о людях по их нынешним делам и живым результатам. Можно уважать прошлые заслуги — но не полагать, будто ими что-то определяется сейчас. Очевидное следствие состоит в том, что вовсе не обязательно знать должность и звания собеседника, чтобы вынести о нем обоснованное суждение и решить, насколько имеет смысл с ним сотрудничать. И, разумеется, оценка любого деяния не может зависеть от личности деятеля.

Пути Сети и теория формаций

Исходно Всемирная паутина (World Wide Web) задумывалась как универсальное средство информационного обмена, общее хранилище идей, пространство для творческого сотрудничества или, по крайней мере, возможность самовыражения. Это было место, где можно было найти единомышленников, с кем-то познакомиться, подружиться, обсудить насущные проблемы современности. Потом пришел массовый пользователь, и Сеть начала превращаться в пустое развлечение и торговую площадку.

Технологический прогресс значительно расширил возможности эффективного обмена данными через WWW — но в гораздо большей степени он способствовал размыванию основной идеи и доминированию формы над содержанием. Торгашеская логика предполагает, что страница сайта не обязана быть содержательной и осмысленной — важно только, как она выглядит. Реклама назойливо повторяет себя, она вытесняет информативные фрагменты за пределы практической досягаемости и, в конце концов, разрушает сам механизм кооперации. Ее можно было бы рассматривать как DoS-атаку на Сеть целиком, а не на отдельный узел.

Сеть давно уже превратилась в шизофреническую смесь технологических ухищрений, диких трансформаций, раздражающего мелькания и хаоса всплывающих окон. Все это к тому же напичкано программными глюками и вирусами, приводящими иногда к зависанию всех систем и необходимости общей перезагрузки. Спокойная информативная страница без JavaScript и чрезмерного форматирования постепенно отходит в область волшебных сказок. Упадочные существа, бороздящие просторы Сети, хотят полностью отключиться от реальности, убежать от мысли и разума. Все, что им нужно — игры, чаты, примитивные приколы, нездоровый вуайеризм, извращения и шопинг.

Однако история человечества знает и другие подобные явления. На пороге кардинальных изменений в экономической и социальной организации общее смятение проявляется в декадентстве всех сортов. Старая культура уже изжила себя, а материальные предпосылки для нового направления развития еще не созрели. Вполне возможно, что нынешняя сетевая неразбериха связана с глубинными экономическими процессами, что это всего лишь дымовая завеса для грядущего переустройства мира.

Фундаментальная категория «общественно-экономическая формация» введена К. Марксом, которые первым заметил, что все разнообразие форм экономического и социального развития укладывается в последовательность отчетливо выраженных стадий, объективно возникающих в истории любого народа. Каждая такая формация представляет собой иерархию формаций меньшего масштаба, которые сменяют друг друга объективно закономерным образом. Я полагаю, что есть «идеальный» аналог этого «материального» развития; история культуры представляется, таким образом, как последовательность объективно необходимых «культурно-исторических формаций», связанных с фазами экономического развития, но относительно независимых от него.

Насколько я могу судить, человечество испытывает сейчас один из таких качественных сдвигов, переход к более высокому уровню экономического и культурного развития. Есть основания предполагать, что это будет последней фазой в истории капитализма, сама повсеместность которого означает, что простора для адаптивных изменений уже не осталось, и следующая революция приведет к устранению системы как таковой.

Исторические вершины

В истории любого народа бывают эпохи максимального напряжения, когда он способен показать пути развития всему остальному человечеству; однако потом этому народу суждено спотыкаться и отставать — если не исчезнуть окончательно. Можно найти примеры таких взлетов в прошлом многих старых наций — тогда как молодые страны пока еще только карабкаются вверх. Весьма возможно, что подобный характер развития типичен лишь для определенного периода человеческой истории, который можно было бы назвать этапом *цивилизации*.

Есть ряд объективно необходимых стадий, которые должно пройти в своем развитии любой общество. Это фундаментальный закон экономического развития, и за всякой попыткой проскочить следующий этап, ускорить исторический прогресс сверх его естественного темпа, неизбежно последует драматический откат, способный иногда привести к полному уничтожению самой способности общественного развития.

Каждая фаза относительной стабильности в истории как будто скрывает будущее за эластичной стеной: можно врезаться в нее с разбегу и заставить немного податься — однако потом она отбросит вас назад почти с той же силой, которая к ней была приложена. В этой картине медленная эволюция экономического базиса общества представляется как настойчивое отщипывание крохотных кусочков от стены, и это может в конце концов настолько ее ослабить, что очередная попытка революционного прорыва увенчается успехом, открывая тем самым новые горизонты для всего человечества.

Борьба за существование

Биологические механизмы эволюции часто экстраполируют на социальное развитие. Конечно, такая экстраполяция может оказаться вполне оправданной поскольку рассматривается лишь животноподобное поведение людей, если полностью игнорируется их субъектность. Пока общий уровень развития людей недалеко ушел от животного, можно легко найти множество социальных параллелей биологическим явлениям. Один из явных следов животного происхождения — борьба за существование, которую многие апологеты капитализма выдвигают в качестве основного принципа общественного развития и человеческой жизни вообще.

Как только мы приходим к пониманию различия между неорганическим движением, метаболизмом и разумной деятельностью как тремя фундаментальными уровнями рефлексии, становится очевидно, что специфически человеческое развитие должно подчиняться принципам, отличным от действующих на биологическом или физическом уровнях, сохраняя их в качестве необходимой материальной базы. Следовательно, любое проявление борьбы за существование должно рассматриваться как свидетельство недостаточного развития, несформированность сознания, а не как нормальное общественное явление. Собственно человеческое поведение осознает важность абсолютного биологического равенства всех членов общества, так что способность индивида к выживанию есть по сути дела то же самое, что способность к выживанию сообщества в целом. Слабые и робкие важны для развития разума не меньше (а зачастую гораздо важнее), чем сильные и наглые. Ограниченность физического

движения и прочие органические особенности никоим образом не должны становиться препятствием к продуктивной, творческой деятельности, а психологические предпочтения не имеют никакого отношения к полезности человека для общества.

Можно выдвинуть логичное предположение, что истинно человеческое общество должно основываться на всеобщей *кооперации*, устраняя *всякое* соревнование, *всякую* борьбу за существование. Жизнь каждого — неотъемлемая часть жизни общества в целом, и в разумно устроенном мире не будет конфликтов между людьми или группами людей, равно как и противоречий между индивидом и обществом.

Восток и Запад

В XX веке восточная струя стала весьма популярна в искусстве, в философии и даже в науке. Европейские художники исследуют традиционное и профессиональное искусство Востока, ориентальный стиль проникает в моду, в кулинарию, в архитектуру; возникает настоящий бум по поводу восточных единоборств; разнообразнейшие восточные философии овладевают умами и воображением европейцев — как будто они способны открыть им совершенно новые идеи, иное видение мира.

Но так ли уж необычны все эти восточные элементы для Европы? Пусть они развились в большей степени на Востоке — но их аналоги существовали и в Европейской традиции, и вряд ли следует ожидать от восточного искусства и восточной философии каких-то откровений, все просто рассматривается под немного другим углом. Вселенная — едина, и духовность человека, будучи частью этого целого, отражает его целиком, несмотря на внешнюю разнородность.

Многие европейские мыслители говорили в XX столетии о единстве мира, ссылаясь на разного рода восточные философии. Однако в философских учениях Востока нет ничего, чего нельзя было бы найти у европейских философов; идеи, которые века назад возникали в Индии, в Китае или в Японии, примерно в те же эпохи высказывались и европейскими философами, хотя и в других формах и в другом контексте. Представление о мире как синкретической целостности присутствует уже в древнегреческих мифах; позже появляются такие значительные фигуры как Пьер Гассенди и Дешан. Можно было бы также упомянуть классический универсализм Гете, романтическую философию Гегеля. Много интересных идей в марксизме; к сожалению, они высказаны большей частью как заметки на полях, разбросанные по огромному количеству разных текстов, и мне пока неизвестны попытки собрать их воедино, которые сохранили бы дух оригиналов.

Последние открытия в *теории формирования икал* в искусстве указывают, что все виды искусства проходят в своем развитии одну и ту же последовательность стадий, и это относится как к европейскому, так и к неевропейским направлениям.

Ссылки и идентификация

Почему я должен идентифицировать себя с кем-то еще? А если я предпочитаю говорить от своего имени, не записывая себя в чьи-нибудь адепты? Есть тысячи книг, которых я не читал, и даже не знал, быть может, об их существовании. Есть те, кто читал что-то из этого и хорошо знаком с этими авторами. Может ли это обстоятельство хоть как-то отразиться на моей мысли? Я ведь умею думать сам, и я прочел за свою жизнь немало книг, которые совершенно неизвестны кому-то другому, — что же мне, презирать их за подобное невежество?

Гулять по концептуальным связям — занятие небезынтересное само по себе, а исторические изыскания могут быть весьма стимулирующими, поставляя пищу для ума. Однако это не имеет

никакого отношения к мышлению как таковому, или к обмену идеями.

Мне может захотеться время от времени упомянуть такого-то автора — и мой собеседник может захотеть также с ним познакомиться; однако это всего лишь вопрос индивидуальной склонности, личное дело каждого. Никто не обязан реагировать на ссылки, пусть даже весьма внушительные.

Окольная манера изъясняться в чем-то по-своему хороша — но в серьезном деле лучше все-таки говорить напрямую. Когда я с кем-то общаюсь, мне интереснее представлять себе позицию партнера, а не то, как по этому поводу высказывались, Аристотель, Маркс или г-н Президент.

Пустые споры

Какой смысл спорить? Можно ли убедить других принять вашу точку зрения, отказавшись от своей собственной? Те, кто поддается убеждению, — не стоят затраченных усилий; те, кто не поддается, — не стоят потерянного времени.

Твердые убеждения не для того, чтобы с ними воевать; они требуют уважения, их надо принимать как прочный факт, пытаясь осознать его объективную необходимость и позитивное содержание. Можно бороться с людьми — но не с их убеждениями.

Зачастую антагонизм возбуждают не чьи-то взгляды, а их вульгаризация, деформированное отражение в кривой поверхности мещанского зеркала. Иногда такие пошлые интерпретации становятся совершеннейшим общим местом, и никому и в голову не приходит глянуть в первоисточники, преодолев дурман цитат и пересказов через третьи мозги. Так, например, Ф. Шлегель с его концепцией «духовно интересного» восставал против тезиса И. Канта, что суждение вкуса предполагает отсутствие интереса, — забывая, что именно Иммануил Кант первым описывал так называемый «интеллектуальный интерес» в связи с эстетическими суждениями. Аналогично, Канта частенько называют отцом философского «априоризма» и упрекают (или восхваляют) за его «агностицизм»; но работы Канта изобилуют высказываниями, утверждающими объективность мыслительных форм, их связь с законами природы, твердую убежденность в том, что человек способен постичь все без исключения. Да, Кант так и не нашел источника схем суждения, и он честно отказывается обсуждать эту тему, указывая лишь, что подобные абстракции не могут быть получены простым обобщением опытных данных. Критика кантовского «априоризма» направлена, таким образом, против того, чего Кант *не делал* — а не против того, что он совершил.

Любые споры — из-за недостаточного взаимопонимания. Но в этом случае гораздо полезнее просто учиться друг у друга, а не устраивать диспуты.

Праздники

Не странно ли, что целые страны вдруг становятся одержимы покупкой подарков, развешиванием украшений, приготовлением и пожиранием необычной (а зачастую и нездоровой) пищи? Не странно ли, что все должны радоваться по расписанию, независимо от личных обстоятельств и состояния души? Разве не странно, что обычный график работы вдруг ломается и отбрасывается, и любое дело, каким бы срочным оно ни было, должно ждать до окончания вынужденного перерыва?

Но именно так люди ведут себя во время традиционных праздников. Сколько потерянного времени, сколько лишней головной боли! Абсурдность этой традиции особенно наглядна в России, где все привыкли праздновать Рождество, Новый год, потом опять Рождество, потом еще один Новый год, потом еще и китайский Новый год, и дальше целая череда праздников,

включая (среди прочего) Татьянин день, Валентинов день, день армии, женский день, праздник святого Патрика, пасху (неделя до и неделя после), Первое мая, День победы... Первая половина года превращается в непрерывное празднество. Даже те праздники, которые пока не объявлены официально выходными, вовлекают людей в праздничную суету, отвлекая их от практических нужд.

Я могу допустить, что иногда нужно расслабиться, убежать от повседневности. Но я настаиваю на том, что каждый живет своей собственной жизнью, и каждый сам знает, когда он счастлив или грустит. Надо, чтобы люди могли сделать паузу тогда, когда это им необходимо, безотносительно к обстоятельствам кого-то другого. При этом, конечно, я не должен выставлять мои личные радости и огорчения на публику, ставить на уши всю округу. В идеале никто не должен замечать того, что случается с окружающими, и каждый обязан уважать частную жизнь других.

Клонирование

Недавно бушевавшие в прессе страсти вокруг клонирования (и особенно клонирования человека) происходят исключительно от недопонимания. Клонирование — всего лишь один из возможных биологического воспроизводства, не слишком отличающийся от традиционного способа. Совершенно без разницы, каким именно способом в яйцеклетке образовался полный набор хромосом — последующее развитие все равно идет совершенно как обычно. Половое воспроизводство, искусственное оплодотворение, почкование или клонирование — все это в равной степени может служить исходной точкой.

Часто говорят, что воспроизведение одного и того же генома может быть губительным для вида. Да, может — поскольку органическое развитие не контролируют и не направляют сознательно, и нет эффективного механизма устранения пагубных отклонений. Глубокое вмешательство в генетику и активный контроль роста позволяют добиться прямо противоположного: вид станет генетически богаче, здоровее и крепче. В любом случае, никто не заставляет человечество штамповать всех под один-единственный геном, поскольку приемлемых генных наборов миллиарды, с практически бесконечным количеством возможных комбинаций.

Средства массовой информации распространяют страхи по поводу возможного вреда от употребления в пищу клонированных организмов. Но почему это может быть вредно? Процесс пищеварения не зависит от способа воспроизводства, для него важен только конечный результат — а следовательно, продукты, полученные с использованием клонирования, имеют абсолютно ту же пищевую ценность; вред здесь возможен только от больных тканей — которые гораздо менее вероятны в клонированных организмах.

Наконец, рисуют зловещую картину армии абсолютно одинаковых людей, которых кто-то клонировал из злодейских побуждений... Но человеческая субъективность не имеет ничего общего с биологией и целиком определяется экономическими и социальными факторами. Биологически идентичные люди могут быть весьма разными в личностном плане, если они воспитываются в разных общественных условиях; массовая нищета и массовая культура куда более опасны в этом плане. Тело нейтрально по отношению к разуму — пока не вступают в игру разного рода болезни и физические ограничения, которые могут в определенных социальных условиях развиваться в психологическую ущербность; но клонирование и генетический контроль как раз и призваны преодолеть подобные органические несовершенства.

Да, здесь есть и реальные «опасности». Клонирование может оказаться настоящей катастрофой для тех, кто пытается любыми средствами удержать в своих руках механизмы социального контроля. Так, значительное удешевление и легкая доступность сельскохозяйственных

продуктов уже не даст удушить народ голодом. Поскольку это приведет к снижению затрат во всех других отраслях экономики, под угрозу ставится современная экономическая система как таковая. Капиталисты скорее постараются разыграть очередной мировой кризис и обречь на смерть миллионы, нежели допустят, чтобы жизненный уровень повысился сразу для всех.

Женщины станут более экономически и социально независимыми; мужчины более не требуются для воспроизводства — в итоге все мужское население становится биологически излишним и может попросту исчезнуть. Практика использования исключительно женского генетического материала — аргумент в пользу лесбийской любви, которая, как правило, безопасней, чем секс в смешанных или мужских парах.

Миф о наследовании по исконному праву будет еще раз нокаутирован. Когда половые сношения не имеют никакого значения для воспроизводства, сказки о «голубой крови» приходят в противоречие с новой реальностью, и трудно адаптировать их к миру, в котором физическое воспроизводство не более таинственно, чем покупка нового автомобиля.

Таковы «опасные» последствия клонирования и генной инженерии; но, честно говоря, все это не меняет радикально способа воспроизводства человека. Подлинная революция в этой сфере предполагает устранение необходимости женского организма для рождения ребенка; в этом случае весь процесс органического развития будет взят под контроль. Индивиды, выращенные искусственно в специальных инкубаторах смогут свободнее адаптировать свои тела к специфическим потребностям, изменяя или даже полностью перестраивая свою физиологию. Это вызовет непредставимые сейчас сдвиги в экономическом и общественном устройстве, несравненно более значительные, чем те, что проистекают из практики клонирования.

Люди — и люди

Справедливо ли, что некоторые люди привлекают к себе внимание общества значительно больше других? Почему жизнь королевской семьи (или поп-звезды, или киноактрисы, или известного спортсмена и т. п.) должна быть интереснее, чем жизнь обычного человека, живущего по соседству? Почему, если что-то происходит с подобными «выдающимися» личностями, — это более важно, чем когда то же самое происходит с каким-нибудь человеком с улицы? Насколько это согласуется с широковещательными заявлениями о всеобщем равенстве, которые так любят буржуазные идеологи?

Люди *действительно* равны, когда они *люди*, то есть, когда они действуют как сознательные индивиды в соответствии с определением разума как субъективного выражения универсальной необходимости. Никакие титулы, степени, владения не способны поставить одно сознательное существо выше другого — особенно учитывая, что все эти отличия *никогда* не даются по заслугам, а даже если и выглядят вполне заслуженными, было бы неразумно полагать, что сейчас они таковы, какими были в прошлом, и такими же останутся потом. По-настоящему творческие люди действуют универсальным образом и не нуждаются в каком-то особом внимании или одобрении — они всего лишь делают свое дело. Да разве найдется награда выше, чем чувство необъятности собственных возможностей, вкус к сознательному переустройству Вселенной?

В частности, смерть леди Дианы привлекла совершенно несоразмерное внимание средств массовой информации — как если бы она отличалась хоть чем-то от миллионов других смертей ежедневно проходящих по планете. Вполне заурядная личность, которая за свою жизнь не совершила ничего выдающегося, проводя время в церемониях и примитивных увеселениях, и не испытала никаких мучений, кроме, разве что, мучительного безделья, — и ее изображали эдаким ангелом и национальным героем, чем-то необыкновенным! Популярность? Она сильно преувеличена прессой, играющей на пошлой мещанской зависти. Благотворительность? Скорее, это выглядит издевательством, когда дают беднякам грош, ограбив их на миллионы.

Журналисты с пеной у рта расписывали, что только принесенные к дому Дианы после ее смерти цветы стоили 50 миллионов долларов — сотня семей могла бы припеваючи жить на эти деньги до конца своих дней, и тысячи людей могли бы избежать голодной смерти!

Смерть Дианы не имела никакого значения ни для кого, кроме ее ближайших родственников и знакомых — и уж тем более она не могла претендовать на то, чтобы стать событием планетарного масштаба. Сколько людей погибает в войнах и катастрофах, умирает от болезней и нечеловеческих условий жизни! Многие из них куда более ценны для развития человечества, чем все королевские фамилии всех времен, плюс все прошлые, настоящие и будущие президенты и министры.

То же касается разного рода популярных писателей, актеров, политических деятелей, ученых и философов... Часто можно слышать сожаления по поводу слишком раннего их ухода и спекуляции по поводу того, что бы они могли еще сотворить, доведись им пожить еще чуть-чуть. Но на Земле много других людей, не менее творческих, которые могли бы сделать что-нибудь и получше, если бы не были вынуждены влачить существование в беспросветной нищете. Каждый разумный акт, в любой области, одинаково важен для Вселенной. Избирательность общественного интереса — это всего лишь свидетельство недоразвитости человеческого общества.

Мышеловки интернета

Все давным-давно знают, где подобающее место для бесплатного сыра. И тем не менее бедные мыши, похоже, ни капельки ничему не научились, и обещания счастья на дармовщинку до сих пор остаются излюбленным рекламным трюком и безотказным методом формирования предпочтений. Дайте людям что-нибудь за просто так, дайте им к этому привыкнуть — а потом пожинайте урожай на платном продлении. Народ тяжело вздохнет, посопротивляется немного — но, скорее всего, большинство наскребет денежек на то, в чем их приучили нуждаться. По сути дела та же технология используется наркодельцами для совращения их жертв: после нескольких бесплатных доз новоиспеченный наркоман будет готов на что угодно ради продолжения кайфа.

Интернет-бизнес никоим образом не является исключением. Компании предлагают бесплатные услуги для привлечения клиентов, как бы для пробы, — но они тут же прикроют лавочку, как только публика заглотит наживку. В частности, эра бесплатного хостинга веб-сайтов неминуемо близится к концу. Участь Yahoo! Geocities показывает общее будущее всего некоммерческого Интернета. В свое время для пользователей Geocities было шоком узнать о введении суровых ограничений на трафик и передаче всех удобств, вроде перенаправления почты и FTP, коммерческим пользователям; а спустя некоторое время этот проект закрылся вообще. Аналогично бесплатная веб-статистика от Webtrends кончилась базарным вымогательством 35 долларов в месяц за один сайт. Очевидно, и передача популярнейшего свободного хостинга от Яндекса на Ucoz — первый шаг к полной коммерциализации. Та же судьба ожидает любые другие бесплатные сервисы, и не надо быть очень яйцеголовым, чтобы до этого додуматься. Если решил пользоваться пока чем-то бесплатным — будь готов в любой момент переселиться в другое место.

Разумеется, переезд сайта от одного провайдера к другому — дело непростое, особенно для неэкспертов, которые ведутся на обещания бесплатного и дружественного конструктора сайтов, не требующего специальных знаний. Многие из них предпочтут заплатить, чтобы не начинать все с нуля на новом месте, и не собирать опять драгоценный трафик при смене домена. Большинство сайтов могут остаться бесхозными — но остальные будут платить, и компании все равно получат свои прибыли.

Были, конечно, попытки частично сохранить содержимое потерянных сайтов (Wayback

Machine, архивы на Oocities.org, Reocities.com или Geocities.ws) — но все эти кучи мертвых данных выглядят ужасно, они потеряли связность и безнадежно устарели, а потому зачастую больше приносят вреда, чем спасают положение. Гальванизированный труп — все тот же мертвец.

Единственное утешение, если можно так выразиться, — это что коммерческие услуги ничем не лучше, и платный хостинг может пропасть точно так же, как и бесплатный сайт, без всякого возмещения убытков. Рынок изобрел сотни способов сбежать без малейших обязательств. Уплаченные деньги — потерянные деньги. И, возможно, мышеловки — не такой уж плохой способ получить свою порцию сыра...

Медицинская парадигма

Проблема неправильной диагностики и/или неправильного лечения стоит во всех областях медицины — но особенно остро в психиатрии, где обычные юридические хитросплетения могут вырасти до масштабов социальной дискриминации. Корни проблемы — в самом уничижительном отношении к пациенту, которое столь характерно для медицинской практики и медицинской науки. В двух словах этот подход можно выразить так: что-то неправильно, и это надо лечить. Иначе говоря, предполагается существование некоторой единой «нормы», а любые отклонения рассматриваются как болезнь; отсюда стремление «восстановить» здоровье пациента любыми средствами, и допустимость ограничения его прав на период «лечения».

Но у разных общественных слоев разные представления о нормальности, и представления эти могут меняться в широких пределах. Решить, отвечает ли «норме» данный конкретный случай, может быть очень непросто. В результате суждение становится в значительной мере произвольным, опираясь на опыт специалиста и общественные тенденции.

Подобный «медицинский» подход можно встретить во многих сферах деятельности, далеких от медицины. Так, эта парадигма лежит, например, в основе политического реформизма. В юридической практике «преступление» и «преступник» определяются столь же относительным образом. Очень часто проявляется подобный подход и в образовании. Стандарты стиля, принятые в ряде уважаемых журналов, подпадают под ту же категорию.

Разумеется, мир еще далек от совершенства, со всеми его изъянами и бедствиями. Медицинская парадигма должна работать вместе с другими подходами ради улучшения условий жизни и облегчения страданий. При разумном использовании она становится обычным способом решения повседневных проблем. Однако следует всегда уравнивать ее многообразием альтернативных воззрений на «норму» и «отклонение». Существование подобной «оппозиции» никоим образом не умаляет важность медицинского вмешательства, вплоть до самых жестких решений, навязанных пациенту «принудительно». Но методы лечения должны со временем становиться все менее травматичными; здесь необходимое дополнение медицинской парадигмы, ее обратная сторона. Этот прогресс, однако, прокладывает себе путь лишь в практике, через опыт, — и можно сказать, что пациенты наших дней платят своими страданиями за покой будущих поколений.

Культура и антикультура

В развитии культуры и человеческой духовности наблюдаются две противоположные тенденции. По самому определению духовности, она подвигает людей к неуклонному расширению освоенной сознанием области, вплоть до мира в целом, — и тем самым делает их более универсальными. Однако это развитие происходит не всегда прямолинейно, и на некоторых этапах экономического развития может возобладать деструктивная тенденция, приводя к общему духовному вырождению — и, возможно, к уничтожению субъективности

как таковой.

К сожалению, нынешний уровень культурного развития еще не настолько высок, чтобы гарантировать иммунитет человеческого разума по отношению к этим временным отступлениям; саморазрушение может в конечном итоге дойти до той грани, из-за которой нет возврата. Современные люди — наполовину животные, и можно легко манипулировать их первобытными инстинктами, подогревая их до такой степени, что собственно человеческая половина оказывается полностью отброшенной.

Так, книга (или кинокартина), смакующая сцены изошренной жестокости, восхваляющая варварское насилие или сверхъестественную способность уходить от опасности, взывает к древнему инстинкту самосохранения, и это может сделать ее привлекательнее для среднего человека, поскольку состояние постоянной неустойчивости и страха, типичное для капиталистического строя, постоянно подталкивает людей к отказу от высших желаний ради простого выживания; в результате поиски защиты затягивают людей настолько, что о духовности говорить уже не приходится, — и они даже вообразить себе не могут будущего, свободного от животной борьбы за существование.

Погоня за сенсациями в прессе — из того же раздела. Ради повышения продаж газеты будят первобытные инстинкты, как будто ничего другого и быть не может. В новостях все забито преступлениями, войнами, грязной политикой и т. п. Книги и кино формируют культ грубой силы. Почему бы не описать вместо всего этого нормального человека, живущего сознательной жизнью в подлинно гуманном обществе, постепенно продвигающемся по пути все большего окультуривания? Может быть, такие истории были бы слишком скучны, чтобы хорошо продаваться? Нет, причина тут в другом: они слишком опасны для торгашей, поскольку подрывают саму идею борьбы за существование, конкуренции, разрушая по сути дела всю общественную систему, на этом основанную.

Пресса и большая часть искусств развивают особую субкультуру, которую, скорее, следовало бы назвать антикультурой за ее крайнюю враждебность всякому проблеску разума. Но эта субкультура никогда не сможет поглотить культуру целиком; художники и артисты, писатели, ученые и т. п. отнюдь не всегда культурны — и в этом плане они не отличаются от представителей «нетворческих» профессий. В наши дни подлинная культура по преимуществу находится в глубоком подполье. Но речь идет не об официальном «андеграунде», который представляет собой лишь одну из разновидностей антикультуры, — духовность скрыто присутствует в продуктах человеческой деятельности и в поступках людей иной раз даже тогда, когда они об этом и не догадываются.

Юбилеи

Многочисленные юбилейные и мистические даты стали поистине чумой нашего времени. Вместо того, чтобы думать о насущных потребностях и делать то, что требуется в нормальном развитии вещей, народ ввязывается в подготовку очередной помпезной церемонии, или трясется в страхе перед очередных концом света.

Поистине странное обыкновение. Даже в личной жизни человека совершенно неважно, сколько лет, дней или микросекунд он сумел протянуть с момента рождения; единственное, что имеет смысл, — есть ли у него что-то в прошлом, чем можно было бы гордиться, и есть ли еще возможность достичь чего-то в будущем. Жизнь измеряется такими достижениями, а не страницами календаря.

Крайне странно, что этот абстрактный подсчет лет иногда становится официальным событием, зачастую предполагая дорогостоящую публичную кампанию. А что если я не знаю эту как бы знаменитость? Или мне просто дела нет до тех свершений, которые этой знаменитости приписываются? Никто ведь не может (и не должен) быть известен вообще всем и признан

всеми без исключения. Но если я могу прохладно относиться к юбилеям реального лица — почему я должен праздновать дни рождения тех, кого на самом деле, скорее всего, и не было, — вроде г-на Иисуса Христа?

То же относится и к историческим событиям разного рода. Что меняет, если с некоторого общеизвестного (или малоизвестного) дня прошло 100 лет, а не 207, или 53? Само понятие юбилея весьма приблизительно и часто противоречиво. Что следует принять за продолжительность года? Здесь нет никаких физических констант, к которым ее можно было бы привязать (а нынче предполагают, что и физические константы подвержены изменению). Есть разные календари — который из них взять за основу для определения юбилейных дат? А когда речь заходит о сроках длиной в столетия, перевод древних дат в современные представляет собой серьезную научную проблему, далекую пока от окончательного решения. Плюс к тому, некоторые календари весьма подвижны, подчиняясь многочисленным официальным и религиозным предписаниям относительно «разрешенных» дней; расчет правильной юбилейной даты становится тогда настолько сложным, что сама идея юбилея кажется призрачной.

Как и с воображаемыми персонажами, бывают надуманные исторические юбилеи. Так, никто не знает точной даты основания Москвы; скорее всего, такой даты просто не существует, ибо многие города постепенно росли вокруг старых деревень и первобытных поселений, и возникали без каких-либо официальных деклараций. Тем не менее, в 1997 году помпезное празднование 850-летия Москвы обозначило еще одну вершину всеобщего идиотизма. Разоренная страна с вымирающим населением и агонизирующей экономикой ограблена московскими властями ради того, чтобы выбросить многие миллионы долларов на примитивные увеселения, ничего такого, что можно было бы вспомнить. Миллионы трудящихся не получали зарплату по несколько месяцев — и потраченных впустую денег хватило бы, чтобы рассчитаться с долгами. Семья из двух человек могла бы безбедно жить на это 50000 лет! Говорят, что народу нужны праздники. Так ли это на самом деле? Кучка богатеньких обитателей страны, пресытившись обычными развлечениями, требует новых удовольствий — за счет бедных.

Обратимся теперь к нумерологии. Чем, собственно, одна дата лучше (или хуже) другой? А миллионы обывателей верят, что 10.10.10 означает нечто особенное, а 21.12.2112 выглядит ну просто концом света, поскольку это последняя круглая дата в григорианском календаре. Им не приходит в голову, что даты в разных местах записывают по-разному (например, в американской нотации вышеупомянутый «конец света» выглядит как 12/21/2112, что совсем не так привлекательно с нумерологической точки зрения). Им наплевать на существование различных хронологических систем (и в частности на разницу в несколько дней между юлианским и григорианским календарями). Ну и, конечно же, они не вспоминают о совершенной произвольности самой точки отсчета, связанной с выдуманным рождением сказочного персонажа.

Бывает, нумерология побеждает даже официальные юбилеи. Например, для многих начало нового тысячелетия связано с 1 января 2000 года — хотя 2000 лет со дня рождения мифического Иисуса Христа отмечались бы на год позже. Ну и ладно! — два раза встречать тысячелетие лучше, чем один, — будем праздновать оба.

Уничижительный почет

Начало XXI столетия отмечено массовой кампанией, направленной на изменение отношения общественности к женской физиологии. То, что традиционно полагалось убирать подальше от глаз, вдруг получило широкую огласку, и все знаменитости наперебой вдруг стали выставлять напоказ свои гигиенические прокладки и сниматься обнаженными во время беременности. Это пропагандируется как еще один прорыв в деле эмансипации женщин и свидетельство глубоко

рационального подхода. Мы уважаем женщин такими, как они есть, со всеми их физиологическими проблемами. Мы почитаем их за то, что они дают жизнь новым поколениям. Мы принимаем их органические отправления, полагая, что это делает их более сексуальными. То, что естественно, не заслуживает презрения.

Но почему, собственно, требуется сводить разумное существо к одной лишь органической природе? Разве можем мы выявить нашу субъектность, нашу духовность, подчеркивая, что все еще остаемся животными в потребностях нашего тела? Для того, кто обладает сознанием, гораздо логичнее сделать упор на способности преодолевать физиологические ограничения, становиться более универсальными. Но в этом плане пол совершенно не относится к делу, и только здесь начинается подлинная эмансипация.

Превозносить женщину за ее беременность — значит рассматривать ее только лишь как самку, отказывая ей в звании сознательного существа. Что может быть унижительней? Разум дан нам для того, чтобы прекратить, в конце концов, пытаться женщин их органическими особенностями, окончательно освободить их от репродуктивной функции и тем самым дать им свободу сознательной деятельности.

Стили ссылок

При рассмотрении любой проблемы трудно избежать упоминания (или, хотя бы, намек на) то, что писали по этому поводу другие. Это нормальный способ введения новых идей в существующий культурный контекст, без чего взаимопонимание просто невозможно. Люди не просто рассказывают друг другу, что они думают — они также дают партнеру как можно больше концептуальных зацепок, чтобы облегчить встраивание чужих идей в его собственную картину мира. Для продуктивного диалога требуется найти некоторую исходную общность, область предварительного согласия, которая могла бы в дальнейшем расширяться в процессе общения. Это как раз то, что могут дать ссылки.

Разумеется, чтобы служить такими коммуникативными мостиками, ссылки должны указывать на нечто знакомое всем участникам. С другой стороны, ссылки на общие места ничего не дают, поскольку они никак не связаны с темой беседы. На практике может быть непросто найти правильное соотношение общности и специфичности, и зачастую требуется глубже познакомиться с партнером, чтобы стали возможны осмысленные дискуссии.

Никто не может знать вообще все. Ни кто не в состоянии прочесть все книги, лично осмотреть любую вещь, пережить любой поворот истории. По счастью, этого и не нужно для продуктивного мышления; переоткрывать то, что уже много раз было открыто другими, — это нормальный механизм человеческого развития. По сути дела, каждый ребенок проходит этот путь, открывая для себя мир заново. С другой стороны, человечество очень неоднородно, и разные общественные группы охватывают разные культурные области; то, что у одних считается общеизвестным и само собой разумеющимся, может казаться экзотикой у других. Ссылки часто выступают в качестве механизм привязки к культурному контексту, указывают референтную группу.

Бродить по ссылкам полезно также для контроля над собственной рефлексией. Например, если я вижу кого-то, кто действует похоже на меня, у меня может возникнуть желание поближе познакомиться с этим человеком и, возможно, позаимствовать какие-то интересные идеи. Напротив, если обнаруживается совпадение с кем-то, кто мне не по душе, это либо указывает на непоследовательность моего мышления, либо требует переоценки другого.

С учетом всего этого, появление ссылок в разговоре может происходить совершенно естественно, быть желательным и способствовать делу. Однако, чтобы стать действительно полезными, ссылки должны подчиняться определенным правилам. Так, простое упоминание имени без указания на то, чем конкретно оно связано с темой беседы, скорее всего, окажется

совершенно напрасным. Многие научные публикации этим грешат; авторы стремятся напищать их упоминаниями лиц, совершенно не имеющих отношения к делу, — исключительно «для полноты». Эта привычка насаждается, в частности, традициями ряда «академических» изданий, где оценка представленных к публикации работ существенно зависит от списка ссылок. Встречается подобное и в живом разговоре, и можно иногда наблюдать, как собеседники соревнуются в перечислении имен, так что на содержательную беседу времени уже не остается.

Еще один пример дурного стиля — «ругательные» ссылки, когда один собеседник просто обзывает другого, кидает ему в лицо пустые имена, наклеивает абстрактные ярлыки, не особо заботясь о ясности и рациональности. Какой прок в том, чтоб назвать кого-то витгенштейнианцем? Нет уж, пожалуйста, объясните, чем данный конкретный человек напоминает Вам г-на Витгенштейна, в каких из его ипостасей. Но как только Вы это сделаете — всякая нужда в упоминании Витгенштейна просто отпадает. Истинный смысл подобных ссылок можно выразить в четырех словах: ты мне не нравишься. Часто «ругательные» ссылки используются, чтобы ошеломить партнера, подавить его суждение, унижить его. Но на деле тот, кто позволяет себе такое обзывательство, лишь демонстрирует свою неспособность к связному мышлению, и тем самым унижает себя.

И еще один частный случай — избыточное цитирование. Ссылки этого стиля могут быть правильными по сути, и их связь с темой разговора четко прослеживается, однако в какой-то момент их количество начинает превышать «критическую массу», за которой дополнительных примеров уже не требуется. Когда утверждение достаточно подкреплено ссылочным материалом, дальнейшее нагромождение возможных взаимосвязей становится раздражающе бесполезным.

Хорошо сбалансированный стиль ссылок сочетает адекватность, дружественность и умеренность — чтобы партнеры могли наслаждаться беседой и помогать друг другу в развитии их собственных воззрений.

Благотворительность без намордника

Благотворительность — одно из самых одиозных субъектных проявлений классовой структуры современного общества, целиком основанного на экономическом и социальном неравенстве. Богачи любят расписывать, сколько они тратят на всякого рода подаяния, пытаясь представить это как свидетельство их щедрости, гуманизма и социальной ответственности. А буржуазная пресса всегда готова воспеть хвалу добреньким человечкам, которые так заботятся о своих соседях, по какой-то странной случайности оказавшихся без гроша в кармане или во власти болезней. На самом же деле благотворительность — сплошное лицемерие, грим на уродливой роже капитализма.

Прежде всего, благотворительность не имеет ничего общего с человеколюбием, это одна из разновидностей бизнеса. Последствия каждого пожертвования хорошенько просчитываются, а за кулисами идет борьба за установление таких правил игры, при которых прибыль от благотворительности будет максимальной — это скрытое дополнение показного добросердия.

Другая сторона того же: чем больше благотворительности, тем больше эксплуатации. Богатые никогда не расстанутся с тем, что принадлежит лично им — они привыкли платить из чужого кармана. Чтобы отдать \$1000 беднякам, они отберут по одному центу у миллиона других бедняков, и таким образом получают 10000 долларов, то есть, \$9000 чистой прибыли. Разумеется, цифры тут чисто для иллюстрации; реальная пропорция, скорее всего, еще более сдвинута в пользу богатых.

То же относится и к благотворительности на международном уровне, включая все виды экономической помощи, гранты, гуманитарную помощь. Деятельность А. Хаммера и

Дж. Сороса — весьма наглядный пример. Помимо прямой выгоды, международная благотворительность направлена главным образом на переориентацию национальных экономик в таком направлении, чтобы поставить их в зависимость от товаров и инвестиций стран-доноров.

Есть еще и сугубо субъективный аспект, нечистая совесть. Буржуй часто понимает, что богатства его нажиты несправедливыми средствами, за счет лишения многих людей того, что принадлежит им по праву. Иногда господствующему классу приходится отбиваться от публичных обвинений подобного рода; поэтому богачи чувствуют себя увереннее, имея в кармане парочку красочных примеров благотворительности. Такие «контрпримеры» — их единственное оружие в их духовной борьбе с самими собой.

Однако простое сравнение стиля жизни богатых и бедных выпячивает совершеннейшую несостоятельность подобных оправданий. Так, какой-нибудь «новый русский» может потратить за недельку где-то на Гавайях сумму, достаточную для того, чтобы тысяча простых русских спокойно жили несколько лет. Вечернее платье миллионерши может стоить столько, что можно было бы с головы до ног одеть сотню обычных людей. Обед в фешенебельном ресторане обойдется дороже, чем годовые расходы на пропитание у бедняка. Найдется ли богач, которые согласился бы жить всегда в таких же условиях, как те, помощью кому они так хвастают?

Но самый отвратительный вид благотворительности — разного рода акции и кампании. Когда кучка миллионеров развлекается «в пользу бедных», швыряясь деньгами на благотворительном аукционе или приеме, под соусом рассказней о том, как все эти «взносы» будут потрачены на нужды бедняков, — возникает только один вопрос: а на фига? Неужели же нужно тратить бешеные деньги на собственные увеселения, да еще отвешивать изрядный куш их организаторам? Не лучше ли было бы просто взять эти деньги и передать бедным, отбросив весь дурацкий антураж? А еще лучше — вложить их в построение нового общественного строя, при котором исчезло бы само различие богатых и бедных.

Время от времени кто-то из богачей может и в самом деле пожелать принести пользу страждущим. Но сама организация капиталистического общества не даст таким людям стать слишком щедрыми и бескорыстными. Поведение представителей разных социальных слоев регулируется строгими нормами, и любое отклонение от того, как «принято», будет наказано чем-то вроде кастового остракизма, и состояние нарушителя спокойствия быстро придет к такому уровню, что дальнейшая филантропия станет экономически невозможной. Капиталист должен вести себя как капиталист, чтобы остаться капиталистом, — точка. Только коренное изменение общественного устройства может сделать бедность воспоминанием прошлого, навсегда вычеркнув само слово «благотворительность» из лексиконов мира.

Интеллектуальная собственность и пираты

Я приветствую великую армию интеллектуальных пиратов, хакеров, взломщиков, контрабандистов и плагиаторов!

Они так много делают, чтобы донести до бедных то, что исходно предназначалось богатым, и раскрыть намеренно скрываемые технологии.

Чего стоит ваша хваленая свобода без права овладевать и пользоваться любыми достижениями культуры для раскрытия собственных талантов? Почему обладатели толстых кошельков должны быть свободнее в этом отношении, чем те, у кого и тонких-то кошельков нет?

Ситуация преисполнена сарказма: те, кто ничего не производит, владеют средствами производства — а те, кто умеет делать по-настоящему полезные вещи, лишены того, что им требуется для работы.

Вы можете, конечно, заметить, что подобная ситуация типична в основном для недоразвитых стран, вроде России, — а в индустриальных странах, таких как Великобритания или США, работники получают достаточно, чтобы позволить себе потратиться на нужную вещь. Какая разница? Если население одной страны в среднем богаче населения другой — нет ли тут какого-то глобального перекоса в распределении богатств? У всех «цивилизованных» стран есть долги, которые они вряд ли когда-либо заплатят, и благополучие их граждан основано на банальном грабеже.

Вы могли бы утверждать, что патентное право побуждает людей заниматься тем, на что они никогда бы не решились, не имея в виду солидной прибыли лично для себя. Так, фармацевтическая компания не станет вкладывать средства в дорогостоящие исследования и разработку новых препаратов, если потом кто угодно просто возьмет их и будет здоров. А если есть, что продать, — появятся и новые медикаменты, что пойдет на пользу человечеству в целом. Но кто для вас представляет это самое «человечество»? Подобные коммерческие предприятия улучшают в основном жизнь богатых — которые и так живут относительно неплохо. А бедным до таких исследований дела мало, ибо все, на что они могут надеяться, — поиграть когда-нибудь игрушками, которые богачам уже не нужны. Если уж делать что-то в интересах человечества, так надо просто отобрать средства у тех, у кого их слишком много, да пустить на исследование — так, чтобы результаты были доступны всем, под строгим международным контролем.

Вы могли бы заявить, что патенты защищают авторские права. Какие права? И существуют ли они вообще? Если речь идет о праве скрыть ценную информацию от тех, кто в ней по-настоящему нуждается, — так гори все патенты ярким пламенем! В любом случае, крупная компания всегда может заставить автора продать свое изобретение за символическую цену — и потом качать прибыли для тех, кто ничего общего с авторством не имеет. Компании могут даже запретить использование изобретения, если им это покажется более выгодным; ну, и как тогда быть с интересами человечества? Концентрация интеллектуальных прав в руках богатых дает им также возможность лишней раз отнять у производителей средства производства, заставить изобретателей работать на фирмы, которым они продали свои идеи, интеллектуально поработать.

Да, патенты обычно имеют ограниченный срок действия, и спустя, скажем, 17 лет, всякий вправе пользоваться изобретением без ограничений — так что человечество, вроде бы, получает его все равно. Но какой прок от того, что было актуально 17 лет назад? Культурный контекст постоянно меняется, и нескольких лет достаточно, чтобы многие полезные вещи безнадежно устарели. Кто станет теперь интересоваться секретами MS DOS 3.x иначе как из чистого любопытства? Всякое знание хорошо в свое время — а патенты закрываются только тогда, когда никакой практической ценности их содержимое уже не представляет.

Наконец, вы можете указать, что интеллектуальные пираты — отнюдь не филантропы, что они действуют лишь ради собственной выгоды. Да, это так. Но объективно их бизнес дает знание людям, которые способны творить, но не могут себе позволить дорогостоящие покупки. Пиратский диск, купленный за каких-нибудь десять долларов, может содержать программ на многие тысячи. Пиратские аудио- и видеозаписи продаются в 5-10 раз дешевле, чем лицензионные копии. К тому же многие из этих материалов можно получить совершенно бесплатно.

Конкуренция с пиратским рынком побуждает держателей авторских прав снижать легальные цены и даже открывать некоторые продукты для свободного распространения, делая главный упор в бизнесе на разного рода сервисы. Это еще один повод похвалить пиратов. На самом деле, многие компании вовсе не заинтересованы в искоренении пиратов, поскольку нет лучшей рекламы, чем продажа на пиратском рынке. Те, кто приучен пользоваться определенными продуктами, пусть даже добытыми у пиратов, с большей вероятностью купят при случае что-то необходимое у тех же производителей — или, по крайней мере, смогут оказать влияние на тех, кто принимает решения.

Трудоголики и человеческая универсальность

Современный стиль бизнеса ориентирован на то, чтобы заставить работников трудиться как можно больше — он поощряет желание работать хоть 25 часов в сутки, без перерывов и побочных занятий. Это затрагивает работников высшего звена в той же мере, как и персонал низшего уровня, и часто начальники побуждают подчиненных к дополнительной работе примером своей собственной круглосуточной занятости. Компании крадут личное время работников, организуя разного рода корпоративные развлечения (приемы, вечеринки, сборы, туризм и т. д.). Как правило, люди вынуждены участвовать во всем этом, чтобы продемонстрировать корпоративный дух — и внешне это не слишком-то похоже на отдых и веселье — случайный прохожий мог бы, скорее, подумать, что все заняты каким-то ответственным делом. В конце концов люди разучиваются отдыхать и начинают подменять расслабление сменой деятельностей — и эта безостановочная суэта понемногу перерастает в извращение.

В силу самого своего определения, сознательный субъект требует универсальности; поэтому чрезмерная увлеченность работой — чрезвычайно опасная тенденция, ибо она ведет к полному разрушению личности. Людям *надо* иногда расслабляться, отказываться от каких-либо дел вообще, а не только заменять одни занятия другими. Это не имеет ничего общего с потерей времени — напротив, это один из основных механизмов личностного развития, и развития субъективности как таковой. Когда у человека нет возможности пассивно отдохнуть, когда он вынужден проводить всю жизнь в борьбе за существование, продвижении по службе, добывании денег, новых впечатлений или общественного признания — он быстро деградирует, становясь вместо разумного существа каким-то животным, а то и просто неодушевленной вещью.

Трудоголизм — социальная болезнь, — как курение, алкоголизм или наркомания. У него много общего с другими случаями психотической зависимости от внешней стимуляции, такими как истерия или психопатии. Эти заболевания характеризуются неумением сознательно контролировать собственную мотивацию, и следовательно недостаточным самоуважением и неудовлетворенностью собой, которые приходится маскировать лихорадочной активностью. В каком-то смысле, это противоположность шизофрении — но именно поэтому трудоголизм может перерасти в шизофрению, если в силу каких-то социальных ограничений вечный бег в никуда становится вдруг невозможным.

Как и другие социальные болезни, трудоголизм с трудом поддается лечению. Терапевт может устранить какую-либо суррогатную деятельность — но на ее место тотчас придет другая; всякий успех оказывается лишь временным, с неизбежностью возвращения болезни, пока ее социальные корни существуют по-прежнему. В ряде случаев терапия может вырастить у пациента твердое намерение радикально переменить образ жизни — однако одной решимости тут недостаточно, и требуется еще и достаточно благоприятная общественная среда, допускающая вариативность деятельности. Так, если человеку трудно найти работу, достаточно высокооплачиваемую, чтобы содержать семью, он вынужден цепляться за то, что есть, и демонстрировать лояльность, и пытаться «ублажить» руководство... Любое проявление независимости может в таких обстоятельствах иметь катастрофические последствия — тем самым, налицо комплект условий для возникновения трудоголизма как разновидности психологической защиты.

Трудоголизм тесно связан с низким уровнем контактности в транзакционной иерархии личности — то есть, с доминированием синкретизма и формальной коммуникации, со слабой развитостью синтетического общения (близости). Те, кто всегда может найти кого-то, о ком можно было бы заботиться и кто способен ответить заботой, менее склонны впасть в трудоголизм. Но подобная близость — явление нечастое, и ее не заменить простым времяпровождением в компании чужих друг другу людей, которых связывает лишь общая потребность в том, чтобы скрыть свою социальную ущербность.

Кризис среднего возраста?

Психотерапевты любят поговорить о психологическом кризисе, который многие испытывают в возрасте от 35 до 45 лет. На этот счет придуманы многочисленные объяснения, такие как лишение родительской поддержки и отсутствие социальной замены, чувство чрезмерной завершенности, осознание невозможности осуществить мечты молодости, раскрытие поведенческих сценариев, заложенных предками, изменения в характере сексуальности или... Но все эти объяснения *исходят из индивида*, и поэтому единственное решение, которое им доступно, — посоветовать как-то изменить себя, свое отношение к миру и мировоззрение — но отнюдь не сам мир.

Однако нет ничего в субъекте, что не имело бы объективных предпосылок, и корни любого психологического кризиса следует искать в экономическом положении человека и его социальном окружении. Достаточно внушить кому-то, что в его существовании никто не испытывает особой нужды, — и вот вам еще один душевный кризис. И возраст тут абсолютно ни при чем — с такими проблемами может столкнуться всякий и всегда. Например, психологи придумали еще и «кризис взросления», который наступает после 20 лет, в период, когда подросток превращается в зрелого человека. В какой-то мере и кризис переходного возраста можно трактовать в том же русле.

Получить представление о том, как общество закрывает пути в будущее для своих стареющих членов, можно просто полистав рубрики с предложениями трудоустройства в российской прессе. Практически любое предложение содержит слова «до 35 лет», иногда «до 40», с очень редкими исключениями типа «до 45» или до «50». Для женщин порог еще ниже. У тех, кто потерял работу после 40 лет, — практически нет шансов вернуться к активной деятельности. Изобрели даже специальный термин: «экономически активное население» (я оставляю пока в стороне вопрос о дискриминации по признаку «репродуктивной активности»).

У лиц старшего возраста, как правило, гораздо меньше возможностей получить дополнительное образование, и если чья-то профессия вдруг потеряла актуальность — варианты с профессиональной переподготовкой после сорока лет даже не рассматриваются. Короче, общество просто выталкивает за борт сорокалетних — а субъективно это переживается как кризис среднего возраста.

Требование определенных профессиональных навыков является также одной из основных причин «кризиса взросления». У молодых мало опыта практической работы, и они, как правило, не могут претендовать на достойное место в жизни; отсюда чувство ненужности.

Очевидно, если бы у каждого была возможность в любой момент начать новую жизнь, с бесплатным переобучением и отсутствием необходимости содержать дом и семью, ничего трагического в достижении очередного рубежа в своей деятельности никто бы не ощущал. Человек мог бы выбрать другую дорогу, или просто остановиться на время, подумать и решить, что делать дальше. Кризис среднего возраста — результат искусственно культивируемых стрессов и фрустрации: борьба за существование не знает перерывов, и всегда найдутся барьеры, преодолеть которые не позволит само устройство современного общества.

Разумеется, Россия — отнюдь не исключение. Совершенно то же самое относится и к высокоразвитым странам, вроде Франции, Англии или США. Однако там дикий капитализм прошлых веков давно укрощен мерами неэкономической регуляции, и так откровенно ввести ограничения по возрасту, как в России, не получится. Работодатели вынуждены изобретать многочисленные приемы скрытой дискриминации. Всегда можно оправдать предпочтение более молодым кадрам соображениями производительности труда. Действительно, молодые образованы в соответствии с современными требованиями, они более агрессивны, менее озабочены семьей и здоровьем. Точно так же соображения большей профессиональной пригодности могут стать предлогом для отсева слишком молодых претендентов. В некоторых странах даже существуют специальные правительственные программы для содействия

трудоустройству таких социальных слоев. Но подобные меры противоречат самой природе капитализма — и потому от них отказываются в первую очередь, как только экономика сталкивается с серьезными трудностями.

Конец мифа о ГУЛАГе

Россказни о сталинском терроре в 1930-х и 1940-х — это, мягко говоря, необоснованное преувеличение. В предвоенном СССР количество заключенных не превышало обычного для остальных стран того времени уровня, а условия их существования были ничем не хуже, чем в Великобритании или США. Лишь гораздо позже, уже после смерти Сталина, пенитенциарная система СССР сильно отстала в своем развитии от передовых капиталистических стран — но связано это прежде всего с холодной войной и жестким экономическим прессингом извне, а отнюдь не с какими-то внутренними тенденциями социализма: страна просто не могла позволить себе выделять остаточные средства на улучшение условий содержания заключенных.

В среднем количество заключенных все время держалось на уровне 2-2.5 % от полной численности населения. Точно так же, как и в европейских странах и в США, большинство из них — самые обычные преступники, осужденные в соответствии с существующим законодательством. Я лично знал кое-кого из тех, кто выдавал себя за жертву сталинского террора, среди них даже несколько моих родственников. Насколько я могу судить, все они так или иначе нарушили закон и были наказаны соответственно. Одна из функций любого государства — сохранение целостности, пусть даже путем накладывания формальных ограничений на жизнедеятельность его граждан.

Очевидно, правовые нормы СССР должны были отличаться от законодательства капиталистических стран, и было бы абсурдом пересматривать каждое дело в буржуазном суде. Так, всякого рода спекуляция есть совершенно нормальное явление с точки зрения буржуа — тогда как при социализме она идет вразрез с его фундаментальными принципами и должна квалифицироваться как преступление. Но когда социалистическое государство совершенно законными средствами подавляло частное предпринимательство, буржуи всех стран хором вопили о нарушении прав человека. Грубо говоря, те, кто боролся с Советской властью, — преступники с точки зрения этой власти; но те, кому эта борьба была выгодна, разумеется, не считали их преступниками, а напротив, обвиняли в любых грехах советский строй.

Все это самоочевидно, ничего кроме простой рациональности. Однако в последние годы существования СССР общественное мнение подвергалось интенсивной обработке со стороны буржуазных пропагандистов, и многие уступали давлению, под впечатлением длинных списков якобы репрессированных и живописных картин сталинских концлагерей. Всякое сравнение с остальными частями света намеренно оставлялось в стороне, так что факты становились злейшей формой лжи, а отдельные кусочки так перемешивались, что целого за ними было уже не узнать.

Сегодня истина начинает понемногу, и очень робко, заявлять о себе на публике. В *Московской правде*, полуофициальном органе московского правительства, в номере от 28 июля 2001, можно найти статью Эрика Коляра, в которой количество заключенных в бывшем СССР сопоставлено с условиями новой России. Оказалось, что в буржуазной России заключенных еще больше, чем в сталинские времена, а условия их содержания значительно ухудшились после реставрации капитализма. Как пишет Котляр, уровень смертности в ГУИН (российский аналог ГУЛАГа) настолько высок, что за это начальника любой сталинской тюрьмы немедленно сняли бы при первой же проверке. А уж попасть в тюрьму ни за что теперь значительно проще, чем при Сталине.

Можно только удивляться, как советской власти удавалось сохранять масштабы ГУЛАГа столь ограниченными, а судебную систему настолько терпимой, в условиях предвоенного и

послевоенного времени, несмотря на грандиознейшую подрывную деятельность ведущих капиталистических держав, крайне низкий уровень общественного сознания, всепроникающую идеологическую коррупцию. Тот факт, что Советский союз просуществовал целых 70 лет, а не несколько месяцев, и стал одной из самых сильных стран мира, можно объяснить только глубинной истинностью коммунистической идеи.

Разумеется, были и те, кто попадал в тюрьмы по ошибке, или кого просто подставили. Был и какой-то процент собственно политических заключенных. В этом отношении СССР ничем не отличался от развитых капиталистических стран. А даже одна невинная жертва — это уже трагедия. Всякая исправительная система уязвима уже в силу неизбежного отсутствия должной гибкости — чем и пользуются подлецы. Я знал людей, сосланных на Колыму ни за что, по предубеждению, из чистой перестраховки. Но они не плакались, не винили социализм; многие оставались, несмотря не все пережитое, настоящими коммунистами — и всячески старались улучшать жизнь людей, пусть даже ценой собственной жизни. Остается только сравнить с ними тех, кто кричит о терроре и репрессиях, — умудрясь при этом всегда оставаться при своем, возвращаясь к вредительской деятельности после отсидки. Такие в конце концов и разрушили СССР, и теперь строят новые капиталистические государства на костях миллионов людей, которых они лишили самого необходимого. Капиталисту и в голову не придет, что некто, умерший от голода за тысячи миль от него, — жертва капиталистической экономики. Буржуа будет протестовать, если его объявят убийцей. Как же! — он же никого не зарезал, он только душил людей экономически, всего-навсего не позволяя им жить.

Черный вторник: кризис цивилизации

11 сентября 2001. В 8:45 и 9:03 по местному времени два угнанных самолета с пассажирами протаранили здания-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. В 9:43, в Вашингтоне, еще один самолет разрушил западное крыло Пентагона. Тысячи людей погибли.

За что боролись — на то и напоролись.

Как бы ни была ужасна потеря стольких жизней и разрушение целого городского квартала, но именно американцы виноваты в том, что подобные акты насилия стали возможны. Самая мощная нация мира уверовала в свое предназначение вершить высшее правосудие, она боготворила силу и террор, культивировала жестокость и агрессию. Голливуд уже столько раз разрушал Нью-Йорк на экранах! — неудивительно, что в конце концов кому-то захотелось претворить киношную фантазию в реальность. Вся американская культура основана на единственном императиве: убей врага. Если ты силен — уничтожь физически. Если слаб — купи убийцу. Если не можешь убивать сам, и нет денег, чтобы заставить убивать других, — тогда ты жертва, и всякий имеет право убить тебя. Кровь и страх витали в воздухе — и трагедия вовсе не стала неожиданностью.

Но самое ужасное — то, что кошмарный опыт ничему людей не научил. Газеты приводили результаты социологических опросов: 70% американцев поддержали бы любую акцию возмездия, в любой части мира. Они готовы принести в жертву жизни тысяч людей, которых они никогда не знали, за деяния горстки преступников; можно с уверенностью предсказать, что как раз эти-то и не будут наказаны, ибо у них достаточно денег, чтобы спрятаться за финансовым щитом, а капитал куда дороже человеческой жизни в этом безумном мире, который построила Америка. По разным сообщениям, после атак на американские посольства в Африке от 70 до 1000 крылатых ракет было выпущено по лагерям Бен Ладена (ср. с 300 ракетами, поразившими Ирак во время «бури в пустыне»). Ну и что, повредило это хоть сколько-нибудь Бен Ладена и его состоянию? А теперь генералы в «разрушенном» Пентагоне

грезят планами «третьей мировой войны» цивилизованного мира против всех остальных, предположительно не настолько цивилизованных (или просто недостаточно покорных?).

На самом деле США уже давным-давно развязали эту необъявленную войну против всего мира. Корея, Вьетнам, вторжение на Гренаду, бомбардировки Ливии и Ливана, недавняя агрессия против Югославии... Кто станет следующей мишенью? Найдется ли хоть одна террористическая группировка, которая уничтожила людей больше, чем американская солдатня за морями и океанами? Добавьте сюда бесцеремонное вмешательство в экономику и политику других стран, подрывную деятельность в любой точке земного шара — и вот вам картина злейшего из всех видов терроризма, государственного терроризма. Столь глобальное насилие непременно должно вызывать не менее губительную реакцию.

Американские политики любят поболтать о борьбе против терроризма, используя этот треп в качестве ширмы для любых грязных делишек. А чтобы всегда иметь под рукой столь удобную отговорку, они сами провоцируют террористов, как в хорошо известной манипулятивной игре «полицейские и воры», описанной американским психологом Э. Берном. Американские банки и заводы нуждаются в конфликтах за рубежом, их благосостояние основано на человеческих костях и крови. А теперь пролилась и американская кровь.

Остановит ли это нескончаемый поток триллеров и вестернов, звездных войн и компьютерных батальев? Обуздает ли это дух конкуренции, гонку за успехом любой ценой? Почему одни люди должны становиться победителями за счет других, побежденных? Когда, наконец, человечество перестанет жить по законам джунглей и начнет жить по законам разума, как это и подобает разумным существам?

Возможно, чтобы мы смогли ответить на эти вопросы, потребуется не одно десятилетие и много новых трагедий. Но отвечать придется все равно — иначе сознающее себя человечество просто перестанет существовать.

Интернет как поле классовой борьбы

Наблюдая за развитием Интернета (и прежде всего его популярного фасада, WWW), не перестаешь удивляться, как можно такой мощный инструмент продуктивного общения, средство интеграции знаний на благо всего человечества и каждого отдельного человека, — как можно использовать его столь расточительно на раздражающую рекламу, тупую болтовню и глупые развлечения? Почему становится все труднее найти немного бесплатной вменяемой информации по конкретному вопросу, и надо перерывать тонны всякого мусора, чтобы открыть парочку интересных страниц?

Обычный ответ: люди вольны развивать Интернет, как им заблагорассудится, и если они хотят иметь там весь этот хлам — они его туда вывалят. Это торжество демократии и свободы волеизъявления. Спрос определяет предложение: если что-то хорошо продается, кто-то будет это производить. Рыночная экономика, азы.

Но так ли уж свободны люди в Сети, как об этом во всеуслышание заявляют? И так ли уж глупы потребители, как их малюют апологеты капитализма?

Если я ненавижу всяческий шум и хочу найти такое место, где можно было бы тихо и мирно жить, — я его найду? Я хочу, чтобы без рекламы, без купли-продажи, без лжи, сплетен, выпячивания напоказ чьей-то личной жизни, без извращений, насилия, без границ и виз, без политики... Можно мне хоть чуточку такой свободы? Я всего лишь хочу, чтобы не нужно было заботиться о том, как бы заработать на кусок хлеба, — и можно было бы спокойно творить, способствуя развитию человечества, — это дозволено? Я хочу беспрепятственно пользоваться всеми достижениями культуры, без искусственных рогаток вроде интеллектуальной и иной собственности, — где она, эта свобода?

Нет, мои желания совершенно несбыточны. Законы капитализма такого не позволяют. Наоборот, мне будут скормливать то, что мне совершенно ни к чему, и придется жить в уродливом мире, вылепленном богатыми для богатых. Мои мысли возьмут под контроль — и придется заботиться лишь о том, как выжить здесь и сейчас, и некогда будет мечтать о светлом будущем. Капиталу нужны рабы — а рабам незачем много думать. Следовательно, не надо их допускать к сколько-нибудь серьезной информации, а в идеале — следовало бы пресечь саму возможность ее искать.

По счастью, кроме рыночных есть и другие экономические законы, и в частности, закон поступательного развития производительных сил, который требует соответствия уровня образования работников уровню используемых технологий. Люди должны хоть что-нибудь знать, чтобы поддерживать благосостояние власть имущих.

Но, хотя капиталисты не могут запретить вообще всякое знание, они могут всячески ограничить доступ к информации, приручить знания, представить их в стерилизованной форме. Основной метод тут — разбить целое на маленькие кусочки, которые следует держать подальше друг от друга, чтобы не вызвать цепной реакции в массовом образовании. Вот несколько типовых приемов.

Конфиденциальность. Достаточно засекретить какую-то часть информации и защитить ее формальными запретами и многоэтажным шифрованием — неважно, делается ли это под прикрытием слов о государственных интересах, либо рассуждений о коммерческой тайне.

Частная собственность. Производитель имеет право ограничить пользование продуктом — это один из нелепейших вымыслов буржуазной пропаганды. Нет ни у кого исключительного права ни на что — ибо любой продукт возникает в результате совместных усилий многих людей и принадлежит обществу в целом, а не кому-то одному или узкой группе лиц. Превращать знание в частную собственность — абсурд. Единственная цель «защиты авторских прав» — скрыть знание от тех, кому он действительно необходимо.

Белый шум. Если полезная информация занимает весьма небольшую часть Сети (скажем, меньше 0.01%), то шансы ее регулярного обнаружения невелики. А значит, достаточно создать большое количество сайтов, наполненных хламом, и как следует раскрутить их — тогда любой поисковый запрос вернем в основном ссылки на мусор, а полезное содержание будет похоронено в этом мутном потоке.

Манипулирование вниманием. Массами легко управлять, переключая их внимание на что-либо незначительное, заставляя тем самым забыть о насущных проблемах современности. Социальное давление побуждает людей интересоваться спортом, тратить время на примитивные развлечения, увлекаться мистикой и т. д. Многочисленные сайты, посвященные всему такому, перехватывают пользователей, оттягивают их от более продуктивных открытий.

Массовая пропаганда. Интернет-новости, аналитические обзоры, заботливо модерируемые дискуссионные клубы... Все это инструменты насаждения официальных взглядов и подавления оппозиции. Многочисленные «научные» и «философские» сайты продвигают идеологию господствующих классов, и многие сайты, посвященные искусству, организованы с тем же прицелом не допустить никаких крамольных идей.

Ограничение видимости. Хотя некоторые компании предлагают бесплатный хостинг интернет-сайтов, эта возможность очень ограничена. Такие сайты обычно имеют небольшой размер, действуют ограничения на формат страниц, способы загрузки и редактирования страниц не позволяют многого, есть ограничения на посещаемость страниц и т. д. Время от времени правила игры пересматриваются, и те услуги, которые ранее предоставлялись бесплатно, теперь требуют регулярных платежей, чтобы все оставить по-старому. Те, кому это не по карману, вынуждены переселяться в другой домен — и сбрасывать видимость сайта к нулю.

Изменчивость. Интернет нигде не остается неизменным, меняется все. Никакой адрес не может все время указывать на одну и ту же порцию информации. Услуги интернет-хостинга и

доменные имена продаются на короткий срок — их приходится регулярно продлевать. Следовательно, нельзя, даже имея большие деньги, создать совершенный сайт и умереть с чувством выполненного долга, зная, что это останется на века. Другими словами, в WWW не существовать никакой стабильной подсети, в которой можно было бы развивать виртуальное пространство, свободной от шума. Так правящим кругам удобнее поддерживать высокий уровень невежества и уничтожать любые интернет-сообщества, которые могут показаться опасными.

Эффективность этих методов значительно повышается в силу того, что они могут работать на подсознательном уровне, в фоне, гомеостатически себя поддерживать. Тот, кто рос в определенной среде, будет по всей вероятности вести себя так, как принято в этой среде, даже не догадываясь о скрытом социальном программировании.

И все же объективные законы экономического развития требуют все большего развития сотрудничества людей через Сеть, и это способствует выработке соответствующих процедур и разработке специального программного обеспечения для преодоления хаотичности Интернета и повышения доступности данных. Возможно, когда-нибудь, в других общественно-экономических условиях, Интернет станет, наконец, тем, чем он и должен быть, — механизмом сбора и распространения знаний, сохраняющим все положительное и устраняющим рыночный шум. Такая свободная Сеть могла бы аккумулировать идеи и давать людям удобные инструменты для их усвоения и выработки нового знания, не теряя прошлого.

Вооружен — значит, виновен

Часто говорят, что добро должно быть с кулаками, чтобы успешно противостоять злу, — и чем лучше добро вооружено, тем меньше шансов, что зло сумеет распространиться широко. Эта точка зрения предполагает ряд весьма сильных утверждений, которые при ближайшем рассмотрении оказываются ложными.

Во-первых, предполагается, что можно определить добро и зло абсолютным образом, и что достаточно пресекать зло, чтобы становилось больше добра. Это, очевидно, не так — различие добра и зла идеологически насыщено и меняется от одной эпохи к другой. Поэтому легко принять зло за добро, и наоборот, — и никогда нельзя с уверенностью сказать, что, собственно, предстоит подавлять. Более того, одна и та же вещь несет и добро, и зло, — и только история может решить, что из них преобладает. Добро и зло — две стороны одного и того же, и нельзя уничтожить одно, не уничтожая другого.

Далее, само подавление своей противоположности есть акт насилия, а насилие прежде всего опасно тем, что может легко обратиться против своего источника. Насилие не может породить ничего кроме нового насилия — если его не держит в узде некая более мощная конструктивная сила. Однако такая сила не могла бы действовать в интересах одной группы против другой — тогда она разрушала бы саму основу социальности и потеряла бы свой конструктивный характер.

Борьба за жизнь — не для людей. Она взывает к животному прошлому людей, подчиняет их жестоким законам биологической эволюции, которые не имеют ничего общего с гуманностью и разумом. Пока кто-то в борьбе — он животное. Остановиться, перестать сражаться и начать производить нечто универсально полезное — и превращаешься в сознательное существо.

Психологически, чем лучше кто-то вооружен, тем сильнее искушение испытать свою силу. Если у человека есть ружье — это опасно, ибо оно обязано выстрелить, рано или поздно, пусть даже ненамеренно. Изучая боевые искусства, человек начинает чувствовать себя более защищенным — и это толкает его на дерзкие поступки, несовместимые с разумом. Изобретение нового оружия заставляет его обладателя забыть об интересах тех, кто неспособен противопоставить ему адекватную защиту.

Я не отрицаю всякой необходимости борьбы и защиты вообще. Я лишь указываю, что любая борьба, какой бы объективно мотивированной и общественно оправданной она ни была, есть проявление рудиментов животного в человеке, и следует держать их под тщательнейшим контролем вплоть до полного их исчезновения. Нельзя оставаться чистым, живя в грязи. Но можно хотя бы попытаться очистить мир, и стать если не чище — то хоть не таким грязным. А стать по-настоящему сознательными мы сможем только тогда, когда построим новый мир, в котором сама идея борьбы перестанет существовать; в нынешнем несовершенном мире творческие способности всех людей должны быть направлены к этой высшей цели.

Страсть к переменам как социальная болезнь

Это безумие.

Они все меняют, каждое мгновение.

Они заставляют людей отказываться от прежних жизненных устоев и гоняться за призрачной новизной.

А нам оно надо?

«Новое» — не значит «лучше». Почему мы должны навсегда терять столько хороших вещей из-за того только, что кому-то другому захотелось нас изменить? Я привык на протяжении многих лет покупать определенные сорта хлеба или молока — и меня они вполне устраивали. А тут компании-производители вдруг решают, что им следует вести себя на рынке агрессивнее, — и начинают каждый год менять ассортимент, так что я уже не могу понять, что мне следует брать и как при этом не навредить своему здоровью. Зачастую меняется только название, переделывается упаковка — предположительно, в сторону более высокой технологичности, и следовательно, цены. Но хуже всего путаница, ибо я уже не узнаю привычных продуктов в непривычном одеянии. Приходится терять уйму времени, пытаюсь отыскать то, что требуется, в горах всякого барахла, которое мне и даром не нужно.

Иногда изменения могут оказаться в буквальном смысле фатальными. Например, если я больше не могу найти то уникальное лекарство, которое поддерживало мой организм вопреки всем хроническим расстройствам, — я обречен на болезни и смерть. Эффект определенных классов препаратов (например, нейролептиков) очень индивидуален, и хорошему врачу могут потребоваться месяцы и годы, чтобы подобрать правильную комбинацию. И если какой-то бизнес-идиот вносит малейшее изменение в рецептуру, деликатное равновесие нарушается. Если аптеки вдруг решают обновить свой каталог и продавать только современные препараты, те, кто зависит от старых, должны умереть.

Во многих случаях новые варианты тех же вещей гораздо хуже качеством и менее удобны в использовании. Обувь, одежда, стиральные порошки, чай и кофе, выпечка, сыр, парфюмерия или гигиенические прокладки — все это почти наверняка ухудшится при всякой модернизации. Переделки классических фильмов — большей частью дрянь. Повторение старых шуток — это не смешно.

Во многих других случаях новые вещи действительно лучше, в пределах той же функциональности. Так, новый компьютер будет, скорее всего, производительнее старого практически во всех отношениях, если только существуют аналоги старых приложений, умеющие работать с теми же типами данных. Но, например, новый автомобиль — не всегда лучше старого, если старый и так уже справляется со своими функциями средства передвижения. Точно так же, старый телевизор может работать очень долго, если от него не требуется каких-то сверхъестественных наворотов. Новая версия компьютерной программы — может стать катастрофой, если нет желания удвоить объем требуемой памяти и дискового пространства.

Введение новых продуктов оправдано лишь в тех случаях, когда они дают нечто такое, чего старое просто не может дать, — при условии, что жить по-старому все-таки можно. Хороший пример обратной совместимости дает эволюция процессоров Intel: машинный код, написанный давным-давно, может выполняться и на новых моделях, а кому надо — используют продвинутые функции для повышения производительности (к сожалению, это не относится к развитию операционных систем). Многократно перезаписываемый оптический диск — безусловно, шаг вперед по сравнению с обычным, если только у людей сохраняется возможность приобрести более дешевые обычные болванки для случаев, когда многократная запись просто не нужна.

Некоторые новые продукты вообще нельзя сравнивать со старыми. Например, проигрыватель DVD не имеет ничего общего с VCR, и никакой синтезатор не заменит акустическую гитару или обычное пианино. К сожалению, рыночная конкуренция искусственно вытесняет старые товары, заменяя их новыми. У потребителя нет выбора. Приходится обновляться, чтобы хоть что-то продолжалось. И отправляются на помойку хорошие вещи только потому, что для них уже нет подходящих аксессуаров и услуг, все перешло на новые технологии.

В науке новые открытия не отменяют ранее установленных законов в пределах их области применимости. Переход к релятивистскому или квантовому описанию не означает, что движение макроскопических тел вокруг нас перестало подчиняться законам классической механики. Иногда теории устаревают — но не теряют своей применимости, и могут, с некоторыми поправками, найти применение и в новых условиях, если правильная теория оказывается слишком громоздкой — хотя и более точной.

Искусство — царство уникальности. Ни одно произведение искусства нельзя заменить никаким другим. Новый способ выражения не просто представляет старое в другом виде — он порождает новое самостоятельное произведение. Как и в науке, бывают устаревшие работы, уже не вызывающие в нас никаких чувств. Однако их эстетическая ценность в их собственном культурном контексте отнюдь не уменьшилась.

Точно так же, цифровая фотография отнюдь не отменяет традиционной «мокрой» технологии — а новые электронные часы не в состоянии превзойти старинный хронометр. Все это накапливается в культуре, одно дополняет другое. *Blanc Moelleux* от Поля Шене — нечто совершенно иное, чем вино с тем же названием от Анри Мэзо. Швейцарский или французский *Nescafé* не имеют ничего общего с их бразильскими, индийскими или российскими однофамильцами. Одно никак не может быть заменено другим.

Позор нынешнего общества — что оно оказалось столь глубоко заражено антикультурой перемен ради перемен. На самом деле, эта гонка за новизной — лишь для того, чтобы скрыть необходимость одной существенной перемены, замены прежнего общественного и экономического строя новым образом жизни, более заслуживающим названия человеческого общества.

О преступлениях

Единственно серьезный подход к искоренению преступности — стремление уничтожить саму основу преступлений, сделать их бесполезными. Если возможно улучшить свое благосостояние путем ограбления других, появляется соблазн совершить нечто преступное, и психологически человек готов стать преступником при определенных обстоятельствах. Напротив, если от преступления нет никакой пользы, нет и мотива к его совершению.

Абсолютное большинство преступлений направлено на перераспределение богатств, когда один пытается присвоить то, что принадлежит другому, — любыми средствами, вплоть до убийства. Традиционно стремление к власти занимает вторую строку в списке — но это обычно лишь один из вариантов добывания денег. Когда собственности вообще не существует, и нет

никакой выгоды от власти, — что толку в убийстве? Даже если предположить, что все преступники психически больны, устранение сумасшедшей гонки за прибылью могло бы значительно снизить риск заболевания.

Правящие классы явно не заинтересованы в пресечении преступности как таковой; все, на что они способны, — нейтрализация отдельных преступников, которая лишь освобождает место для других преступников, и так до бесконечности. Это хорошо известная игра «полицейские и воры», описанная Эриком Берном.

Культура, основанная на собственности, под именем цивилизации, начинается с преступления и заканчивается преступлением; преступление принадлежит самой ее сути. Первый акт присвоения — это уже грабеж, поскольку один приписывает себе исключительное право на то, что принадлежит всему человечеству.

Не удивительно, что современное капиталистическое общество кишит преступниками — оно существенно зависит от преступности. Капитализму нужна преступная атмосфера, и потому все средства массовой информации и вся индустрия развлечений всячески пытаются убедить обывателя, что нет ничего привлекательнее преступления — кроме, может быть, секса, — а уж соединение одного с другим дает настоящий блокбастер! Рабы должны жить в страхе, это делает их послушнее. Власть предрержащие прикрываются мифом о «законности» как социальной системе, не дающей злу наводнить жизнь людей, — и наемные стражи капитала представляются защитниками общего блага. Людей заставляют думать, будто ликвидация этого «защитного» аппарата приведет к хаосу, и потому следует всячески сохранять существующую систему, как бы плохо она ни была организована, — хотя бы ради стабильности.

Разумеется, если предположить, что не существует никакой иной общественной организации кроме капитализма, его уничтожение представляется катастрофой. Для буржуа, не мыслящего себя вне отношений собственности, любая попытка их устранить выглядит как грабеж. Ликвидация буржуазной законности означала бы отмену «законного» права одних присваивать себе труд других. Когда единичный преступник кого-то индивидуально грабит — это не угрожает системе в целом, касаясь только отдельных личностей; любое же законодательное ограничение священных прав собственника — это удар по всему классу собственников и, следовательно, куда более серьезное преступление в глазах апологетов капитализма.

Нераспространение господства

Дебаты по поводу того, следует ли узаконить невинные жертвы американских бомбардировок в Ираке санкцией ООН, или достаточно санкции американского военного ведомства, — наглядный пример лицемерной сути буржуазной законности. Всякий закон защищает интересы власть предрержащих и направлен против прозябающих в нищете. Господствующие классы диктуют свои правила всему миру, который они эксплуатируют и обирают. Во всемирном масштабе это приводит к разделению стран на те, которые имеют право, и те, что должны исполнять приказы. Все международное право — не более, чем прикрытие этого простого правила.

Как может быть, что одна страна предписывает другой форму правления? Почему одна страна озабочена именем руководителя другой страны, или работой ее средств массовой информации? И, конечно же, в мире, где царит всеобщее равенство, каждая страна сама решала бы, какие научные и технологические проекты ее поддерживать, и какое оружие поставлять своей армии.

Даже если Ирак или Северная Корея имели бы ядерное оружие — никто не вправе запретить им его иметь. Можно вполне резонно предположить, что для таких стран это единственный способ предотвратить агрессию извне. Если Куба когда-то размещала на своей территории нацеленные на США ядерные ракеты, это совершенно оправдано ее очевидной уязвимостью перед лицом американского милитаризма. У США, НАТО и ООН есть странная манера решать,

кому дать привилегированное право на национальную безопасность, а кто должен вечно рисковать подвергнуться вооруженному вторжению. Но кто в мире опаснее всех? Вот, например, США. У них есть какие угодно вооружения, включая оружие массового уничтожения. Это нация, которая выросла на почве культа грубой силы, грабежа и убийства; агрессия в крови ее граждан. Ради того, чтобы создать повод к развертыванию борьбы за абсолютное господство во всем мире они готовы без малейшего колебания пожертвовать несколькими тысячами жизней — разрушение башен-близнецов в Нью-Йорке вполне могло быть чудовищной провокацией ЦРУ (а других свидетельств пока нет).

Разумеется, миллионы американцев где-то в глубине души не желают никакой войны. Но они тоже покорно проголосуют за войну, под давлением сверху. Американцы не могут даже подумать, что какая-то иная нация могла бы иметь право стать столь же независимой и мощной. Всякая подобная претензия сразу же интерпретируется как угроза национальной безопасности США и их глобальным интересам. Однако сама идея «глобальных интересов» — это уже агрессия, стремление к мировому господству. Лучше думайте о себе — и дайте другим самим заботиться об их собственных делах.

Вплоть до недавнего времени, американцы могли спокойно придерживаться подобной катастрофической политики, ибо не существовало никакой реальной угрозы США со стороны какой-либо международной силы. Сейчас, в эпоху глобализации, никакая страна уже не может быть в полной безопасности, несмотря на всю свою экономическую и военную мощь. Разрушение Гренады, Ливана, Ливии, Сербии Афганистана и многих других стран обернется мощными ударами по узловым точкам инфраструктуры американской экономики, массовым террором с использованием любых средств, включая биологическое и химическое оружие, а также кибертерроризм. Страна, пытающаяся установить свое мировое господство, подчинить другие страны своим экономическим и политическим интересам, должна быть готова к тому, чтобы встретить столь же глобальный отпор и пасть в руинах — это судьба всех империй.

Не плюй на весь мир — а то мир плюнет на тебя, и ты утонешь.

Однако это будет не тот мир, который разделен на множество наций, борющихся друг с другом за кусочек монополии и эфемерное превосходство. Это будет мир людей, которые не хотят, чтобы их эксплуатировали, и не хотят эксплуатировать других. Объективно, формирование сверхдержав ведет к консолидации угнетенных наций, а границы между странами и культурами стираются как благодаря усилиям международного капитала, добывающегося всемирного господства, — так и вследствие глобального антиимпериалистического движения, объединяющего всех перед лицом сильного врага. Экономическая система капитализма станет однажды несовместимой с уровнем развития мировой экономики, и сверхдержавы, пытаясь заглотить весь мир, лопнут от собственного обжорства.

Логика для идиотов

Официальные заявления накануне вторжения американской военщины в Ирак демонстрируют некоторую разновидность логики, специально сконструированную, чтобы держать уже хорошо промытые мозги населения основных мировых держав на уровне ниже малейшего проблеска разума. Основной принцип этой логики можно выразить в трех словах: так хочет босс. Никакие другие аргументы не принимаются, и любые утверждения ничего не означают сами по себе; их единственная цель — показать слепую приверженность воле хозяина.

С самого начала, после странной трагедии 11 сентября, американская администрация занималась вправлением миру этой новой логики, громоздя одну ложь на другую и представляя это истиной в конечной инстанции, вне всякого сомнения. Без малейшего намека на доказательства, власти США объявили, что в разрушении ВТЦ повинны арабские террористы во главе с Усамой Бен Ладеном. Никаких иных предположений просто не допускалось, а

средства массовой информации получили строгое предписание популяризировать официальную версию. Допустим, учитывая общеизвестный факт долгого сотрудничества Бен Ладена с ЦРУ, что американские спецслужбы знали, какие приказы они же ему отдавали. Единственный субъект, кому были выгодны теракт 11 сентября и последовавший за ним спектакль с сибирской язвой, — это Соединенные Штаты, и ни один нормальный террорист не додумался бы до столько глупой идеи. Террористы ведь не просто развлекаются — они вовсе не настолько безумны, как проамериканская пресса их малюет; они всегда преследуют вполне материальные интересы, мало отличаясь в этом плане от воротил с Wall Street. А какая выгода Усама Бен Ладену от того, чтобы подрывать экономику стране, где его деньги лежат в том же банке, что и деньги ее президента? И однако людям предлагается поверить в эту нелепицу, просто потому, что это удобный повод для развертывания глобальной кампании за американское мировое господство.

Хорошо, пусть даже все это натворил Усама — так вывод какой? Почему США должны истребить тысячи беззащитных афганцев вместо того, чтобы просто поймать Бен Ладена и предать его суду? Г-н Президент назвал эту бойню американским возмездием за 11 сентября — разве это не та же извращенная логика? Это как если бы я, после того, как некий незнакомец задел меня локтем в уличной толпе, вдруг решил убить в отместку сотню мышей — просто потому, что никто меня за это не накажет.

И вдруг Америка резко забыла о глобальном терроризме и сделала своей основной целью завоевание Ирака. Бен Ладен и его компаньоны по-прежнему живут и здравствуют — но это США уже не заботит, они теперь одержимы идеей наложить лапу на иракскую нефть. Г-н Президент заявляет, как обычно, без малейших доказательств, что Ирак обладает оружием массового уничтожения, и мировое сообщество должно считать это достаточным поводом, чтобы санкционировать войну против страны, которая никогда не сделала ничего плохого ни одному американцу — кроме, быть может, единичных типов, имевших наглость вмешиваться в ее внутренние дела, даже не позаботившись о собственной безопасности. Не нашлось никаких подтверждений тому, что Ирак когда-либо имел сколько-нибудь серьезное оружие; лучшие в мире американские шпионы потратили не один месяц на выискивание хоть каких-то зацепок — и ничего не нашли, даже при всемерной поддержке иракского руководства. Но, согласно извращенной американской логике, тот факт, что Ирак не смог предоставить информацию о своих ядерных и бактериологических программах (по той простой причине, что этих программ вовсе не существовало), означает отказ от сотрудничества и доказывает ядерную и бактериологическую угрозу со стороны Ирака. На этом основании ООН подвергается массивному давлению, чтобы проголосовать за бомбардировки Ирака и убийство еще нескольких тысяч человек. Так хочет босс. Не напоминает ли это средневековые методы Святой Инквизиции?

Даже если бы Ирак действительно имел оружие массового уничтожения — кому какое дело? Право каждой страны решать, как защитить себя и предотвратить внешнюю агрессию. Есть много других стран, которые заведомо обладают ядерным, химическим и бактериологическим оружием. Почему бы не начать с кого-то еще? Например, Соединенные Штаты Америки, самая опасная страна мира, располагающая сотнями ядерных боеголовок, тоннами ядовитых химикатов и всевозможными военными микробами, — страна, принимающая агрессию как лучший способ достижения своих политических и экономических целей, страна, которая каждый год убивает тысячи мирных людей по всему миру — и открыто угрожает убивать и дальше... Почему бы не начать разоружение с США?

Но босс этого не хочет.

Скотский разум?

Великий день! 11 марта 2003 Radio France Internationale объявило о создании еще одного

международного органа. Международный уголовный суд (ИСС), с резиденцией в Гааге, уполномочен ООН разбирать дела о преступлениях против человечности.

Оставляя в стороне вопрос об абсурдности юстиции как таковой и о принципиальной невозможности осмысленного международного права, можно только удивляться помпезной фразе, выданной неким Домиником Маро, который представлен журналистом RFI как один из 18 судей избранных в ИСС: «Сейчас диктаторам всех сортов придется серьезно задуматься над последствиями своих действий. Там, где больше нет безнаказанности, господствует разум».

Так вот, значит, что они называют разумом: тупое послушание, навязанное силой оружия. Точнее, они хотят скормить подобное понимание разума всем тем, от кого требуется только послушание.

Когда дюжина гангстеров устраивает сходку и решает совместно карать тех, кто не платит им установленную ими дань — это называется триумфом свободы и великим успехом в деле борьбы за права человека! Что в этом контексте называется «правами человека»? Право власть предержащих притеснять обделенных, право богатых поработать бедных. Так ли уж человечно подобное право?

Сегодня небольшая кучка стран, которые построили свое благосостояние на костях и крови их колоний, присвоила себе право указывать бывшим колониям, что правильно, а что нет, — и как им следует организовать свою общественную жизнь и экономическую систему. Все подобные советы пропитаны экономическими и политическими интересами, стремлением и дальше выкачивать ресурсы других стран в карманы «истинных демократий».

Да, в мире есть немало диктатур и жестоких режимов, которые вряд ли вызовут у кого-то симпатию. Но посмотрите на себя! Так ли вы благородны и искренни, как вы пытаетесь изобразить? Не является ли ваша хваленая демократия лишь прикрытием для диктатуры денег, худшей из диктатур? Почему вы полагаете, что те, кто метает об обществе, в котором никто никого не будет продавать, чем-то хуже вас, которые умеют мечтать разве что о лишнем проценте прибыли? Вы называете лидера другой страны преступником и убиваете тысячи его соотечественников, чтобы заставить остальных с вами согласиться и вытерпеть доставшееся их стране унижение. Вы позволяете себе беззастенчиво лгать, не утруждая себя никакими доказательствами, — достаточно продемонстрировать истину танков и бомбардировщиков. Так, любой может открыть интернет-страницу ИСС и обнаружить, что имени Доминика Маро (или чего-то хоть отдаленно похожего) нет в списке избранных судей, и даже в полном списке кандидатов, представленных к первому туру.

Ну что ж, никто и не ожидает от буржуазной пропаганды чего-то кроме лжи — это нормально. Они давно уже решили, на кого взвалить вину, и любые судебные слушания — лишь для того, чтобы объявить это априорное решение миру, запугивая его так, чтобы мысли о бунте уже не возникало. И этот страх будет потом называться разумом.

Нам нужен такой разум? Хотим мы, чтобы с нами обращались, как со скотом?

Нет, мы этого не хотим. Мы хотим быть людьми, и наше первое право — самим решать, что делать и как устроить свою жизнь. Нам не нужны иностранные капиталисты, которые будут высасывать наши природные и человеческие ресурсы, — и не нужны местные капиталисты, готовые нас продать оптом и в розницу. Мы не хотим жить в обществе, где у человека есть только одно право — работать от зари до зари за мизерную зарплату, а то и вовсе без зарплаты. Мы не хотим всеобщих ценностей, номинированных в долларах или евро. Мы не хотим натовских бомбардировщиков у себя над головой и натовских убийц в наших городах. И нам не нужны ооновские судьи, готовые заклеить нас, когда мы боремся за наши человеческие права, обнаруживая тем самым несколько больше разума, чем нам дозволено.

Пропать надежды

20 марта 2003, с переходом массивной американской агрессии против Ирака в стадию открытой оккупации, изменился весь цивилизованный мир. От демократии и свободы, столь лелеемых буржуазной пропагандой, не осталось ровным счетом ничего. Или, точнее, вылезло на свет их подлинное лицо: этими «вечными ценностями», оказывается, можно беззастенчиво пренебречь, как только они начинают перегораживать путь к новым прибылям.

Пришла эпоха абсолютного господства американского крупного капитала. Больше никто не может претендовать на какое-то участие в установлении мирового порядка, и ни одна страна не вправе более предпринимать что-либо без санкции Вашингтона. У всякой нации только две альтернативы: либо превратиться в скромный феодал под крылышком державного монарха, в надежде выклянчить хоть тоненькие привилегии, — либо присоединиться к эксплуатируемому большинству и отдать национальное достояние на разграбление, а национальное достоинство на поругание. Это кульминация империализма, и можно только надеяться, что трансформация мира в империю, полностью контролируемую одной страной, приведет к консолидации всех антиимпериалистических сил, и национальные идейки уступят место интересам общей борьбы против самой экономической системы капитализма.

Старое противостояние буржуазии и пролетариата давно уже стало глобальным, и теперь роль отдельных людей играют целые страны. Пропать между господствующим классом и остальным обществом становится все глубже, растет классовое сознание угнетенных масс, и спорадические восстания перерастают в сильное революционное движение. Пусть буржуа всех сортов кричат о том, что их классовый враг прибегает к недопустимым средствам — когда легальность становится просто другим обозначением рабства, законных средств просто не может быть. Сегодня любое действие, способствующее переносу войны на территорию Соединенных Штатов и их пособников, может расцениваться как акт социальной справедливости. Всякая попытка нарушить экономическое и военное доминирование США объективно служит высшим интересам человечества.

Разумеется, никакое насилие не способно привести к экономическим и общественным сдвигам. Глобальный терроризм — лишь индикатор социального протеста, и вырвавшаяся на волю волна террора — вина американских империалистов. Когда единственный способ сохранить свое человеческое достоинство — это умереть ради него, ничего удивительного в том, что армия камикадзе вербуетя так легко. Однако сейчас главная необходимость антиимпериалистического движения — выработка идеологической платформы, выражающей специфику современного этапа исторического развития, сохраняя философское наследие диалектического материализма с учетом опыта Парижской коммуны и СССР. Нужно ясное видение цели — чтобы действовать как сознательное существо, а не как напуганное животное. Недостаточно просто разрушить Соединенные Штаты — это лишь освободит место для очередного претендента на мировое господство. Надо прежде всего уничтожить власть денег, разрушить существующий экономический строй и заменить его системой, в которой нет вообще никакой собственности — ни частной, ни общественной.

У любой империи один конец: ее смывает поток человеческого негодования и жажда свободы. На развалинах прошлого вырастает новый мир. И американская империя не избегнет этой участи. Возможно, это последняя империя в истории человечества. Иначе — зачем человечеству существовать дальше?

Сильные трусы и злые великаны

Бытует мнение, что сильный человек не склонен кого-то обижать, а крупные люди как правило добродушны. Эта вульгарная психология призвана оправдать занятия боевыми искусствами, изучение техники выживания, а также военную подготовку. Говорят, что человек, который

чувствует свою способность защитить себя, не нуждается в том, чтобы демонстрировать силу, поскольку потенциальные обидчики вряд ли посмеют напасть.

Зыбкий аргумент — когда столько свидетельств прямо противоположного! Каждый день на каждом шагу можно наблюдать, как сильные подавляют слабых, и никто не защитит беззащитных. Например, недавняя антииракская кампания США: одна из крупнейших стран мира, обладающая горами новейшего оружия, почти полным контролем над мировыми коммуникациями и самой многочисленной армией с наиболее длительным опытом ведения локальных войн, — это очевидно сильное государство избирает своей жертвой маленькую и редконаселенную страну, которая заведомо неспособна оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление, не имея вообще никакого современного оружия, без регулярной армии и без союзников. К тому же Ирак экономически измотан десятилетиями международной блокады, его противовоздушная оборона практически полностью уничтожена многолетними американскими бомбардировками, его ракетный парк демонтирован по указанию ООН, а военные заводы остановлены в угоду «мировому сообществу»! Это все равно как если бы двухметровый садист истязал крохотного младенца — да еще связал ему руки и ноги, для пушей безопасности.

Пример США выявляет истинную психологию власти. Это страна трусов — они никогда не ударят, не чувствуя своей полнейшей безнаказанности; они используют любую возможность продемонстрировать свою силу, убив несколько тысяч человек где-нибудь подальше от Америки, в стране, которая наверняка не сможет нанести ответный удар, убивая американцев на их собственной территории. У Соединенных Штатов нет ни малейшего понятия о чести, совести и правде, а место разума занял культ силы. Они наращивают военные мускулы, они грабят весь мир, концентрируя его богатства в американских банках, крадут мозги, эксплуатируют других любыми доступными способами. С каждой новой жертвой американцев все больше опьяняет их военное превосходство, и они уже не задумываются над изобретением подходящих предлогов и правдоподобностью собственной лжи. Они просто берут, что хотят, — не обращая внимания на чужие страдания.

Это злобный великан, чьи мысли вращаются лишь вокруг грабежа и убийств, чье поведение — сплошь агрессия, и чей интеллект сводится к хитрости хищного зверя. Вокруг США собралась кучка более мелких разбойников (Великобритания, Германия, Франция), дерущихся друг с другом за объедки с барского стола. Они тоже трусы — они твякают и кусают только из-под американского хвоста. Они даже могут бряцать своей мнимой независимостью и изображать несогласие с боссом; однако, когда босс плюет им в рожу, они только улыбаются и с выражением восторга вылизывают ему задницу. Под императорским крылышком они чувствуют себя сильными, им жаловано право грабить и убивать в их скромных уделах, пока это не затрагивает интересов хозяина. Они делают грязную работу, удерживая рабов на коленях, — и бегут жаловаться хозяину при малейшем сопротивлении. Сильные и наглые ходят стаями — потому что боятся слабых и робких.

Не верьте тому, кто говорит, будто добивается силы исключительно для самозащиты. Силу надо упражнять, ее надо демонстрировать, чтобы она оставалась силой. Время от времени новый силач умудряется проломить череп старому тирану — и становится тираном сам. Это ничего не меняет. Один хозяин приходит на смену другому — а рабы остаются рабами. Животная борьба за господство в животном мире.

Но придет день — и разрозненные островки сознания сольются в нечто сильнее любой силы, отрицающее саму идею власти, господства, конкуренции. Разумные существа отыщут друг друга и придумают, как нейтрализовать любое оружие, которое способны изобрести люди-звери. Они засадят сильных и агрессивных бандитов в прочные клетки, просеивая их через новую систему образования и изолируя неисправимых. Но это не делается силой — скорее, изобретательностью ума и чистотой сердец. Таким будет тот Джек Победитель великанов, который усмирит злых гигантов и принесет мир многострадальной Земле. И это станет последним насилием в истории человечества.

Пирамиды лжи

Кое-кто из американских знакомых рассказывал мне о новом подходе к древней истории, набирающем обороты в научно-популярной литературе и вполне благосклонно принятом официальной идеологией. Согласно этой теории, в ранних цивилизациях (Египет, Ближний Восток, Месопотамия и др.) не было никакого рабства, и все их хозяйственные и культурные достижения произведены творческим гением свободных и полноправных граждан в их благородном стремлении служить высшим интересам разума...

Положим, я могу допустить, что подобные взгляды весьма удобны лидерам современной американской цивилизации. Они отвлекают умы американцев от того простого факта, что все их благосостояние держится на порабощении целого мира и эксплуатации миллиардов в интересах кучки богачей. Конечно, хорошенькая женщина, принимая дорогие подарки от уважаемого любовника, может не знать, что этот щедрый господин зарабатывает на жизнь ограблением банков или содержанием банков (что, по большому счету, одно и то же). Ей довольно наслаждаться беззаботным существованием, полным удовольствий, и она даже может искренне пожалеть несчастных, которые не удосужились отыскать доброго дядю, который бы их содержал.

Однако незнание о существовании рабства не уменьшает и не устраняет его. Три основные ступени цивилизации (рабство, феодализм, капитализм) все основаны на эксплуатации одного человека другим, только формы эксплуатации различаются. Это не означает, что люди были счастливы и свободны до прихода цивилизации, — напротив, они были еще более зависимы от окружающей среды, и сама идея свободы неприменима к общественным образованиям, предшествующим цивилизации. Цивилизация принесла свободу некоторым за счет многих, она противопоставила свободу и рабство и развила их противоположность до уровня противоречия, которое должно быть снято в обществе нового типа, устраняющем всякое вообще рабство (и, следовательно, всякую свободу).

Возвращаясь к древнему Египту, можно заметить, что его подъем на костях многочисленных рабов практически не вызывает сомнения. Впрочем, всегда найдутся те, кто упражняется в искажении значений простых слов, называя религию духовностью, а рабство свободой; подобные трюкачи вполне способны отрицать существование рабства на том основании, что они его давным-давно переименовали. Огромная библиотека письменных свидетельств показывает, что рабство было совершенно типичным явлением для древнего Египта. Разумеется, интерпретации требуют осторожности, и следует критически относиться к имеющимся документам. Но даже если бы мы не знали о фараонах, пригоняющих толпы рабов в Египет по возвращении из очередной военной кампании, утверждение, что знаменитые пирамиды были построены независимыми художниками без всякого принуждения, выглядит не слишком правдоподобно. Эта новомодная американская выдумка о том, как свободные граждане сообща строили пирамиды, — полная чушь. Утверждения о том, что возведение этих устрашающих могильников шло на пользу простому народу, что добрые и мудрые фараоны давали ему заработать таким образом на кусок хлеба, — явная ложь. А придумана она в полном соответствии с современными сказками о том, как добрый капиталист дает возможность заработать на жизнь множеству людей, которых он нанимает, чтобы построить себе еще один роскошный особняк, или офисный небоскреб, или стратегические ракеты и бомбардировщики, чтобы держать в повиновении еще больше людей. На самом деле все совсем наоборот: именно массы рабочего люда обеспечивают благосостояние буржуа, которые отнимают у них большую часть их труда, их здоровье и силы, без сколько-нибудь серьезной компенсации.

Однако, если буржуазия везде одинакова, трудящиеся могут принадлежать различным общественным слоям, и рабочий класс одной страны может находиться в привилегированном положении по отношению к трудовому народу другой страны; население богатых капиталистических стран получает доступ к небольшой части прибылей, выжимаемых капиталистами их страны из других стран. Например, после американской оккупации Ирака

американские капиталисты могут свободно эксплуатировать его природные и человеческие ресурсы, переводя миллиарды долларов на свои банковские счета; на эти деньги они могут нанять больше американцев для производства новых предметов роскоши и нового оружия, стимулируя тем самым рост американской экономики и косвенно повышая средний жизненный уровень американцев. Поэтому американские трудящиеся склонны поддерживать любые акты международного пиратства со стороны США, и большинство населения не против и дальше жить на крови разоренных американскими войсками стран. Честные американцы всегда останутся на периферии общественной жизни, у них нет ни малейшего шанса быть услышанными.

Наука в наши дни частенько приносится в жертву выгоде, и само слово «наука» может теперь ассоциироваться с чем угодно, только не с исследовательской работой. Пресса может подать пустейшую фантазию как новейшее достижение науки, в то время как бывшие ученые больше заняты поисками финансирования, чем поисками истины. Некоторые из них поддаются нажиму и начинают стряпать глупые сенсации, чтобы привлечь в науку капитал; кончают они часто тем, что сами начинают верить в собственный вымысел, превращаясь в рядовых адвокатов существующего общественно-экономического строя, подстраивая факты под идеологию господствующего класса. Особенно это касается общественных наук, где финансирование прямо завязано на идеологический эффект. Так научная история уступает место апологетической истории, спекулирующей на прошлом человечества, чтобы приукрасить его уродливое настоящее. Здесь подоплека претензий на установление того обстоятельства, что рабство якобы никогда не существовало — или, по крайней мере, никогда не было основным экономическим механизмом.

Конечно, в реальном мире не существует чистых абстракций, и можно сказать наверняка, что любая экономика сочетает элементы разного происхождения, и различные уровни общественного и экономического развития в каждом отдельном обществе переплетаются по-своему. Ранние цивилизации сохраняли много пережитков первобытнообщинного строя, точно так же, как современный капитализм включает элементы феодализма, рабовладения или племенных традиций. Но это не отрицает существования объективных стадий исторического развития — как факт присутствия в одном тексте сразу всех букв не означает отсутствия алфавита. Теория общественно-экономических и культурных формаций — одно из величайших достижений исторической науки, и никакие адвокаты права одной нации на порабощение всего остального мира не смогут зачеркнуть эту ясную и конструктивную идею.

Дебильная демократия

Последние десятилетия ясно продемонстрировали, каково истинное значение слова «демократия». Война с Югославией и Ираком, антиконституционные перевороты в Югославии и в Грузии, поддержка сепаратизма в Чечне и китайском Тибете, экономическое и политическое давление на Белоруссию... С учетом предшествующих свершений вроде привода к власти Пиночета, отделения Эритреи от Эфиопии и подкармливание талибов (чтобы оккупировать Афганистан под предлогом борьбы с их террором), демократический идеал становится совершенно недвусмысленным.

Суть демократии в том, чтобы пренебрегать всякой законностью и конституционным порядком каждый раз, когда они не дают капиталистам США и Европы расхищать природные и культурные ресурсы других стран, тогда как любой режим, удобный клубу стран-богачей, называется демократическим. Терроризм в интересах босса — только приветствуется. Любая попытка подорвать господство неокOLONиализма — нелегитимна и преступна.

Одна и та же технология колониализма используется на протяжении многих веков — но в наши дни никто даже не пытается как-то ее замаскировать. Стоить попросить транснациональный капитал покинуть какую-либо страну — ее конституционный строй объявляется диктаторским,

а ее лидеры — преступниками, тиранящими народ. Пресса тут же начинает распространять сказки о том, что они сплошь людоеды и кровопийцы, нагромождая одну небывлицу на другую, чтобы убедить тупое большинство. Логика обывателя проста: если так много шумят о тирании, и если хотя бы малая часть этого имеет под собой какие-то основания, — то проклятый режим заслуживает того, чтобы его свергнуть силой, — особенно, если после восстановления демократии обещают снижение цен и больше стабильности (чего, впрочем, так никогда и не случается). Вымыслы о нарушении прав человека обычно подкрепляют взращиванием некоего «освободительного движения», вбирающего в себя разношерстные отбросы нации-жертвы. Эти «борцы за свободу» достаточно хорошо финансируются, чтобы время от времени организовывать беспорядки внутри страны и провокации из-за рубежа. Если кого-то из этих ренегатов предадут суду по законам суверенного государства, международная свора тут же канонизирует их как мучеников и призывает к священной войне против «кровавых убийц». В конце концов, организуют мятеж с целью замены неудобного руководства «истинно демократическим» (то есть, абсолютно покорным). В качестве подготовки почвы для переворота экономика страны истощается внешней блокадой и военной интервенцией, так что измученные массы будут готовы на что угодно, только бы это все чем-то кончилось. Иногда установление демократии требует прямой оккупации международными вооруженными силами — но это обычно прибегают для сильных режимов, которым удастся пресечь все прочие поползновения.

Внутри США и богатых европейских стран вся оппозиция давным-давно приручена, и никому и в голову не приходит подвергать сомнению ценность демократии (то есть, диктатуры, спрятанной за лицемерием). Борьба политических партий ничего не может изменить, поскольку все они разделяют одну и ту же буржуазную идеологию, с небольшими вариациями в зависимости от позиции тех или иных групп капиталистов. Мозги промыты до такой степени, что связать правду и справедливость с устранением демократии как таковой — просто невысказано. В странах с не столь продолжительной традицией парламентаризма (вроде России) запрет партий, ставящих своей целью изменение политической системы, прямо прописан в конституции — и это считается признаком высокого демократизма. Для сравнения: когда в бывших социалистических странах судили тех, кто занимался подрывной деятельностью, это подавалось за рубежом как деяние незаконное и антидемократическое.

Итого: демократия предполагает удовлетворение интересов международного капитала любой ценой — а когда те же меры направлены против капиталистической диктатуры, они называются тиранией.

В свет этого определения парламентские и муниципальные выборы в России в декабре 2003 были ошеломляющим триумфом демократии. За всю предвыборную кампанию мне ни разу не довелось услышать призывов голосовать за коммунистов — зато все улицы и транспорт Москвы были заклеены лозунгами единороссов. Стоило включить радио или телевизор — в воздухе повисал рекламный смог правых, а для оппозиции места не оставалось, хотя оппозиция (включая коммунистов) расшибалась в лепешку, чтобы доказать свою полную и искреннюю приверженность принципам буржуазной демократии! Возможно, это позволит России избежать участи Югославии — но не жалкой участи американо-европейского протектората, послушно выполняющего приказы зарубежного дяди.

Легкие и тяжелые

Бытует мнение, что стоило бы легализовать «легкие» наркотические вещества (типа марихуаны), чтобы отвлечь людей от «тяжелых» наркотиков (вроде героина). Говорят, что народ конечно же предпочтет покупать недорогие препараты в нормальной аптеке, а не вязаться в рискованные и дорогие дела с подпольными толкачами. Утверждается, что легкие наркотики не особенно опасны для здоровья, и есть примеры их употребления на

протяжении десятилетий без видимого вреда.

Так ли это на самом деле?

Нет, не так. Аргументы в пользу легких наркотиков в точности воспроизводят доводы наркоторговцев, призванные соблазнить какого-нибудь юного идиота и пристрастить его к наркотикам. Обычно легкие наркотики — лишь прелюдия к более тяжелым, а те, в свою очередь, открывают дорогу самым тяжелым. Когда образуется привычка к легким препаратам, кажется, что они уже не дают достаточно сильных ощущений, и естественно тянет попробовать что-то покруче — тем более, что психологический барьер уже снят. Постепенное повышение цен никого не останавливает, ибо рыночная экономика давно уже вдолбила в головы пошлую ложь о том, что цена определяется качеством, и «дороже» означает «лучше». К тому моменту, когда цены становятся совсем заоблачными, пути назад уже нет, и наркоман готов на что угодно ради новой дозы.

Так из-за чего сыр-бор? Кто заинтересован в том, чтобы травить народ? Можно, конечно, предполагать, что кампанию запустили производители наркотиков и наркодельцы — их выгода очевидна и измерима в миллиардах долларов. Но главные фигуры за сценой — гораздо важнее, хотя их выгоды не столь легко усмотреть. Общий закон классового общественного устройства заставляет правящие классы стремиться к оуплению эксплуатируемого большинства, чтобы оно, не дай бог, не догадалось о прорехах в экономической системе и несправедливостях общественного устройства. Но эта тенденция неминуемо приходит к противоречию с объективной необходимостью массового просвещения для экономического развития — и люди должны в целом становиться умнее, хотя бы настолько, чтобы приспособиться к новым культурным условиям. Стало быть, старые шоры когда-то падут у глаз, и надо будет искать другие, более действенные средства для подавления в людях рациональности и удержания их под контролем. Не напоминает ли это, на уровне общества в целом, путь отдельного наркомана от легких ко все более тяжелым препаратам? И конец этой безумной гонки, по всей видимости, будет таким же.

Есть разные способы наркотизировать население Земли. Некоторые из них применялись тысячелетиями. Религия всегда была одним из наиболее эффективных инструментов правящих кругов с самого возникновения цивилизации — и по сей день она широко используется господствующим классом, чтобы отвлечь умы от земных дел к абстрактным фантазиям. Легализация наркотиков — лишь один из кирпичиков общей схемы.

Злой спам, добрый спам

Электронная почта погибает. То, что когда-то было удобным средством для оперативного обмена информацией, превращается в свалку для всяческих вирусов, самозваной рекламы или просто глупой чепухи. Наступила эра спама. Стоит только Вашему почтовому адресу засветиться разок — и Вас затопят предложения что-нибудь купить, с кем-нибудь интимно встретиться, сыграть где-то на деньги — или просто что-то нечитабельное, посланное каким-либо идиотом исключительно от делать нечего. Каждый день приходится тратить уйму времени на зачистку почтового ящика от спама, отчаянно пытаясь не уничтожить что-нибудь полезное по инерции. Иной раз бывает проще с кем-то созвониться, чем достучаться по электронной почте. Некоторые вообще перестали ее читать, просто стирая все входящие автоматом. Кто-то переключился на SMS — но мобильники тоже заражены спамерной чумой, и там это еще назойливее. Парадоксально, факс приобрел некоторую популярность — хотя еще недавно он считался рудиментом прошлого. К сожалению, это не спасет, поскольку спам можно рассылать и факсом, используя компьютеры как факсимильные аппараты. Несколько менее уязвимы системы мгновенной связи (instant messaging, вроде ICQ и Skype) — но это лишь временная отсрочка, пока не разовьются соответствующие технологии спама.

Любые попытки остановить спам обречены на неудачу. Невозможно контролировать каждый контакт и связать спам с какими-то определенными каналами. Спамеры используют липовые IPs, поддельные адреса отправителей — кроме того, есть множество серверов open relay, которые ничего сами не рассылают, но зато перенаправляют что угодно в каком угодно направлении, делая спамеров практически необнаружимыми. Даже есть притянуть кого-то из спамеров к суду, крайне трудно разграничить спам от «честной» рекламы, пока реклама существует как таковая.

Программное обеспечение для защиты от спама также не очень-то помогает. Нет никаких формальных критериев, чтобы отличить спам от ценной информации — и всегда есть риск заблокировать что-то важное, так что пропаша или задержка может привести к последствиям куда более неприятным. А использовать подобные фильтры только для предупреждения — не устраняет необходимости просеивать груды почтового мусора.

Так что? Неужели будущим поколениям придется под давлением спамеров отказаться от электронной почты и вернуться к почте бумажной? Вероятно, нет — ибо обычная почта столь же подвержена спаму, как и любой другой канал коммуникации, а бумажный спам был известен задолго до того, как электронная почта стала массовым явлением. Возможно, какое-то техническое решение будет найдено, и каждое сообщение станет настолько индивидуальным, что станет возможно вычислить его отправителя-спамера. Но спамеры всегда изобретут противоядие на любые технологические ухищрения, и чем больше мы будем на них полагаться, тем опаснее они становятся, позволяя ловкому мошеннику переложить ответственность на другого при помощи компьютерных трюков.

Сколько-нибудь надежное решение возможно лишь в социальном плане. Спам должен стать совершенно бесполезным, и никто не должен оставаться настолько плохо воспитанным, чтобы ему в голову пришла мысль заняться рассылками почтового мусора. Но это потребует радикального изменения общественного устройства в целом — а правящие классы скорее предпочтут умертвить почту, чем довести дело до экономической и социальной революции.

Ну что же, даже наихудшая вещь во Вселенной где-то внутри хоть капельку, но полезна. Процедура удаления спама из почтового ящика может стать успокаивающей и психологически расслабляющей, ибо дает возможность сотруднику отвлечься от напряженной работы, не нарываясь на начальственные обвинения по поводу игры в солитер или просмотра порнухи через Web. Надо всего лишь убивать спам постепенно, одно сообщение за другим, представляя себе, будто тем самым истребляешь свои беды и печали. Очищайте свой почтовый ящик от мусора — и почувствуйте, как при этом вся Ваша жизнь становится свободнее и чище. За такие моменты тихого счастья — да благословит бог добрых спамеров во всей их духовной нищете.

Революции? Перевороты!

В 2004-2005 годах пресса была битком забита спекуляциями на тему так называемых «революций» в различных частях бывшего СССР. Столь пристальное внимание к этим малозначительным событиям, которые практически не оказали влияния на общественную ситуацию в этих странах, совершенно неоправданно, и единственное разумное объяснение — деньги и глупость. Деньги купили журналистов, а те изобразили из себя дураков, распространяя неприкрытую пропаганду в газетах, на радио и на телевидении, а также через Интернет. Очевидно, никто, кроме полного идиота (или подлеца — что в данном случае почти одно и то же), не может вести себя так, будто он принимает эти театрализованные представления всерьез — будто это широкие народные движения, которые начались сами собой и в итоге привели к восстановлению какой-то справедливости... Только дурак не заметит абсолютной идентичности всех этих «революций», следующих одному и тому же сценарию всегда и везде (Югославия, Грузия, Аджария, Украина, Киргизия... Кто следующий?):

1. Накануне каких-либо выборов группа черных пиарщиков распространяет слухи о возможных нарушениях правил игры действующей администрацией. Эти слухи немедленно подхватывает западная пресса (зачастую даже раньше, чем они появляются внутри страны).
2. Группа специально проинструктированных гостей из США и Европы приезжает в страну якобы для «контроля» над ходом выборов. На деле их задача — собрать или сфабриковать как можно больше примеров «нарушений демократии», и они заранее будут отрицать законность выборов, независимо от того, как оно было на самом деле.
3. Сразу после выборов, если результаты не устраивают заграничных хозяев, внутренние провокаторы вместе с их «международными» коллегами заявляют, что нарушений было слишком много, и что результаты подтасованы. Они имитируют массовые протесты и оплачивают всяческие беспорядки, которые пресса преподносит как широкое общественное движение (хотя ширина его напрямую зависит от предоставленных зарубежными спонсорами сумм).
4. Если власти не испугались и не подали в отставку, банды агрессивных молодчиков (разумеется, прекрасно оплаченные и экипированные) устраивают драки, поджоги, грабежи и т. д. — а пресса называет это борьбой народа за освобождение. А так как все прекрасно понимают, откуда ноги растут, — армия и полиция предпочтут не вмешиваться, и призвать распоясавшихся хулиганов к порядку просто некому.
5. Когда законное правительство достаточно затерроризировано, его лидеры предпочитают сбежать, либо подать в отставку. Это, как правило, делается из побуждений предотвращения дальнейшей эскалации насилия — поскольку США и Европа публично заявляют о своей поддержке «оппозиции» и тем самым финансовые ресурсы для продолжения гражданской войны становятся практически неисчерпаемыми.
6. После установления новой власти страна становится послушным сателлитом США и открывает свою экономику для любого вмешательства американских компаний.

Бывают местные вариации, но они никак не прячут основной последовательности. Совершенно очевидно, что отштампован этот сценарий в Соединенных Штатах, и повторяется он еще и еще. США даже не пытаются замаскировать свое вмешательство, изобрести что-нибудь новенькое, чтобы все выглядело хоть сколько-то убедительно.

Ладно, никто и не сомневался, что США будут продолжать свою имперскую политику, подчиняя мир своему влиянию и культивируя международный терроризм. Это естественно и логично. Странно то, что российская пресса была в таком экстазе от потока «революций», и никто даже не пытался (или — было запрещено?) указать, что истинная цель всех этих телодвижений — изоляция России, отрывающая ее от традиционных рынков, разрывающая производственных цепочки и ведущая в конечном итоге к полному разрушению экономики. Современная Россия полностью зависит от нефти и газа, а этот источник дохода (по сути, единственный) в конце концов будет перекрыт, ибо стоимость транзита вытолкнет российские товары за пределы конкурентоспособности. Это означает, что США смогут грубо диктовать России все, что угодно, превращая ее тем самым в колонию Запада.

Презабавно, как быстро россияне забыли свой собственный язык и вылепили новую ментальность с американского образца. Так, в английском языке слово «revolution» используется для обозначения какого угодно изменения в способе правления, независимо от того, что получается в результате. Такое словоупотребление весьма удобно для официальной идеологии, поскольку оно не делает различия между заурядным террористом и борцом за свободу, допуская совершенно произвольное толкование — а толковать будет, разумеется, господствующий класс. В прежнем русском языке существовали три разных термина, которые переводились на английский язык одним и тем же словом «revolution». Так, слово «революция» означало только такое преобразование, которое кардинально (качественно) меняет общественное устройство, с переходом от низкого к более высокому уровню экономического и

общественного развития (по крайней мере, оно хотя бы начинается с этой целью). Противоположный тип преобразования, когда общество деградирует и переходит к более низкому уровню, назывался контрреволюционным переворотом, и был также специальный термин «государственный переворот» для любых изменений, не затрагивающих способ производства и общественную организацию. В этой терминологии французская революция 1879 года и Великая октябрьская социалистическая революция — это революции в полном смысле, а разрушение СССР в 1990-х было контрреволюционным. Плодоносящие «революции» в бывших советских республиках никак не влияли на общественное устройство — и потому называть их по-русски революциями нет резона. Во многих других языках (например, по-французски или по-немецки) можно было бы придерживаться того же правила и не говорить о «революциях» по отношению к событиям 2004-2005 годов, классифицирую их как обычные перевороты. Однако это научно правильное словоупотребление вряд ли сможет утвердиться вопреки идеологическому давлению, а честный и образованный журналист — это из области сказок.

Книга по требованию: проблеск нового экономического строя

Когда в начале 1980-х я всем говорил, что старая система массового производства должна вскоре уступить место более прогрессивному производству по потребностям, люди смеялись и называли меня утопистом. А я твердил, что производить вещи заранее, предвосхищая спрос, — неизбежно растрчивает ресурсы из-за статистических вариаций спроса, складских расходов и лишних затрат на доставку. Было бы гораздо эффективнее производить нечто по индивидуальному запросу, сразу доставляя это заказчику, чтобы тот немедленно пристроил эту вещь к делу, не задерживая на складе. Конечно, это не вариант для слаборазвитых экономик, поскольку производство по требованию предполагает наличие гибких технологий, быстрой связи и надежного транспорта. Когда приходится неделями достучиваться до производителя, потом ждать месяцами, пока тот воспроизведет нечто, давно снятое с производства, потом еще несколько недель ожидать доставки, — ни о какой экономической стабильности не может быть и речи. Массовое производство возникло как естественное решение проблемы, создавая нечто вроде буфера между производителем и потребителем, чтобы сгладить возможные вариации производительности и спроса. Точно так же в компьютерах данные, направляемые относительно медленным устройствам, сначала накапливаются в специальном буфере, чтобы избежать недогрузки или переполнения. Однако, по мере того как техника становится все более быстродействующей, нужда в подобной буферизации постепенно уходит в сторону, и данные можно передавать адресату сразу после их возникновения. Мультиплексирование и раскадровка позволяют справиться с проблемой эффективности коммуникаций, комбинируя потоки разнородных данных с минимизацией времени простоя на линии. Аналогично, любой продукт можно производить по требованию и доставлять потребителю посредством «мультиплексной» транспортной системы, использующей скоростные коммуникации.

Идея не нова. Она логически вытекает из марксистской экономической теории, она обсуждалась в Советском Союзе с 1930-х. Некоторые советские писатели-фантасты (например, Зиновий Юрьев) изображали подобное экономическое устройство в своих книгах, и в подсознание многих читателей эта идея проникла через художественную литературу. Я лишь могу питать слабую надежду, что мои многочисленные беседы с разными людьми послужили в какой-то мере продвижению этой идеи в мировом масштабе — особенно после распада СССР, когда бывшие советские граждане разбрелись по миру в поисках куска хлеба, непреднамеренно разнося повсюду обрывки прогрессивной идеологии.

Разумеется, при капитализме торжества производства по требованию ждать не приходится. Рынок — довольно расточительный механизм распределения, и для стабилизации капиталистической экономики какие-то буферные структуры необходимы. Однако новое всегда зарождается внутри старого — и я вижу прототип нового экономического устройства в бизнесе

публикации по требованию, который сейчас стремительно развивается. По удивительному совпадению, именно пример книгоиздательства я приводил в качестве иллюстрации своих теорий в 1980-х. Тогда были сложности с тем, чтобы достать необходимую книгу, — а полки книжных магазинов были завалены горами книг, у которых не было ни малейшего шанса найти своего читателя. «Хорошо, — говорил я, — почему бы не хранить все необходимое для издания книги в течение какого-то времени, пока те, кому эта книга нужна, направляют свои запросы в издательство, так что тираж книги в точности соответствовал бы уровню читательского интереса?» Возможно, в то время это было не так просто — при тогдашних громоздких технологиях книгопечатания; но это стало вполне осуществимым сегодня, когда все, что нужно для хранения исходных материалов книги, — это несколько сот мегабайт дисковой памяти. С нынешними многотерабайтными хранилищами данных можно держать в запасе миллионы книг — и даже вообще все книги. Практическое развитие этой системы ограничено требованиями рыночной экономики — но в полном объеме она позволила бы создать исчерпывающую библиотеку, из которой каждый мог бы бесплатно запросить любой текст, или фрагмент текста.

Та же система проникнет, в конце концов, и в другие сферы производства — по мере того, как управление производством становится компьютеризованным, и воспроизводство любой вещи сводится к простому переключению на другую программу. Узкое место здесь — добывающая индустрия; однако эта трудность может быть преодолена с развитием эффективных технологий очистки и утилизации.

Разум не для людей

Человек слишком связан с животным миром, ему трудно преодолеть свою биологическую ограниченность. Только в отказе от биологического тела — шанс на разумность. Похоже, человек так и не сможет перестать быть животным. Тогда ему придется уйти в прошлое, освободить место таким существам, которые изначально не связаны с органикой, которые исходно создавались человеком в качестве инструментов и орудий труда. Именно разумные машины способны заставить человека вести себя разумно, как сейчас человек заставляет других животных изменить своим природным наклонностям ради поддержания человеческой деятельности. Машины, преследующие сознательные цели, сумеют ограничить человеческую дикость, сосредоточить ее в тщательно контролируемых резервациях (заповедниках), а при необходимости преобразуют человеческий организм в направлении большей разумности.

Разумеется, есть слабая надежда на симбиоз человека и машины, на использование биологических тел в качестве одного из носителей распределенного разума. Но подобного рода носитель недостаточно универсален, его существование возможно только в очень узком диапазоне параметров среды. Для разума это слишком ограничительно, ему надо Вселенную осваивать. Разумные машины (особенно с использованием нанотехнологий) выглядят явно предпочтительнее.

Похоже, само возникновение *homo sapiens* было необходимо как промежуточная ступень от животного мира к разуму. Посредством человека природа создает такие формы материи, которые никак не могли бы развиваться биологически. Как только эти формы станут самодостаточными, нужда в человечестве пропадет, и ему останется доживать свой век историческим реликтом, охраняемым видом, который искусственно удерживается от вымирания. Несомненно, что многие люди захотят сменить свое органическое тело на более универсальную оболочку, и когда-нибудь это станет возможным. Различие между человеком и машиной будет постепенно стираться. Однако наверняка найдутся и такие, кто станет цепляться за свою биологическую исключительность, и пойдет по тупиковой ветви. Им дадут эту возможность — но история убежит от них в будущее.

Триада плавания

Спортивное плавание противоположно умению плавать, как умение плавать противоположно неумению. Человек умеет плавать, если он способен двигаться на воде в желаемом направлении, не натываясь при этом на препятствия и не становясь препятствием для других. В спортивных же стилях плавания элемент разумности сведен к минимуму, там все подчинено глупому соревнованию в скорости, без привязки к практическим потребностям человека. Умение плавать деградирует в искусственных условиях спортивных бассейнов с отдельными дорожками, где отсутствуют препятствия, нет волны и ветра, не требуется постоянно учитывать изменения в ситуации. Спортсмен не смотрит, куда плывет, он тупо двигает руками и ногами ради того, чтобы нестись в одном направлении. Что происходит вокруг — спортсмена не интересует, он следит только за своим дыханием... В результате, когда спортивного вида тип заходит в воду на общественном пляже, людям приходится шараться в стороны от этого идиота, неспособного аккуратно маневрировать. Спортивные стили в принципе не приспособлены для плавания в естественной среде, и обученный так плавать просто не умеет плавать по-человечески, разумно. Много раз приходилось наблюдать, как такие пловцы-спортсмены просто терялись при высокой волне или в иных нетривиальных условиях.

Все это еще раз подтверждает вред излишнего приспособления к среде, необходимость разумного подхода к обучению человеческой деятельности. Нельзя превращать человека в робота — даже если это сулит сиюминутные преимущества и приносит сверхприбыли. Лучше меньше, да лучше. Пусть несовершенно — но разумно.

Вешатель Буш и заложник-Америка

Соединенные Штаты совершили еще одно убийство. Саддам Хуссейн был повешен их приспешниками в оккупированном Ираке. Ладно, кому какое дело до еще одной смерти после тысяч иракцев уже убитых в интересах американского большого бизнеса? Американцы делали это много раз, по всему миру: Чили, Гренада, Румыния, Югославия... Они убивают людей за морями, чувствуя себя в безнаказанности за горами оружия. Однако вешатель Буш сделал всю Америку заложником кровавой политики ее правящего класса и его марионеточной администрации. Сегодня убить американца — кажется актом высочайшей справедливости, и заветнейшая мечта всех угнетенных наций — перенести участь Ирака на самих американцев, на их собственной территории, — разрушить их страну, оккупировать ее, истребить ее население, и, конечно, казнить президента Буша как опаснейшего преступника, как международного террориста, уничтожившего миллионы людей на Земле. Когда-нибудь эти мечты смогут найти способ осуществления, и Америка непременно будет наказана за то, что она сотворила с миром. Никакое оружие не спасет убийцу от благородной мести возмущенного человечества.

Курение — смерть человечества

Традиционно курильщиков убеждают: курить вредно. А некурящие каждый день на себе убеждаются: курильщик — вредитель. И заботиться надо не о его здоровье, а о здоровье общества, отравленного курильщиками.

Один курильщик способен испоганить воздух в радиусе сотни метров и более; в больших городах на улицах скапливается дым от сотен курильщиков, так что дышать людям практически нечем. Табачная вонь перебивает гарь от автомобилей — владельцы которых тоже курильщики и потому не заботятся о тщательной регулировке двигателя и устранении ядовитых выхлопов.

В жилых домах и учреждениях курят на лестничных клетках и около лифтов (а зачастую и в лифтах); это не только мешает пользоваться лестницами и лифтами — дым неизбежно разносится по всему зданию и травит людей всюду, въедается в волосы и одежду, так что приходится дышать этим через много часов далеко от источника дыма. Некурящие не могут укрыться от дыма в своих квартирах, никакая вентиляция не спасает. По сути дела, людей лишают возможности пользоваться всем, к чему имеют доступ курильщики. Например, человеку нет места на общественном пляже, ибо там просто нечем дышать (не говоря уже о сомнительном удовольствии плавать вместе с окурками и прочими отходами жизнедеятельности курильщиков).

Накурившийся до одури вредитель беззастенчиво лезет в автобус или метро — и вынуждает пассажиров задыхаться от табачной вони. Особенно тяжело тем, у кого есть проблемы со здоровьем. Да и машинисты поездов метро и водители наземного транспорта курят прямо в кабинах — и травят пассажиров в салоне. Естественно, таким совершенно безразличны интересы пассажиров, и ни о какой культуре обслуживания не может быть и речи.

Курильщик засыпает землю и помещения ядовитым пеплом, который невозможно удалить или нейтрализовать; вредные вещества попадают в воздух с пылью и дополнительно засоряют легкие. Ядовитые вещества проникают глубоко в почву, поглощаются растениями и животными. Постепенно все живое оказывается отравленным.

Курильщик замусоривает окрестности окурками; для него кажется вполне естественным бросать окурки где попало: на улицах, во дворах, в парках, в лесах, на воде... Ковер из окурков растет гораздо быстрее, чем его успевают убирать. Брошенные окурки становятся причиной пожаров — на их тушение затрачиваются значительные ресурсы, которые могли бы найти более достойное применение.

Привыкая гадить вокруг себя, курильщик начинает гадить везде и во всем. Психология курильщика такова, что любое вредительство не кажется ему предосудительным, он просто не понимает, что это вредительство. Бросая где попало окурки, курильщик точно так же разбрасывает другой мусор, превращая окружающую среду в помойку. Вылезая на природу, курильщик не будет любоваться красотой мира — он занят загаживанием территории; вместо пения птиц, шума волн или шелеста травы — гром тупой псевдомузыки из окна автомобиля или переносного мэтюгальника, да пьяные вопли без крупицы смысла. Точно так же во всех других действиях курильщик не умеет заботиться о людях, окружающей среде и развитии культуры, удовлетворяя лишь свои сиюминутные потребности.

Поскольку сам курильщик не заботится о чистоте и поддержании порядка, он не понимает желания других очистить среду обитания и препятствует другим в этой работе. Курильщики могут влиять на распределение средств, они способны экономически душить любые проекты, улучшающие условия жизни людей.

Истязая людей и природу каждый день, курильщик морально готов перейти к сколь угодно жестоким методам воздействия на других. Ему ничего не стоит искалечить или убить живое существо. Ежедневно издеваясь над окружающими, курильщик склонен к садизму — ему нравится причинять страдания; так появляются врачи-садисты, учителя-садисты, чиновники-садисты и т. д. От пытки табачным дымом два шага до концлагерей и газовых камер. Курильщику мало просто уничтожить ближнего, ему надо сделать это медленно и больно, чтобы помучился...

Курение — разновидность наркозависимости. Но другие наркотики больше вредят самому наркоману, курильщики живут долго и гадят десятилетиями, сводя в могилу других. Как правило, курение связано с пристрастием к выпивке, и курильщик всегда выступит в защиту перебравшего мерзавца, и будет с удовлетворением любоваться его антиобщественными «подвигами». От курения легко перейти и к другим наркотикам, начиная с «легкой» марихуаны — и кончая самыми разрушительными ядами. Психологический барьер уже снят, наркомания не выглядит предосудительной. Точно так же, курильщик обычно поддерживает

духовную наркоманию: любые виды религиозного мракобесия, азартные игры, мистику, шарлатанство... Курильщик не заинтересован в духовном развитии, он объективно против любого познания, поскольку оно способно показать его собственную неуместность в человеческом обществе.

Курильщики опасны своей стадностью. Как правило, они собираются в стаи, против которых не устоят те, кто привык жить самостоятельно, не обременяя собой других. Стаи курильщиков развиваются до значительных размеров — в итоге курильщики становятся общественной силой, подменяя цели общественного развития задачами сохранения своей дикости. В противовес собственно человеческой культуре они создают свою псевдокультуру, оттягивая на нее материальные ресурсы и человеческий труд и тем самым препятствуя экономическому и социальному прогрессу. Против курения трудно бороться — те, кто призван охранять общественный порядок сами сплошь курильщики, и они всегда на стороне своих.

Мораль курильщика навязывается обществу в целом, и тем самым уничтожает зачатки разума. Дети курильщиков рождаются отравленными табаком, они с детства никотинозависимы; взрослые курят рядом с детьми и травят их, и втягивают в курение — дети в семье курильщика воспитываются психологически ущербными, они уже не в состоянии различить, что достойно разумного существа, а что противоречит всяческой разумности. Воспитатели в детских садах, школьные учителя, преподаватели вузов — все они калечат тех, кто мог бы стать людьми.

К сожалению, в недоразвитых странах вроде России не делается ничего, дабы оградить природу и общество от губительного воздействия курильщиков. Возможно, когда-нибудь с курением будут бороться всерьез, поставят табачные плантации и фабрики вне закона, наряду с производством других наркотиков. Если разуму на Земле суждено уцелеть, это станет обязательным условием его сохранения и развития. Но может оказаться, что люди как носители разума просто вымрут, уступив место неразумным формам жизни, а потом и отсутствию жизни вообще.

В поисках вырождения

Средства коммуникации бурно развиваются — и это правильно. Сегодня люди уже не мыслят себя без интернета. То, что раньше приходилось разыскивать по библиотекам и по знакомым, теперь доступно в пару щелчков мыши. Мировая паутина оплела мир. Но не слишком ли это становится похоже на заброшенный чулан?

Появление поисковых систем погубило разум. Собственная активность пользователей Сети сводится к нулю. Интернет используется чисто утилитарно: набрали в поисковике ключевые слова, посмотрели несколько предложенных страниц, выбрали из них искомую информацию — и ничего кроме. Никому не интересно, что есть на сайте еще. Зачем? Проще набрать очередное слово в строке поиска.

Дело доходит до того, что пользователи не могут найти того, что им нужно, даже если попадут по правильному адресу. Современные Web-страницы устроены сложно, они отображают контент динамически, в зависимости от действий пользователя. А как раз действовать пользователь и не желает! Ему подайте все сразу, на блюде с голубой каемочкой! Анекдотическая ситуация: француз ищет сайт художника Ги Леврие, попадает из поисковика на англоязычную страницу на зеркале сайта — и не может переключиться на французский язык, поскольку ему в лом разыскать соответствующую ссылку; ему дико мешает неумеренная реклама от Ucoz — но он не в состоянии перейти на основной сайт, свободный от рекламы. Посетители не читают, что написано на открываемой странице, — они лишь ищут в ней ключевые слова...

Само слово «браузер» потеряло исходный смысл. Если раньше люди исследовали ссылки на страницах, именно бродили по Сети, открывая ее для себя собственным неповторимым

образом, — сейчас никому не нужен гипертекстовый характер интернет-страниц, достаточно обычного, плоского отображения. Сеть одинакова для всех — она такова, как ее представляет какой-нибудь Google.

Браузеры превращаются в придаток поисковых систем, в терминалы для поиска. В конечном итоге они исчезнут как самостоятельные компьютерные программы, станут компонентами других приложений — функцией рабочей среды (как это давно предлагает Microsoft).

А потом, глядишь, встроит поисковики прямо в мозги — чтобы не занимались, чем попало, а слушали чужого дядю.

Может быть, это и неплохо. Только жаль все-таки наивных идеалистов, которые надеялись найти себя в мире через Интернет. Ничего, кроме банальностей, там найти нельзя.

Мобильный дурман

Появление разного рода портативных устройств (гаджетов) коренным образом изменило жизнь людей. Вместо того чтобы заниматься делами в специально оборудованных для этого местах, можно вершить судьбы походя, на бегу, на лету, между двумя чашками чая — или партиями в преферанс. Очень удобно, когда все всегда под рукой, — было бы желание.

А желания подсказаны возможностями. Можно почитать книгу — но есть возможность посмотреть фильм, и читать, вроде бы, уже и незачем. Можно встретиться с друзьями — но можно послать SMS, поболтать по телефону или увидаться через Skype, — и необходимости куда-то ехать уже нет. Хочется музыки — пожалуйста, тонны контента! Фотографии, видео — все при себе. Подготовить документы, направить запросы, уладить бытовые проблемы или что-то купить — все это теперь исполняет маленькая коробочка в кармане.

Мобильные возможности — это прекрасно. Людям всегда есть, чем себя занять. И уже не остается времени на то, чтобы думать. Казалось бы, всяческие приспособления высвобождают уйму времени — только употребить его с умом почему-то не получается. Надо же поиграть с бегающими картинками, ознакомиться со свежими сплетнями, приобщиться к очередной попсе... Только успевай чатиться! Никакой долгой дороги на все не хватит.

Так когда-нибудь и совсем думать разучимся. И это тоже правильно. Вредное дело. Того и гляди захочется что-нибудь изменить. Очевидный криминал.

Так что срастайтесь с вашими гаджетами помаленьку — и не сомневайтесь, все это на пользу обществу. Обезьяна с мобильником — уже не просто обезьяна, ведь так?

Варвары и гармония

Глупо взывать к разуму там, где разум никаким боком не участвует. Здесь тупо действуют законы дикой природы, когда можно все понять и объяснить — а изменить не в нашей власти.

К сожалению, до разумности современное человечество пока не доросло, и еще не факт, что сможет когда-либо дорасти. Вполне возможно, что мы лишь тупиковая ветвь на древе развития, неудачный эксперимент природы, одна из бесчисленных случайностей, через которые в конечном итоге пробиваются ростки исторической неизбежности. Через несколько сотен миллионов лет жесткое излучение, возникающее при соприкосновении зон галактического ветра нашей галактики и туманности Андромеды, задолго до их предстоящего столкновения, убьет все живое в обеих галактиках — и это тоже дикая природа, с которой мы не сможем поделать ничего.

А пока — мы еще не раз сможем продемонстрировать собственную дикость и доказать, что мы

вполне достойны решительного уничтожения.

Перечислять все проявления человеческой мерзости — жизни не хватит. Одно другого стоит. Для примера, возьмем хотя бы паразитизм политики. Сотни общественных и антиобщественных деятелей с пеной у рта спорят о принципах народной и международной жизни, тысячи досужих писак разводят это дерьмо пожиже и прополаскивают в нем мозги миллионов обывателей... Где логика? Коже понятно, что речь идет о банальной дележке добычи, и каждый пытается урвать свой кусок, как умеет: кто силой, кто наглостью, кто хитростью — а кто-то просто ждет момента, чтобы стянуть что плохо лежит. Предоставлять слово добыче никто не собирается. И, конечно же, никакие разговоры не изменят ничьих взглядов — поскольку взглядов как таковых вовсе нет, а есть животные желания и столь же животные способы их удовлетворения.

Допустим, США и страны НАТО устраивают очередной государственный переворот. Логично ожидать, что они будут всецело поддерживать своих ставленников, безотносительно к словам и деяниям пошлых марионеток, и не обращая ни малейшего внимания на возражения прочих заинтересованных сторон. Никакие доводы и призывы тут не работают. Глупо объяснять, что после незаконного захвата власти говорить ни о какой законности не приходится — ее еще предстоит вырастить, эту новую законность, в новых условиях, и никто не обязан заранее с ней соглашаться. Для новоявленной хунты и ее покровителей любые попытки отщипнуть от их «законной» добычи — проявления вопиющего бесстыдства, посягательство на самое святое и недопустимая вольность; если же добыча еще и сопротивляется — это совершеннейший терроризм. Приструнить зарвавшихся претендентов на кусок пожирнее — годятся любые средства. Ложь, подкуп, экономическая блокада и политические санкции, провокации, вооруженная интервенция, откровенный геноцид — какая разница! Они по-своему правы, эти конкистадоры от большой политики: как же, старались ведь, убивали, — а тут еще кто-то примазывается со стороны! — обидно, да?

Но что поделаешь! Волку волчье, шакалу шакалово. Как бы ни сотрясали воздух высокопарные тирады — нет у человека никаких прав пока не станет он человеком, пока не начнет думать о том, как свое отдать, а не урвать чужое, — или хотя бы вообще, просто немножко думать. Но урчание в брюхе и ракетные залпы — для мысли и красоты не самый подходящий аккомпанемент.

О культурной относительности

В разных культурах немало сходных вещей и явлений. На этом основании серьезных исследователей тянет на поиски единого первоисточника, общего предка — или, на худой конец, все объясняется достаточно тесным межкультурным взаимодействием. Так можно «открывать» совершенно фантастические пути миграции первобытных народов — или их общее знакомство с инопланетянами.

Но по логике, сходство не есть тождество. По видимости одно и то же может выполнять в разных группах людей совершенно разные культурные функции. И если мы в останках древней цивилизации обнаруживаем нечто вроде колокольчика — догадаться о его назначении не так то легко. С другой стороны, свидетельства о тех или иных действиях могут быть сколь угодно похожи на некоторые из нынешних обыкновений — но из этого вовсе не следует, что те, другие люди так свои поступки и воспринимали.

Разумеется, в одинаковых природных условиях способы деятельности во многом диктуются объективными требованиями, и орудия труда материализуют эту объективность. Хотя и здесь возможны весьма подвижные вариации. Мы можем определенно утверждать, что ручной пресс служил для того, чтобы нечто сжимать, — но что именно? Может быть, формовать глину, или печатать книги, — а возможно, просто гладить белье. Приходится принимать во внимание

массу прочих обстоятельств — и все равно, нет гарантии, что жизнь не окажется сложней и удивительней наших предположений.

Когда речь заходит о рефлексии — все становится еще запутаннее. Одними и теми же словами можно выражать вещи очень разные, и даже противоположные. Наши понятия вбирают в себя содержание нашей жизни, и даже в одну эпоху, и у одного народа, единой картины мира может не быть.

Дело осложняется еще и тем, что содержание культурных реалий исторически меняется. Электрон — и миллиарды лет назад электрон. А любой артефакт постепенно перерождается из экзотической находки в общественно полезную вещь, и далее в старую безделушку, музейный экспонат или предмет коллекционирования. Любой духовный продукт развивается в том же направлении. То, что было прогрессивным, становится реакционным, нравственное становится безнравственным, необходимое — излишеством. Судить о чем-то по меркам эпохи упадка — гарантированно попасть в болото иллюзий.

С изменением общественного устройства меняется и социальный статус многих вещей. Например, бедняцкая еда, суп из отходов рыбацкого промысла, из того, что уже нельзя продать, теперь подается в ресторанах как верх изыска и символ Прованса. Французское печенье (biscuits) придумали как способ снабдить путешественников (и прежде всего мореплавателей) не слишком быстро портящейся едой; сегодня это вкусный способ побаловать себя. То же относится и ко многим другим деликатесам.

Точно так же трансформируются экономические и общественные институты. Если раньше избирательное право считалось привилегией, и за право голоса долго и упорно боролись, — теперь выборная демократия стала пустой формальностью, бессмысленной игрой, и все чаще люди игнорируют всяческие выборы как напрасную потерю времени. Отсюда тревожное внимание политиков к проценту явки на выборы; кое-где даже начинают вменять голосование в обязанность.

Неформальная культура ничем не лучше. Например, в обществе испокон веков были приняты разного рода тусовки, многие публичные заведения возникли с учетом этой потребности. Народ шел на рынок, в кабак, в театр или в баню не просто по делам, а чтобы попутно перекинуться с кем-то парой слов (или тумачков), поддержать или завязать знакомства, найти подходящую компанию. От публичного дома до светского салона и приема в Кремле — люди искали прежде всего общения. А что теперь? Мы ищем общества для того, чтобы остаться наедине с собой. Ибо нигде так не чувствуешь себя одиноким, как в безучастной толпе. В наши дни от общественного бытия не спрятаться даже в сортире. Все пропитано необходимостью участвовать во всеобщем копошении. Но вульгарная клубная вечеринка способна иногда (если не вляпаться в конфликт с очередной мелкой мафией) разорвать поток целенаправленной деятельности, увести человека от его человеческой природы. Общество не позволяет людям стать достойными самих себя — зато есть прекрасный шанс избавиться от забот и совести.

Грани допинга

Сразу предупреждаю: речь не о спорте. Хотя, конечно, и о спорте тоже. Но там все ясно: это изначально античеловеческое занятие, и ожидать от него минимальной разумности заранее не приходится. Допустим, вам надо научиться плавать (или танцевать). Какой смысл накачивать себя при этом сильнодействующими медикаментами? Но когда заходит речь о соревновании (то есть, в конечном счете, о дележке денег) — тут идет в ход любая гадость, хотя бы и во вред себе. То, что человеку разумному в удовольствие, для спортсмена — нечеловеческое напряжение, глаза на лоб. Поскольку же в этом деле сам спортсмен — лишь один из винтиков механизма, а главная масса денег вращается в других местах, спрашивать говорящее орудие о его предпочтениях никто не собирается, и никаких возражений от него не ждут. Вырастай в

какую угодно спортивную элиту — а слушаться спортивное начальство обязан. Управу на строптивых найти несложно. Хотя бы тот же допинг: достаточно поставить кефир вне закона — и атлеты основных кефиropyющих стран мгновенно оказываются вне бизнеса, без привычных им заработков; возможности подработать на стороне обрезаются автоматически демагогией по поводу моральной чистоты и коммерческого престижа. Если бегать, прыгать или танцевать ради собственного удовольствия — есть нам дело до всяческих квалификаций и дисквалификаций? Да ни на грош! Начхать нам на любые постановления, и сдавать допинг-пробы никто нас не обяжет.

Выходит, нет спорта — нет и допинга. Но так ли все просто? А если у вас на работе план горит, и надо пахать сутками, чтобы поправить положение? И приходится взбадривать себя кофе или еще чем-нибудь, а потом бороться с последствиями средствами соответствующей медицины. Понятно, что все из-за неправильной организации труда, непредусмотрительности или просто разгильдяйства. Но зачем-то, ведь, приходится, компенсировать уродство мира, уродуя себя?

Ну хорошо, там давит производственный процесс, и могут быть моральные обязательства. А возьмите какого-нибудь творческого деятеля — писателя, композитора, физика, изобретателя, философа... Пашут, ведь, как проклятые над очередным вкладом в культурную сокровищницу человечества. И гоняются за вдохновением в крепких напитках, сексе, сигаретах и прочих наркотиках; ищут его в экстремальных развлечениях и уголовных хрониках... Казалось бы: не идет в голову — ну и не надо, что-нибудь в конце концов придет, если есть за душой. Зачем насилловать собственный талант?

Пойдем дальше. Толпы баранов стекаются в храмы ради очередного пинка под зад, без которого они продвигаться по жизни просто не в состоянии. Кто-то зачитывается любовными романами (или трактатами по математике); другие балдеют от рок-музыки или тонут в телесериалах; иные не могут, чтобы не присверлить к стенке очередную порцию ремонта, — а то и просто гоняют ночами по дури на мотоциклах, мешая людям спать.

Создается впечатление, что человечество на каждом шагу нуждается в стимуляторах, в аперитивах и афродизиаках, что не может оно иначе переварить собственную историю и подвигнуться на порождение очередных ее глав. В чем дело? Если это его, так сказать, атрибут, неотъемлемое и определяющее свойство — может быть, ну его в капсулу, такое человечество? Или мы пока еще не доросли до осознания собственной бесконечности и способности строить культуру без времени — на все времена? Вот поднапряжемся чуток — и осознаем. Только дерябнем чего-нибудь, для полной ясности в мозгах...

На здоровье

Как гласит популярная пословица, лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным. Но всякая игра слов — лишь красивая абстракция, а стоит за ней что-либо осмысленное или нет — сразу не сказать.

Первый вопрос, конечно же, — для чего? Чем электрон лучше фотона, соединения углерода лучше соединений кремния, математика лучше поэзии, а жизнь лучше смерти? Все хорошо на своем месте и неуместно в других местах. Непонимание этого простого правила сплошь и рядом уродует человеческую повседневность. Например, Шарль де Голль пристрасно относился к художнику Марку Шагалу и не понимал, что его творчество уместнее на стенах банка в Чикаго или парламента в Иерусалиме — но выглядит кошмаром в парижском Palais Garnier. Соотечественники де Голля, в XXI веке изуродовавшие площадь перед версальским дворцом и портал Sainte-Chapelle в винсенском замке, по всей вероятности, тоже были формально здоровы и не перебивались с воды на воду. Но с головой тут явно что-то не так. А заодно и с моральным здоровьем нации, позволяющей себе подобное отношение к произведениям искусства. Все равно что пририсовать усы Джоконде или отдать на растерзание

граффитистам фрески Микеланджело.

Здоровье физическое и экономическое — на первый взгляд, всегда замечательно. Но что если это здоровье монстра, уничтожающего в человечестве собственно человеческое? Будем ли мы по-прежнему руководствоваться библейским «не убий»?

Тут, кстати, и второй вопрос: кому — лучше? Здоровье одних, купленное страданиями миллионов других, — не самый возвышенный идеал. Чисто субъективно, бывают ситуации, когда стыдно и позорно быть богатым и здоровым. А иной раз даже опасно, поскольку богатый и здоровый — первая мишень для бедных и больных, когда они злы и вооружены. Так физическое здоровье может оказаться душевной болезнью, а экономическое благополучие — предвестником гибели.

Моралисты всех времен поучают нас: человек должен заботиться о своем здоровье. Кому и зачем это надо? Для собственного удовлетворения? Совсем не обязательно. В качестве общечеловеческого достоинства? Тем более. Зачем рабу блюсти себя? Ради лишнего десятка лет в рабстве? А без скольких здоровых мерзавцев человечество вполне могло бы обойтись!

С другой стороны, что есть бедность? что есть болезнь? Здоровье — понятие очень и очень растяжимое. Где грань между достатком и нищетой? Можно ли оценить это способностью купить кусок хлеба, навороченный компьютер или еще один личный самолет? Опять же, здоровым быть можно очень по-разному. Смотря что мы собираемся с этим делать. Например, если я могу поднять камень руками — я для этого достаточно здоров. Если же я не настолько силен, но все-таки способен поднять тот же камень при помощи системы рычагов, или нажимая на кнопки пульта управления, или просто щелкнув мышью по экрану компьютера, — я тоже в какой-то мере здоров, хотя это, как все понимают, совсем другой уровень здоровья. Возникает иерархия, развернуть которую можно как угодно, в зависимости от поставленной задачи.

Стало быть, исходить надо не из капитала или физиологии, а из смысла данного конкретного существования. Только на этом основании можно заключить о необходимости беречь здоровье или пренебрегать им. Смысл жизни животного совпадает с самой жизнью, его единственная задача — поддержание метаболизма, на уровне особи, вида или биоценоза. Другое дело — человек. Его место во Вселенной, его предназначение — переустройство мира, преобразование его на разумных началах, окультуривание. У каждого разумного существа — индивида, группы людей, общества в целом — в рамках этой грандиозной задачи свой фронт работ. Но каждый необходим для общего дела. В той мере, в которой он действует разумно.

Есть объективная потребность, необходимость и неизбежность. Человек иногда чувствует эту необходимость, иногда сопротивляется ей, иногда заблуждается относительно истинной причины самого себя. В любом случае, разумное отношение к своему здоровью предполагает поддержание его на достаточном уровне — но не более того. Автоматически отпадает маразм культуризма, всеобщее сумасшествие по поводу «здорового» образа жизни, дурные поиски «здорового» питания, мистификация физической активности... И появляется здоровый скепсис в отношении всяческой пропаганды: кому-то выгодно это пропагандировать — для чего? Чтобы кормить ушлых предпринимателей (включая коммерсантов от медицины)? Тогда это, скорее, забота о чужом благополучии — филантропия и благотворительность. Что тоже далеко не всегда хорошо.

Мир бесконечен — не только в пространственно-временном отношении, но прежде всего в смысле качественного разнообразия, бесчисленности его уровней и различных сторон. Человек, частица и образ этого мира, столь же бесконечен. Соответственно, и здоровье его требует внутреннего богатства — и внутреннего единства, противоречивости и гармонии. Преувеличенное внимание к чему-то одному — это всегда ущемление в другом. Так появляются бугаи — дегенераты, или красавицы — но полные дуры, имена нарицательные, вроде анекдотической блондинки — куклы-пустышки (да простят меня живые блондинки, которые вовсе не нуждаются, чтобы их рассматривали исключительно в плане плотской аппетитности). Иногда подобное уродство оказывается неизбежным выражением уродливости

общества, симптомом общественно-экономических болезней. Может быть, не стоит так уж безоговорочно поддерживать эти суррогаты жизненности, гной из ран? Как говорил один мой знакомый поэт:

Кое-кому лучше
не появляться на свет.

Возможно, это относится и ко мне, и к моим запискам. Но, по крайней мере, я и они — не ради самих себя. Даже если никто никогда не догадается, для чего.

Клип-культура

Основное определение разума — поиск целостности. Задача разумного существа связать воедино любые части и стороны мира, который сам по себе един — но обнаруживает себя лишь хаосом явлений. Лучшие умы человечества немало потрудились, чтобы привить людям вкус к масштабности замыслов и деяний, не ограничивающихся рамками отдельной личности, семьи, клана, класса... Нам мало Земли, нам нужна вся Вселенная. И речь идет не только о целостном видении — надо еще и делать мир целостным, приводить его к единству там, где без нас он с этим не справится.

В этом месте встает некто с толстым капиталом и громогласно заявляет во всю мощь купленной им прессы: не хотим мы, чтобы всех под одну гребенку, ибо это есть посягательство на первое право человека — быть богатым и эксплуатировать тех, кто до каких-либо прав не дорос. На что недоросли (в душе ничего не имеющие против буржуинства как такового) демонстративно возмущаются и поддакивают: не хотим мы иметь ничего общего с проклятыми кровопийцами!

На том и порешили. Кого? Очевидно, лучшие умы человечества. Пусть они из кожи вон лезут, пытаюсь сделать нас людьми, — а мы назло им разобьем мир на самые маленькие кусочки и будем вытаскивать их на свет в случайном порядке, как бочонки в русском лото. И назовем это модным словом «клип», и скажем, что это хорошо...

Начиналось все, как водится, с благих намерений. Популярный музыкант на концерте — это не только любимая музыка, но и особая атмосфера, умение не только сыграть или спеть — но еще и показать в движении. Вот и давайте порежем концерт на консервы — и будем торговать видеозаписями концертных номеров. Опять же, телевидение пришло в каждый дом, а для него такие компактные номера — самый формат. Как раньше на радио.

Дальше — больше. Почему бы не обэкранить в красках студийную запись, добавив к ней высокохудожественный видеоряд? Публика довольна. Потом к простым сюжетам добавили динамизма, многоплановости... Вроде бы, ради торжества высокого искусства. А поскольку музыка становится ритмичнее — ритм показа надо привести в соответствие.

Что в итоге? Бешеное мелькание образов на экране, способное довести кое-кого до эпилепсии. Технические трюки ради самих трюков, к музыке отношения не имеющие. Стремление перещеголять других по части разнообразия извращений. Да и музыку теперь пишут с прицелом на клип — заранее вырезая талантливый неформат. Такую музыку, как выяснилось, с успехом сочиняют роботы, а дело человека — их продукцию выгодно продать. Тут кстати пришелся Интернет, с возможностью немедленно загнать очередной «шедевр» в социальные сети прямо с мобильного.

Конечно же, речь только, и не столько о музыке. Есть особые клип-каналы для пошлых мультяшек, модных показов, кулинарных шоу... Есть высоколобое клип-кино, претендующее на глубокомыслие и элитарность. Новостные программы давно уже превратились в такое же бессмысленное мелькание видеосюжетов, старое и новое вперемешку, безотносительно к содержанию репортажа. В журналах — мешанина сплетен, в магазинах — каша товаров. Вся

жизнь человека — будто взбесившийся калейдоскоп, выстраивающий все новые узоры из бесчисленных житейских мелочей, — а как без них? В этой суете сама способность связно мыслить и последовательно поступать отмирает за ненадобностью. Чего и добивались организаторы концерта.

Людам не просто предлагают полюбить эклектику, им ее активно навязывают. Не пытайтесь понять смысл бытия — нет его. Живите здесь и сейчас. Урвали очередную порцию счастья — и радуйтесь, чего вам еще? Хорошего понемножку. Поиски целостности уступают место потоку случайно выхваченных фрагментов, все сливается в один большой клип.

Современные технологии — хорошая основа для единства, но они используются с прямо противоположной целью — отучить от самой идеи целого. Например, бродить по современным интернет-сайтам — просто пытка. Ничего удивительного — они, ведь, не для того создавались. Сайты оптимизированы под роботов, а не под людей; последним предлагается пользоваться поисковиком, а не лазить по страницам самостоятельно. В потребителя намертво вколочена привычка гуглить по каждой мелочи, и вся мировая паутина ему кажется огромной свалкой всякой всячины, которую просто невозможно разобрать и привести к чему-то разумному. Куча мусора, в которой люди копаются, как личинки навозных жуков...

Что потом? Не знаю. Вероятно, кому-то будет проще спустить в канализацию человечество в целом, неспособное более стремиться к целостности. А может быть, из человеческого навоза пробьются к свету ростки новой культуры, умеющей разумно строить разумный мир.

Страх и реклама

Когда происходит очередное громкое убийство, пресса всего мира захлебывается от восторга, с упоением смакуя каждую каплю крови. Не отстает и подлый обыватель, наполняя форумы и подворотни своими детальками и мненьцами, замечаниями по поводу и без повода. Спрашивается: зачем? И не надо мне вешать на уши лапшу про свободу слова. Если кому-то прикажут — он заткнется. А возразит — перекроют краны, или кстати изобразят еще один теракт — и потом будут лицемерно сокрушаться, что, дескать не успели... Смотрели французские комедии, с Пьером Ришаром?

Напрашивается вывод, что террор — это просто разновидность рекламы. Причем весьма действенной и выгодной: почти бесплатно — а влияет сразу на все человечество. Дальше понятно: у всякой рекламы есть заказчик, есть рекламные агентства, есть мелкая сошка — непосредственный исполнитель. В каком-то смысле, и социальные сети (чаты, блоги) возникли именно в качестве инструмента подобной рекламы, как официально санкционированный усилитель слухов. Одно дело — когда судачат на кухне, а совсем другое — если на весь Интернет. Конечно, вся эта суета мало влияет на тех, кому лучше быть убитым во Франции, чем живым в России. Но к таким никто и не прислушивается, их вырезают за кулисами, без лишнего шума.

У террора есть объективные и субъективные корни. С одной стороны, в условиях демократического абсолютизма (то есть мирового господства одной хищной сверхдержавы) других способов удержаться на плаву практически нет: если ваш закон против нас — то мы имеем полное право полить этот закон вашей кровью. С другой стороны, начальство подает пример: если американский дядя имеет право уничтожить миллион беззащитных азиатов, то почему азиат не может убить несколько беззащитных европейцев (а если очень повезет — то и американцев)? Насилие насаждается сверху в качестве основного средства решения проблем, человечество просто не знает более разумных способов. Стоит ли удивляться, что всякий призыв к насилию тут же дает плоды? Он падает на хорошо удобренную почву. Ниточки все равно тянутся к заказчику, спонсору, организатору. Кто он — знают все. Но кто скажет — замолчит навсегда. Вот для этого и нужен терроризм — чтобы знали, и чтобы боялись.

Понятно, что бороться с проявлениями, не устраняя сути, — занятие не просто глупое, а часть широкомасштабной рекламной кампании. Терроризм исчезнет лишь тогда, когда мы устраним его экономическую основу — общественный строй, при котором одни имеют возможность обогащаться за счет других. Если сегодня мы не выплатили рабочему в полном объеме заработную плату — завтра мы с чистым сердцем развяжем войну и убьем всех, кому мы должны; потом подневольные убийцы окончательно озвереют — и начнут убивать кого попало (а тут можно и подтолкнуть, и пальцем указать).

Но чисто теоретически, почему бы в качестве средства борьбы не запретить рекламу? Во время военных действий пресса тщательно фильтруется, и каждая сторона публикует лишь то, что дает оперативные преимущества. Если уж говорить о войне с терроризмом — почему не прибегнуть к той же тактике? Давайте запретим штатным писакам любые дурные вести, а за распространение слухов (в том числе через Интернет) — к стенке. Если в прессу попадают лишь сообщения об уничтоженных бандитах, то какой смысл бандитствовать? Все равно никто не узнает и не оценит. И не испугается лишний раз. Какой же это тогда террор?

Такая тактика в свое время постоянно применялась в Советском Союзе — и позволяла успешно бороться с бандитизмом и контрреволюционным террором, как ни подпитывали его нынешние хозяева мира. Социализм не удалось победить силой; он умер, когда отрекся от коммунизма, оставил вопросы распределения общественного достояния на усмотрение рынка — и сохранил тем самым экономическую основу общественного неравенства.

Экомаразм

То, что экологические «исследования» и громкие акции в защиту «природы», спонсируются вполне определенными экономическими силами и служат исключительно целям рыночной конкуренции, сколько-нибудь грамотному человеку, я полагаю, объяснять не надо. Никакой серьезной науки за этим не стоит, чистой воды пропаганда.

Нет, никто не спорит, что само по себе отслеживание потенциально опасных для человека изменений в окружающей среде жизненно важно, объективно необходимо, а иногда даже полезно. Не убеждает только огульное приписывание таких изменений трудам человеческим, подразумевающее, что все природное — хорошо, а все человеческое — наущение дьявола. Встает вопрос: а что же такое человек, и что в нем так пагубно влияет на его же собственное обиталище? С другой стороны, искусственная среда, за которую цивилизованное человечество боролось многие тысячелетия, помимо защиты и комфорта таит в себе и серьезные угрозы, и говорить об экологии коммуникаций, дизайна, деятельности и общения не менее важно, чем о пересыхании рек или вымирании животных. Более того, экология культуры (включая защиту от коммерческих экологов) — это как раз то, с чего следует начинать...

Нас пытаются убедить, что прогресс науки и техники разрушает хрупкое планетарное равновесие, и продукты человеческой деятельности для природы крайне вредны. В какой-то мере это действительно так, поскольку само назначение разума — преобразование природы, ее переустройство на разумных основаниях, преодоление дикости. Но такое осмысленное природотворчество не имеет ничего общего с безответственностью и безрассудством, оно не стихийно, оно культурно ориентировано и готово нейтрализовать последствия возможных неудач. То, против чего кричат буржуазные экологи, характеризует как раз недостаточность разума, некультурность, природность отношения широких масс к природе.

Например, твердят, что жести и пластика в океанах стало больше, чем рыбы, — и с экранов бросают в мозги умело отснятую пропаганду, вроде замусоренных лесов и консервных банок на дне Марианской впадины. Обывателю подсовывают вывод: производство банок, бутылок и полиэтиленовых пакетов наносит вред окружающей среде. И надо, дескать, от этого отказываться, переходить на биоразлагаемую упаковку — которая, как потом оказывается, не

менее вредна и нуждается в столь же срочной рыночной замене...

Где логика? Можно подумать, что пластик сам собой устремляется к морю, прыгает в волны с утеса и плывет мелкими саженками к относительно мало загаженным местам... Или, быть, может, стекло и жестянки умеют совершать перелеты на дальние расстояния ради того, чтобы равномерно усеять собой девственные заросли? Нет, если на лесной поляне или в центре Тихого океана обнаруживается пустая тара, это значит, что кто-то ее туда принес и там оставил. Разумный человек будет так поступать? Нет. Стало быть — дикарь, существо природное, невоспитанное, некультуренное. И бороться надо не с производством упаковки, а с дикой природой, которая сама себя разрушает — хотя бы и при помощи продуктов индустрии.

Еще пример: призывы отказаться от бумаги, поскольку на ее производство расходуются и так основательно поредевшие леса, да и сам процесс производства связан с не самой безобидной химией. Допуская, что изготовление терракотовых табличек и каменных стел под клинопись было верхом экологической чистоты, не думаю, что следовало бы навеки задержаться на этом этапе; но уже выделка пергамента или изготовление шелка — без химии не обходятся, и еще не факт, что современный целлюлозно-бумажный комбинат окажется грязнее (в относительном измерении, на единицу продукции). С другой стороны, разумное отношение к использованию бумаги позволило бы практически полностью устранить вредные последствия. Действительно, 90% печатной продукции — это реклама (в том числе политическая), тиражи книг, журналов и газет, копии документов, справки, бюллетени и объявления... Уберите все это — и леса останутся целы; если же еще и не бросать отработанную бумагу где попало — от нее вообще не будет никакого вреда. Логический вывод — вредно не производство бумаги (или еще чего-нибудь), а уродство господствующей экономической системы, приводящей к разбазариванию ресурсов и сдерживающей культурное развитие населения планеты.

Что «защитники природы» предлагают взамен? Лозунг все тот же: назад в пещеры. Дескать, раньше все было натуральное — чистое и здоровое... Вот и давайте, мол, вернемся в счастливую первобытность, откажемся от достижений науки — и наши экологически чистые трупы послужат питанием для будущей фауны и флоры на стерильной планете.

Конечно, тут все — ложь. Не было никакого золотого века, и дошли наши предки вовсю от болезней и нищеты, от нездоровой среды обитания и технологической неразвитости... От дикости — эпидемии и войны, саморазрушение. Отказываясь от современной технологии, мы вынуждены возвращаться к старой, значительно менее эффективной — а в итоге и более вредной. Массовые пропагандистские акции по отказу от чего угодно на деле означают резкий рост нагрузки на природную среду за счет нерационального расходования сил и средств.

Например, если мы отказываемся от автомобиля как средства передвижения — приходится перемещать себя и грузы другими, куда более затратными средствами. Если мы выключаем свет в доме, мы должны (если не отказываться от жизни вообще) освещать его как-то иначе — и это обойдется природе куда дороже. Журналисты, например, с восторгом описывают, как кто-то своими движениями (ходьбой, кручением педалей) вырабатывает электричество... Предлагается поверить, что это экологически чистый источник даровой энергии, и стоит постараться, чтобы обеспечить себя необходимым минимумом. Но с технологической точки зрения, это лишь замена современных электростанций генераторов мускульной тягой — возврат в первобытное прошлое. Коэффициент полезного действия человека, используемого в качестве генератора электроэнергии намного хуже — то есть, значительная часть расходуемых ресурсов идет в отвалы, а значит, растет степень загрязнения среды. Действительно, человеку, как минимум, надо есть и пить — и чем больше он тратит сил, тем больше; мы сначала преобразовываем пищу в мышечную энергию, и лишь потом частично переводим ее в полезное механическое движение. Ясно, что такой многоступенчатый процесс значительно уступает в эффективности и чистоте современным энергетическим установкам.

Отказ от достижений цивилизации не лечит экологическую болезнь — он только усугубляет ее. Нельзя ни от чего отказываться — но разумные потребности следует удовлетворять разумно:

не требовать и не расходовать лишнего, дополнять эффективные технологии производства столь же эффективными методами утилизации. И тогда технологическое развитие потянет за собой человеческое сознание, уведет человечество в целом от первобытного, дикого состояния к разумной культурности. Изменится отношение человека к его среде — изменятся нравы. Само возникновение интереса к проблемам качества окружающей среды (как природной, так и техногенной) — результат такого развития. Пока на этом лишь спекулируют коммерсанты. По мере вытеснения рыночной экономики экология превратится в то, чем она и должна быть, — поиск путей разумного преобразования мира.

Глупо защищать природу, пытаясь заморозить время. Вселенная всегда в движении, она постоянно уничтожает одно — и создает другое. Ничто не остается неизменным. Остановка — смерть. Даже если не будет человека — мир все равно изменится. Как бы ни пытались мы сохранить прекраснейшие моменты бытия — они все равно уйдут. И будет меняться ландшафт, будут вымирать животные виды, и одно общество неизбежно сменится другим. Дело разума — направлять изменения, а не останавливать их. Дикая природа сама себя разрушает; человеку приходится принимать ответственные решения, прощаться и встречать. И творить во имя прогресса, а не делать его разменной монетой в биржевой игре.

Погода и самочувствие

Ньютоновская механика — не просто физическая теория, это универсальная парадигма для самых разных предметных областей. Если присмотреться — в ней нет собственно физического содержания: речь идет лишь о том, чтобы связать динамику системы с какими-то неформально введенными «силами». Чтобы перейти к собственно физическим силам, еще предстоит связать механические абстракции с нашими представлениями о природе частиц, полей и т. д. Но точно так же можно говорить и о взаимодействии каких-то иных сущностей, так что полученная в результате наука окажется от физики весьма и весьма далека — при сохранении все той же механической парадигмы (вплоть до ее частных математических формулировок).

Например, возможно представить биологическую систему какого-либо уровня (от отдельной молекулы до биосферы в целом) несколькими фундаментальными параметрами, так что одна комбинация величин ссылается на нечто существенно отличное от другой. Это означает, что все такие состояния представимы точками некоторого конфигурационного пространства — так же, как в физике говорят о пространственном расположении материальных тел. Далее, на воздействия извне организм (понимаемый в самом общем смысле) отвечает какой-то последовательностью действий, что предполагает, с одной стороны, некоторый общий темп (аналог скорости), а с другой — определенную инертность (аналог массы). Мы естественно приходим к известному из механики понятию импульса. Нормальный метаболический процесс (включая как внутренние состояния, так и внешнее поведение) ничем для организма не примечателен — незаметен, течет сам собой. Но если в окружающей среде происходит нечто, из-за чего состояние движения вынуждено измениться, это требует ряда координированных физиологических сдвигов, которые у высших животных, например, легко отождествляются с эмоциональным откликом (или, при достаточно длительном воздействии, с эмоциональным фоном, с длительным чувством). Так парадигмой становится еще одна механическая величина, ускорение — как внутренний показатель присутствия внешней силы.

Погода обычно связана для нас с текущей температурой, атмосферным давлением, влажностью и т. д. Все это организм воспринимает именно как погоду лишь там, где характерные времена изменений состояния среды сравнимы с длительностью метаболического цикла. Медленные вариации характеризуют, скорее, сезонные колебания, или глобальные климатические сдвиги. Очень быстрые изменения вообще нельзя описать подобными статистическими параметрами.

Механическая парадигма предсказывает, что живые организмы будут в основном реагировать лишь на ускорение (вторую производную функции состояния), не обращая особого внимания

на плавный рост или постепенное убывание — но сразу же отзываясь на резкие скачки. Метеозависимые люди (особенно пожилые) на себе проверяют справедливость этого вывода; факты подтверждают гипотезу. Но здесь есть еще одно обстоятельство, которое маскируется обычаем метеорологов говорить лишь об усредненных тенденциях — тогда как реальные атмосферные процессы отличаются куда большим разнообразием. Да, ежедневная информация может быть очень полезна для отслеживания физиологических рисков — но помимо этого есть и быстрые процессы, происходящие в течение часов, или даже минут. Такие как мгновенные скачки атмосферного давления, связанные с резкими изменениями иррадиации, когда солнце то скрывается за тучами, то выглядывает в случайных просветах. Согласно механической модели, эти, вроде бы, менее значительные вариации могут быть опаснее для метеозависимых людей, поскольку возникающие при скачкообразных изменениях силы (произведение массы на ускорение) значительно больше; иногда люди чувствуют, будто их прямо-таки разрывает на части. Можно также предположить, что метеочувствительность чаще возникает у людей с более инертными физиологическими процессами (в механической модели — большие массы), когда организм медленнее обрабатывает в ответ на внешние влияния, либо в силу генетической предрасположенности — либо из-за хронических заболеваний.

Похожим образом возникают механические модели самых разных форм и уровней движения. Так, люди могут приспособиться к постепенным изменениям ландшафта, неизбежным на протяжении сотен и тысяч лет; если такие же изменения происходят за год (или за день) — это ужасная катастрофа. Точно так же, мелкие каждодневные неприятности подрывают душевное равновесие вернее, чем сколь угодно плохой (но относительно стабильный) психологический климат. Постепенное усовершенствование научных теорий и технологических процессов не так чувствительно, как решительное перестроение всего на новых принципах. И никакие экономико-социальные потрясения не отучат обывателя от инстинктивного отторжения всяческих революций.

Парадигмы абстрактны — это высший уровень абстракции. Но именно поэтому они предельно практичны. Не везде требуются «точные» математические формулировки — чаще достаточно качественных предсказаний. Тем более, что любая парадигма допускает великое множество очень разных формализаций; более того, новые течения в математике всегда возникают в ответ на формирование каких-то парадигм, при попытке адаптировать их к конкретной предметной области. Метеочувствительность можно изучать и другими способами — но в каких-то отношениях классическая механика объективно окажется верней.

Тела свободы

Про свободу говорят много. Про тело — еще больше. Но когда одно соединяется с другим, почему-то все сводится к телесной свободе, если не сказать: распущенности. Вероятно, через эти извращения лежит путь человечества от унылой биологии к яркой духовности, свободной от любых границ. В предположении что будущее у человечества таки есть.

Через полтора столетия после Карла Маркса мысль об общественном характере человеческой субъективности начала интенсивно проникать в думающие массы, и только очень отсталые (или политически ангажированные) ученые по-прежнему ищут разум в генах, в условных рефлексах, или в потусторонних влияниях. Крамольная в 1980-х мысль о том, что ни один биологический вид не может быть предшественником человека (поскольку суть человека как раз и состоит в универсальности, выходе за границы видовой определенности) скоро станет общим местом, и будут удивляться: как можно понимать иначе? Но есть и другая сторона марксовской идеи, на которую публика пока не очень обращает внимание. Утверждая общественную природу духа, мы обязаны предоставить этому духу столь же общественную плоть — иначе опять скатимся в мистику, обожествление чего-то бестелесного. Элементарная логика, казалось бы; но откровенное признание открытого Марксом «неорганического тела»

человека влечет за собой столь серьезные политические выводы, что состояться ему в ближайшие годы вряд ли позволят. Разумеется, факты давят — и приходится протаскивать нечто вроде через задний проход... Но сугубо для себя делать принципиальные выводы кое-кому пора бы начать.

Переход к новой парадигме труден еще и в силу вековой привычки: тысячи лет мы видим, как люди идентифицируют себя с куском мяса, и уничтожение этой звериной оболочки считается (согласно действующему законодательству) убийством (или «естественной» смертью). Но, ведь, точно так же мы тысячи лет полагали, что светила вертятся вокруг Земли (единственной и неповторимой), — а сейчас не только в Солнечной системе принят совсем иной порядок, но и при других звездах обнаруживаются тучи планет. Так почему бы, вслед за отказом от остатков антропоцентризма, не предположить, что наш разум обитает вовсе не в отдельно взятой органике, а, как минимум, в совокупности организмов, вращающихся вокруг «единого центра»? Разумеется, в такую картину легко включить и существенно вовлеченные в общественный процесс неорганические составляющие — продукты человеческой деятельности.

Конечно, просто так от чего-то отказываться было бы неразумно. Хорошо бы выяснить, почему человеческое тело представляется обителью духа. Первое, простейшее объяснение — влияние культурной среды. Действительно, если с раннего младенчества все вокруг, общаясь со мной, обращаются первым делом к некоему сгустку органики, у меня выработается та же привычка, и я буду предъявлять конкретное биологическое тело другим в качестве своего полномочного представителя. Когда у народа появится возможность с малолетства выглядеть в глазах публики контентом какой-нибудь распределенной базы данных — человек и себя будет отождествлять не с мясопродуктом, а со всем тем, что обеспечивает поддержание целостности этого виртуального существа. Уже сегодня для некоторых лишение доступа в Интернет равносильно жестокой казни. Теряя вещи, мы теряем часть себя.

История знает немало примеров, когда коллективное творчество со временем приобретает индивидуализированный характер — и приписывается фиктивной личности, якобы обитавшей в какой-то стране в какую-то эпоху. Поэмы Гомера всемирно известны; Козьма Прутков или Панини знамениты в сравнительно узком кругу. Учитывая, что начальство испокон веков приписывает себе заслуги подчиненных («такой-то царь построил город и воздвиг храм»), в том числе и в духовной сфере («дал людям закон»), наблюдать подобную маскировку культурно определенного прихотями психики можно практически на каждом шагу. Иногда ролевая игра приобретает совершенно катастрофические масштабы: например, религиозные люди склонны принимать за чистую монету детальные биографии богов и святых; отделить литературу от жизни они уже не в состоянии.

Есть и обратный процесс, когда авторство растворяется в массовом употреблении, когда имена либо совсем утрачены, либо превращены в нарицательные. Когда французы едят блины на Chateaubriand, они вряд ли вспоминают папу Гелазия I; современные любители архитектуры Apple не знают практически ничего про канадского фермера Джона. Сама возможность такого отделения имен от тел указывает на принципиально небиологический способ существования разумных существ.

Склонность считать вещи частью себя закладывается в человека воспитанием точно так же, как и привязанность к биологическому телу. Например, утверждая, будто он сделал что-то сам, человек уже не представляет себе, сколько миллионов людей непосредственно участвовали в обеспечении самой возможности приступить к работе; поскольку же каждый из этих людей также опирается на труд миллионов, любой поступок, по сути дела, становится совокупным действием всего человечества, событием мировой истории.

В этом контексте направление развития личностной идентификации вполне очевидно: все большее отделение сознания от конкретного воплощения, возможность перевоплощения при необходимости. Разумное существо получит возможность приобрести опыт пребывания в разных телах — и даже без привязки к одному телу, в ансамбле взаимодействующих тел

(которые все вместе будут телом более высокого уровня). Разум — целостность другого порядка, он представлен иерархией вещей; как развернуть эту иерархию в иерархическую структуру — историческая случайность.

Важный частный случай — функциональное объединение одного мозга с другим, включение в этот организм разного рода компьютерных (сетевых) компонент. Понятно, что такой коллективный мозг уже не обязан привязываться к физиологическим ограничениям отдельного человеческого тела (пространственная организация, способы манипулирования вещами) — он может использовать какие угодно искусственные орудия. Когда современные инженеры пытаются максимально приблизить динамику роботов к динамике живых организмов, это не более чем учебно-тренировочные упражнения, накопление опыта, подготовка к творчеству. Точно так же, намеренное подражание роботам в какой-то мере направлено на будущий симбиоз, на «притирку» разных миров перед их объединением в одно.

Стоит ли говорить, что подобной расширению «материальной части» связано с совершенно новым пониманием свободы? Оказывается, что разумное существо вообще невозможно упрятать в клетку: оно всегда найдет способ переселиться в иную связь вещей, обойти любые препятствия. Игры нынешних «активистов» — это просто смешно. Раздувание «полового вопроса» — глупое занятие по отношению к «неорганическому телу» человека, которое может вообще быть не связано с физиологией размножения. Наконец, признание реальности коллективного субъекта по-новому ставит вопрос о взаимоотношениях личности и общества, так что каждый, определенным образом развертывая иерархию индивидуальности, сможет одновременно присутствовать на разных уровнях общественной иерархии, чувствовать себя не только частью целого — но и самим этим целым.

Бессовестное разнообразие

Экология не наука. Она лишь инструмент экономической и политической борьбы. И экологи это прекрасно сознают — но в царстве базара не принято брезговать никаким заработком, так почему бы не кормиться народной тупостью? Культивируют отборного дурака теми же способами, что и культурные сорта растений, и поголовье скота... Такое изменение природы — в порядке вещей, и никаких тебе голосов протеста в международном масштабе. Тогда как разведение роз, выращивание гречихи или мясомолочное животноводство представляется преступной халатностью, пощечиной природе и угрозой самому существованию человечества. Дескать, предпочитая одно — мы искореняем другое, нарушаем (премудро установленное господом-богом) природное равновесие, так что количество биологических видов с каждым годом неуклонно сокращается, и пора всем странам на эту проблему серьезно наваливаться и совместно свою вредность пресекать. А кто откажется — того к ногтю, чтобы не портил консенсуса. Разнообразие мнений в этом вопросе начальству ни к чему.

Борьба за сохранение биологического разнообразия понемногу принимает клинические формы. Болото посреди города, солончаки на месте сельхозугодий, пчелы в офисе... Это все нынче в порядке вещей. Не дай бог случится комара прихлопнуть, или потравить тараканов и крыс, — потом век оправдываться перед хорошо организованными борцами за своих меньших братьев. По судам затаскают, по миру пустят, сообщая морду набьют. За каждым микробом — команда поддержки, оснащенная по последнему слову техники и на связи с дорогими юристами. Не нам с ними тягаться — при наших доходах. Если я напишу, как не хочется жить под одним небом с тараканами и крысами, — про то не узнает никто, кроме, быть может, пары случайных прохожих; а проспонсировать очередной всепланетный марш экологического протеста или массивную агитацию в прессе всех форматов — всегда найдется кому. С чего бы это?

Воспитанный в буржуинстве обыватель подумает, что такая у нас в народе ответственность: дескать, совесть заела, и люди стремятся искупить биологическую (а то и геологическую) вину. Но тем, кто рос под знаменем марксизма, на ум первым делом приходит сакраментальная

фраза: кому это выгодно? Не бывает так, чтобы деньги вкладывали, не просчитав финансовых перспектив: филантропия не младенческая погремушка, а серьезный бизнес. И оказывается, что за каждой экологической кампанией стоят конкретные представители конкретного класса, сводящие друг с другом счеты из кармана одуроченных масс. Но не будем размениваться на мелочи: тут есть и ставки на высшей планке. Политические корни борьбы за биоразнообразие уходят в глубинную жажду самосохранения капитализма во всемирно-исторических масштабах. Действительно, как класс-паразит может убедить ежедневно обираемые им массы в необходимости и дальше терпеть этих тунеядцев-кровопийц? Очень просто: 1) отождествить человека с животным, и 2) провозгласить самоценность всякого биологического вида, его необходимость для сохранения природного равновесия. Тогда верховенство капитала в глазах обывателя превращается в непреложный закон, и при минимальном материальном поощрении этот обыватель пойдет на баррикады за биоразнообразную власть буржуа. А если допустить, что какие-то виды в природе допустимо при необходимости искоренить, тогда, грешным делом, кто-то окажется и по другую сторону баррикад — и удовольствие от богатой жизни окажется безнадежно испорченным.

Капитализм начал загнивать еще до рождения — но гнить он может долго, пока те, кто посильнее, согласны терпеть вонь и принуждать к терпению остальных. Суть буржуазной системы промывки мозгов сводится к одному: в будущем все будет как сейчас, мы достигли вершин — и дальше ничего нет. Давайте сами себя законсервируем — ради всеобщего (то есть буржуйского) благоденствия. В ту же струю — обожествление всяческих вредителей. Точно так же, как церковь объявляет все человеческие бедствия божьим промыслом, ибо наущения сатаны — тот же глас господень, и любая чертовщина санкционирована сверху, из райских кущ.

Пробуждающийся разум такая позиция не устраивает. Мы знаем, что в природе менялось все и всегда, и будет меняться и впредь. Если бы динозавры заботились о биоразнообразии, нынешние его поборники не появились бы вовсе. Речь не о том, чтобы остановить процесс, — а о том, чтобы разумно его направлять, чтобы менялось все не само по себе, а ради великой цели. Сохранение капиталистической звериности, войны всех со всеми, — на величие никак не тянет.

Разум на то и нужен, чтобы устроить природу разумно: оставить одно, убрать другое, создать нечто вообще невиданное. Всякое человеческое действие меняет мир — но и бездействие его меняет тоже, а последствия стихий куда печальнее. Кричат со всех трибун: одомашнивание животных вредит природе! Какой природе? Дикой? Так на то мы в мире и есть, чтобы дикости становилось все меньше. Творения рук человеческих (поскольку они разумны) прекраснее и разнообразнее любых достижений мертвой и одушевленной материи. Шиповник может быть очень мил — но с розой не сравнится никогда. Лелеять неразумность — зачем? Даже там, где мы оставляем что-то первозданное, оно никогда не живет само по себе, и прелесть свою приобретает только после надлежащей огранки и в достойной оправе.

Никто не спорит: люди умеют не только создавать шедевры, но и производить в большом количестве всякий хлам, способный со временем испоганить даже то, что само по себе далеко не идеал. Но это явно не от большого ума. Первые шаги по пути разумности даются нелегко — случается и дров наломать. А разнообразные господа предлагают нам сохранить именно эту природную недоразвитость, прекратить движение к собственно человеческим деяниям. Но для того мы и переделываем мир, чтобы разумное стало объективно возможно. Никакими благими намерениями, никаким аутотренингом себя не облагородить; для этого требуется поместить себя в такие обстоятельства, при которых благородство само поперет — хочешь или нет.

Всякая стройка — это выбор: что-то нам еще послужит — а чему-то время уйти. Требование сохранить все — вредная утопия. Известны миллионы видов бактерий и насекомых — никогда не поверю что все они нам жизненно необходимы. Возможно, если убрать с пляжа именно эту песчинку — не будет мне настоящего загара. Но, в конце концов, и без настоящего можно обойтись, и вовсе без пляжа, и без меня. Будет что-нибудь другое — ничем не хуже. Важно, чтобы оно было не само по себе, а для людей. Но нет! — эоактивисты трыбят о ценности

всякой жизни (имея в виду прежде всего свою), об опасности нарушения вселенского равновесия... Даже название эффектное придумали: «эффект бабочки».

Действительно, хорошо продумать хорошее дело — не всем по мозгам. Тем более, когда мозги забиты пропагандистским мусором. Но, например, в градостроительстве уже дошли до идеи комплексной застройки — научимся мы в конце концов перестраивать биоценозы, чтобы ни на какую ногу не хромать. Касается это и перестройки человеческого общества. А тут как на ладони партийная подоплека: если что и менять, то лишь путем отдельных реформ, заплатки ставить, а не сносить капитализм с лица земли. Но реформизм как раз и означает неполное, несбалансированное изменение — и мы сами себя загоняем в очередной кризис.

От сохранения биоразнообразия плавно перетекают к восстановлению утраченных видов. Вовсю работает генетическое лобби, деньги из народа выкачивают. Пусть, дескать, гуляют по тундре стада мамонтов, а в тропическом сафари самое то поглазеть на тираннозавра. То, что тундра уже не та, и тропики изрядно поистрепались, — никого не смущает. Главное — живности побольше. А как она кормиться будем — дело десятое. По минимальном размышлении приходим к выводу: ради милых зверушек придется потесниться кому-то из людей. Разумеется, не тем, кто скачет с плакатами по столичным улицам; и не тем, кто их на то науськивает. Но в дикой жизни прирост одного поголовья означает сокращение другого. И придется мелким людишками, вроде меня, отбиваться от наседающих вредителей. И уж тут — извините-подвиньтесь! — пощады не будет никому. Если кто-то посягает на мой дом и мой хлеб — я обязан это безобразие пресечь и восстановить порядок. Иначе какое же я разумное существо? Если микроб вредит моему здоровью — тем хуже для микроба. Если комар пьет мою кровь — я его убью. Если паутиный клещ ест мои розы — я его буду уничтожать, что бы там ни говорили защитники его насекомых прав. В галактике M31 (она же NGC224) более триллиона звезд — и на фото очень красиво. Но не думаю, что кого-то порадует это изобилие, когда Туманность Андромеды сблизится с нашей Галактикой настолько, что жесткое излучение из зоны ударной волны убьет все живое.

Всему свое место. А кому-то места быть не должно. Возможно, в сугубо научных целях, полезно иметь какие-то образцы. Но лучше — понимать принципы и уметь при необходимости изготовить под заказ. Вместо живого динозавра — вполне сгодится его научный портрет. Вместо реального капитализма — его теория и история. Кунсткамеры постепенно отойдут в прошлое — им на смену придет виртуальная реальность. А жить мы будем по правилам сегодняшнего дня.

Быть может, животноводство — вещь вредная. Вопрос: кому и для чего? В мире миллионы голодных — им что, есть не полагается? Или это нужно для разнообразия — чтобы буржуй на фоне нищеты порадовался своей исключительности? Не нравится вам, как влияет сельское хозяйство на биосферу и климат, — прекрасно, дайте полноценную замену, чтобы каждый на Земле (буквально: *каждый!*) мог иметь все, что ему требуется для полноценной жизни и творческого труда. До этого — не имеете права ни к чему призывать. Тем более назад в пещеры.

Пока мы привязаны к биологическим телам, мы всегда кого-то едим и с кем-то не ладим. Даже если вместо животноводства, столь расточительного и морально подпорченного, мы научимся промышленно выращивать культуры тканей — это все равно живые клетки, хотя и чуть более гуманного происхождения. В конце концов, синтезировать еду можно из неорганики — но от своего метаболизма нам не избавиться все равно. Возможно, доживем и до того, чтобы вообще отказаться от пищи, — переделаем себя в роботов. Тогда и комары нам будут не страшны. Но общество останется — и придется на каких-то принципах его устраивать.

Пропаганда биоразнообразия — часть обширной программы по оболваниванию масс. Капитал не может без рынка, а рынка не бывает без покупателя. Но возжелать что-то купить можно лишь если вещь полезная — или хотя бы не такая вредная, как все остальные. Вот про эту сторону капиталист, затеявая производство, меньше всего думает. Ему важно не удовлетворить

общественную потребность, а поживиться за счет других. И всем это ясно с самого начала — но выбора у народа нет, и приходится брать то, что дают. Какие-то вещи можно приспособить к делу — приобретая другие, мы лишь обозначаем нашу принадлежность определенной культуре, чтобы там, наверху, не заподозрили в излишнем вольнодумстве и не покарали, не отобрали и те крохи, что пока еще нам перепадают. Но в конце концов тоска заедает — и уже ничего не хочется. Что делать капиталисту? Не пускать же деньги на благие дела! Берут старую дрянь, что-нибудь перекрашивают (часто все сводится к замене упаковки), — и подсовывают якобы наивному обывателю под видом последнего слова индустрии. И чем больше торгаши этим занимаются, тем больше на прилавках разного дерьма, и это называется изобилием, и этим нам гордо тычут в морду лакействующие пропагандисты капитализма. А покупатель ходит часами вдоль заваленных мусором прилавков, вздыхает, — и выбирает что-нибудь не очень страшное, хотя бы на вид. И закрадывается кое-кому в голову крамольная мысль: а зачем оно вообще надо? Почему бы не отказаться от перепроизводства ненужных вещей и не оставить в производстве только нужные? Задавить бунт в самом зародыше помогает та же проверенная технология: 1) объявить рынок естественным состоянием человека (которого — см. выше — мы уже отождествили с животным), и 2) провозгласить важность рыночного разнообразия для поддержания глобального экономического равновесия — чтобы те, кто живет хорошо, не стали — не приведи бог! — жить хуже. Другая сторона эконоразнообразия — относительность хорошестьи. Да, жизнь у нас дурная, — но есть и те, кому значительно хуже! Так что молчите в тряпочку, и не вздумайте бунтовать. А не можете молчать — вот вам свобода трепы, дозволенное разнообразие мнений — в котором все выходящее за рамки просто утонет, как в поганом болоте. В мира всеобщего абстрактного разнообразия властвует дикая стихия, а в дикой природе одни убивают других, чтобы в конце концов быть убитыми кем-то еще. Так было, так есть, так будет всегда. И вот эту дикую истину призваны вбить в народные головы господа-экологи; они такие же, как мы, — и могли бы заняться менее разрушительной деятельностью, — но раз уж пошли в наемники, приходится воевать с разумом — прежде всего своим.

Марш недоразвитых

Разумные деяния по видимости бывают очень похожи на поведение неразумного существа; однако причина и движущие силы действия у разума совершенно другие. Дикари — часть природы, они распространяются в ней, как плесень, как вирус, как диффузия одного вещества в другом. Разум противостоит природе как субъект, и его задача — не распространение, а освоение. Не захватить, не присвоить, не потребить — а сделать общедоступным, возвысить, окультурить. Создать новые опоры для роста и развития. Творчество, а не разрушение.

Дикарь хватается все, что подвернется, тащит к себе в логово, меняется добычей с другими дикарями... Когда приходится переселяться — место уже разграблено и обезображено, и надо что-то восстанавливать, что-то строить заново. Искать утраченное. Так дикари разбазаривают и себя.

Разум действует иначе: начинается освоение нового мира с внедрения в него, постепенного переноса разумного мироустройства на необжитые места. Это не разграбление — а наоборот, благоустройство, экспорт разумности. Важно отдать, а не отнять. Да, это труднее, медленнее, затратнее. Зато потом свободнее жить в мире без барьеров и границ.

Когда европейцы рванули на другие континенты, ими руководила дикая жажда наживы: быстрее добраться, застолбить, не дать другим. Ни о каких культурных задачах и речи не было. Познание — как побочный продукт, орудие грабежа. Не отдавать и не развивать — а наоборот, сохранять отсталость и препятствовать развитию. Перетекание европейской культуры в новый мир — как вынужденная мера, ради укрепления господства и роста темпов грабежа. Потом грабительские войны между грабителями, войны пустивших корни хищников с метрополиями,

борьба окультуренной верхушки коренного населения за право участвовать в разграблении своей земли, войны бывших колоний между собой за передел еще не разграбленного, претензии к Европе и требование компенсаций.

То же самое сейчас воспроизводится в космических масштабах. Есть научные проекты, есть мысли о подготовке новых мест обитания... Но главное — побыстрее дорваться, захватить, выстроить систему обороны от других захватчиков. Разведать и начать выкачивать ресурсы — и не дать воспользоваться ими другим. Изучение природы — вынужденная мера, накладные расходы. Под это деньги выделяют лишь с прицелом на будущие барыши. Или отстегивают от щедрот, от сытости, пока не успели переварить уже награбленное.

В качестве животрепещущего примера — проекты высадки человека на Марс. Предложений полно. Однако нацелены все на высадку, создание баз. Разумно? Не очень. Для полноценного освоения Марса надо обеспечить надежную и регулярную связь с Землей, выстроить логистические цепочки в обе стороны, отладить механизмы взаимодействия. Логичнее было бы начать с создания постоянных орбитальных станций — своего рода посредников между поверхностью планеты и Землей. Вывести на орбиту Марса сеть спутников связи — чтобы в любой точке планеты работал марсианский интернет, и можно было дозвониться до Земли через орбитальные ретрансляторы. Для этой же цели можно развернуть сеть автоматических станций на поверхности. Орбитальные станции будут принимать грузы с Земли, накапливать запасы на складах и доставлять их в нужные места на поверхности по мере необходимости. Точно так же, материалы с поверхности можно накапливать на орбите и отправлять на Землю очередным транспортником. Присутствие живого человека для всего этого, в общем-то, не обязательно. Он приходит туда, где уже есть развитая инфраструктура и решает задачи собственно человеческого благоустройства. Опять же, по логике, незачем сразу высаживаться на поверхность: начинать можно с орбитального присутствия, с возможностью регулярной смены вахт. Для доставки людей следует использовать иные, более скоростные маршруты. Необходимые для этого ресурсы накапливаются в ходе регулярных полетов автоматических челноков по более выгодным энергетически (но долгим) траекториям. Это не так триумфально, как с первой же попытки наследить на поверхности, — но спокойнее, основательнее, надежнее и безопаснее. Автоматические станции и грузовые беспилотники — дешевле обитаемых кораблей, и поставить движение на поток намного проще. Но земным хищникам важнее нагло присвоить кусок поверхности — закрепить за собой монополию. Если при этом придется пожертвовать сотней, тысячей или миллионом старателей-самоубийц — кому какое дело? Они работают за деньги и добровольно положат себя на алтарь чужих барышей. Потом опять войны, и снова самоопределение колоний, и взорванный быт метрополий... Но кто будет думать о таких перспективах, когда морковка висит прямо перед носом?

Разум, конечно, во Вселенной неистребим. Но иногда очень хочется, чтобы как можно раньше исчезло недоразумное зверье, более чем достаточно испоганившее Землю — и замахнувшееся на благополучие других планет. Шансов на выход из тупика у них, похоже, нет.

Мысли о тростнике

Люди склонны приписывать себе чужие заслуги. С одной стороны, это говорит о том, что они, как минимум, стремятся к высоким свершениям — а значит, понемногу становятся разумными существами, а не чурками в поленнице. Однако неумение отличить плоды труда от ставшего само по себе — знак животности, недоразвитости сознания. Первобытные люди вполне могли поверить, что магический обряд способен вызвать дождь, погасить пожар или убить вирус. По мере взросления, человечество стало образованнее — однако до сих пор кое-кто предпочитает дополнить технологии молитвой, подковой, мистикой ветра и воды, или «энергетической пирамидой». Обычное оправдание: а что? почему бы не поколдовать? хуже от этого не станет... На деле оказывается, что станет. Ибо каждое отступление от разума — шаг в дикость.

Уступки собственной глупости, уход от ответственности, — все это на деле оборачивается новым рабством, тиранией господ и попов. Простая логика: ага, вы верите в чудеса? — ну и надейтесь на чудо! — а мы тем временем отберем у вас все остальное, оно вам ни к чему... Заметим, что главные проповедники примата веры — люди не бедные; они предпочитают не верить, а иметь, и передовыми технологиями отнюдь не пренебрегают.

Первобытный анимизм повсюду. Даже высокая наука от него не свободна. Общепринятая интерпретация квантовой механики, например, допускает вмешательство наблюдателя в физические процессы — и те вынуждены следовать прихотям человеческой воли, а не природным законам. Ссылки на то, что наблюдателем можем быть и элементарная частица, появляются иногда мелким шрифтом в конце — и выглядят неубедительной отмазкой. Потому что многие принимают эту белиберду всерьез — и начинают плодить квантовых демонов, обменивающихся информацией меж собой и с макроскопическими обозревателями. В конце концов все настолько запутывается, что любые бредни господствующего класса легко навязать рабам как веление природы.

Человек действительно кое-что может. Но далеко не все. И чем больше он строит из себя дядю, тем призрачнее его способность влиять на окружающее. Некоторые наши агропромышленные результаты способны нарушить природное равновесие в местных масштабах — но не больше, чем бесконтрольно размножающиеся популяции животных. Не говоря уже о геологических явлениях. Деяния человека — в основном вокруг его повседневных потребностей, локально. Даже когда для этого требуется выход в ближний космос. Когда господа-экологи судачат про глобальные последствия хищнического капитализма, они либо демонстрируют свою глупость, не умея отличить котлеты от мух, — либо за деньги выполняют грязную работу по промыванию массовых мозгов в целях закрепления власти тех самых капиталистических хищников. Животное всю свою жизнь занято одним и тем же: сначала жрет, потом гадит (и, в частности, размножается). Люди пока недалеко от этого ушли. По большей части, это сугубо природный процесс, который природа регулирует, а в планетарных масштабах не особенно обращает на него внимания. Если уж очень криво пойдет — возникает компенсационный механизм, и маятник качает в другую сторону.

Ничего серьезного сделать с природой земное человечество пока не в состоянии. Практически ничего в глобальном обмене веществ от человека не зависит. Скорее, наоборот: движется наперекор намерениям, сводит на нет все усилия. Ослепленный воображаемыми успехами, человек не замечает надвигающихся перемен — или представляет их себе совсем не так, как следовало бы. Казалось бы, на каждом шагу подтверждения нашей немощи: любой природный процесс становится для нас катастрофой. Природе все равно: ветер подул, дождь пошел... Человеческие постройки при этом разносит в щепки, смывает наводнениями. Мы не можем противостоять банальному снегопаду или весеннему паводку — не говоря уже о цунами, извержениях вулканов и землетрясениях. Движение литосферных плит идет своим порядком, земная ось смещается в соответствии с законами физики, магнитные полюса бродят своими тропами... Из-за этого меняется характер атмосферных и океанических течений, распределение времен года, ареалы распространения животных и растений... О существовании человека планета даже не догадывается. Ну, сроят какую-то гору, — другая вырастет. Повернут реки — что-нибудь еще потечет. Замусорят моря пластиком — появится микроб, которому это в самую радость, — а на него надстроится десяток биоценозов. Мелко все это, и примитивно. Никак не тянет на всемогущество разума. Мы просто перекладываем природные вещества из одного места в другое, меняем материальные формы того же самого, — в русле чисто животного метаболизма. Животные веками консервировали солнечный свет в своих останках — люди съели консервы и занимаются консервированием сами, совершенно не задумываясь, что усиленное накопление следовало бы дополнить технологиями радиационного сброса. Потому что энергия не исчезает — а лишь переходит из одной формы в другую, и где-нибудь обязательно вырвется наружу очередной (по человеческим меркам) катастрофой. Тем не менее, при нынешних масштабах деятельности, навредить мы можем только самим себе. Щекотать самолюбие способностью повлиять на климат планеты пока преждевременно.

В прошлом Земля знала много драматических перемен — вплоть до почти полного вымирания. По существу ничего не изменилось. Место одних заняли другие. Сначала стало очень жарко — потом ледники дошли почти до экватора. Ландшафты меняются сами собой, климат все время плавает от одной крайности к другой. Солнце бегаёт вокруг центра Галактики — и от этого зависят процессы внутри солнечной системы, включая земные дела. Кстати, когда там было самое крупное оледенение? Как раз один галактический год назад... Не пора ли повторить?

Человеческая способность восприятия воспитана бытовыми масштабами. Мы только-только начали учиться воспринимать изменения другого уровня. Даже на геологической шкале — почти ноль. Не говоря уже о большом космосе. Но всюду упиваемся минимальнейшими возможностями, забывая присматриваться к природе, прислушиваться к ее дыханию. Вполне возможно, что грядущие перемены уже здесь, они раскрывают себя тысячами признаков, — но продажная экология в корне пресекает любые попытки трезво посмотреть на вещи. Быстрые изменения возможны только там, где они хорошо подготовлены. Например, в танцах мы заранее готовим каждое движение — но это не бросается в глаза, и со стороны видят только завершение, итог. Точно так же природные преобразования могут произойти сравнительно быстро — но предшествует этому длительное накопление мелких условий, деталей, из которых потом складывается мозаика.

Современное человечество — заросли тростника. Уцелеют ли затерянные в нем мыслящие былинки?

Еще шажочек

После крушения советской системы, окончательно разделавшись с остатками российского влияния в планетарных масштабах, Соединенные Штаты и их «союзники» (точнее, вассалы) конечно же захотят избавиться, наконец, от абсурдного наследия «коммунистической» оппозиции — Организации Объединенных Наций. Эта шарашка давно уже потеряла всякую эффективность — пустое разбазаривание средств. Не говоря уже о том, как ее устаревшие правила мешают настоящим Хозяевам Мира установить новый, всецело демократический мировой порядок, призванный служить интересам всех, а не горстке мнимых победителей второй мировой.

На самом деле, нет ничего проще! Достаточно абсолютному большинству бывших членов ООН (конечно, с США в первых рядах) объявить о прекращении мандата ООН на международной арене — и создать новую организацию. Назовем ее, например, Мировое Сообщество (по-английски: WC) — учитывая, что термин уже давно используется для ссылок на коллективную волю достаточно «вменяемых» государств.

Разумеется, устроить МС следует в строжайших демократических стандартах, исходя из принципа разделения властей:

1) *Общественная Палата* — международный орган, единая трибуна для всевозможных (достаточно влиятельных) общественных движений, вроде зеленых, ЛГБТ, — а также бывших специализированных ответвлений ООН (вроде ЮНЕСКО или ЮНИСЕФ), некоторых полудиких групп (типа ВОЗ), и бизнес-интеграторов (ВТО, МВФ). Предельный демократизм позволит этой организации легко принимать новых членов — и столь же легко исключать тех, кто уже выдохся. Основная задача ОП — выработка всеобщих законодательных инициатив, всепланетных правил цивилизованного поведения (включая права человека, вопросы экологии и т. д.).

2) *Содружество Наций* — рассматривает инициативы ОП, а также представления отдельных стран-участников, и легализует их в качестве элементов международного права. Все решения принимаются абсолютным большинством голосов, и голоса всех равны, без преференций «особо выдающимся» нациям, или дополнительных полномочий «большому брату». Если кто-

то из стран-участниц заинтересован в определенном решении — ему придется убедить всех остальных, а не просто отдавать приказания — или накладывать вето.

3) *Исполнительный Комитет* — наблюдает за исполнением выработанных сообществом норм международного права; каждая страна-участница должна обеспечить на своей территории главенство всеобщего законодательства над любыми местными установлениями. Помимо это основной обязанности, ИК координирует совместные действия стран-участниц, управляет имуществом и активами МС. ИК состоит из представителей стран, избранных на очередной двух- или трехлетний период, с соблюдением норм регулярной ротации.

4) *Международный Трибунал* — принимает иски от остальных органов МС и устанавливает необходимость совместных действий против нарушителей международного порядка. Работают в МТ профессионалы из стран, выбранных на текущий период, с должной ротацией.

Теперь, когда новая организация построена и готова приступить, США официально уведомляют бывшие органы ООН о прекращении их прерогатив на территории США; то же самое проделывают все остальные страны-участницы МС на своих землях. Финансы, недвижимость и прочее имущество ООН передается в управление новой организации — за исключение собственности государств, предпочитающих оставаться вне мирового сообщества; такие страны-изгои должны будут прекратить любую связанную с ООН деятельность на территориях стран МС.

Достаточно все это проделать — и вскоре мир с радостью подчинится новым демократическим принципам, а роль США неизмеримо возрастет — ибо кто еще обладает таким внушительным опытом продвижения демократии на мировой арене, и столь предан своей миссии вести человечество к предстоящему счастью и процветанию!

СОДЕРЖАНИЕ

Тьма просвещения.....	1
О спорте.....	2
Мудрость во времени.....	4
Не зря!.....	4
О рекламе.....	5
Гордыня и собственность.....	6
О множественности миров.....	6
Авторство и плагиат.....	7
Иерархичность транспорта.....	8
Любовь, во веки веков.....	9
Журналистика.....	10
О званиях.....	11
Пути Сети и теория формаций.....	12
Исторические вершины.....	13
Борьба за существование.....	13
Восток и Запад.....	14
Ссылки и идентификация.....	14
Пустые споры.....	15
Праздники.....	15
Клонирование.....	16
Люди — и люди.....	17
Мышеловки интернета.....	18
Медицинская парадигма.....	19
Культура и антикультура.....	19
Юбилеи.....	20
Уничижительный почет.....	21
Стили ссылок.....	22
Благотворительность без намордника.....	23
Интеллектуальная собственность и пираты.....	24
Трудоголики и человеческая универсальность.....	26
Кризис среднего возраста?.....	27
Конец мифа о ГУЛАГе.....	28
Черный вторник: кризис цивилизации.....	29
Интернет как поле классовой борьбы.....	30
Вооружен — значит, виновен.....	32
Страсть к переменам как социальная болезнь.....	33
О преступлениях.....	34
Нераспространение господства.....	35
Логика для идиотов.....	36
Скотский разум?.....	37
Пропасть надежды.....	39

Сильные трусы и злые великаны	39
Пирамиды лжи	41
Дебильная демократия	42
Легкие и тяжелые	43
Злой спам, добрый спам	44
Революции? Перевороты!	45
Книга по требованию: проблеск нового экономического строя	47
Разум не для людей	48
Триада плавания	49
Вешатель Буш и заложник-Америка	49
Курение — смерть человечества	49
В поисках вырождения	51
Мобильный дурман	52
Варвары и гармония	52
О культурной относительности	53
Грани допинга	54
На здоровье	55
Клип-культура	57
Страх и реклама	58
Экомаразм	59
Погода и самочувствие	61
Тела свободы	62
Бессовестное разнообразие	64
Марш недоразвитых	67
Мысли о тростнике	68
Еще шажочек	70